

Развина Мари

Девушка с глазами цвета зимнего неба и праматер
которая никто не должен забыть
Мария, привидящая злобу между утверждением, что
мир там, где каждая рана имеет свой след

Там, где
кончается страх

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мари Развина

Там, где кончается страх

«Автор»

2026

Развина М.

Там, где кончается страх / М. Развина — «Автор», 2026

Чикаго. Две влиятельные семьи. Тайны прошлого. Любовь, которой не должно было случиться. Маттео Романо всегда держался подальше от дел семьи. Арианна всю жизнь скрывалась от собственного прошлого. Когда судьба сталкивает их вместе, оказывается, что самые опасные враги прячутся вовсе не среди мафиози. Иногда настоящий монстр живет гораздо ближе. И иногда именно любовь становится единственным способом выжить.

© Развина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Там, где кончается страх	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	41
Глава 5	63
Глава 6	74
Г	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Мари Развина

Там, где кончается страх

Там, где кончается страх

Чикаго.

Две влиятельные семьи.

Тайны прошлого.

Любовь, которой не должно было случиться.

Маттео Романо всегда держался подальше от дел семьи.

Арианна всю жизнь скрывалась от собственного прошлого.

Когда судьба сталкивает их вместе, оказывается, что самые опасные враги прячутся вовсе не среди мафиози.

Иногда настоящий монстр живет гораздо ближе.

И иногда именно любовь становится единственным способом выжить.

В книге вас ждут:

найденная семья;

заботливый герой;

хоккеист;

исцеление после травмы;

счастливый финал

Книга содержит сцены:

домашнего насилия;

физического и психологического насилия;

жестокое обращение;

последствий детской травмы;

крови;

смерти персонажа;

оружия;

Глава 1

Арианна

Будильник звенит ровно в шесть пятнадцать.

Не потому что мне нравится просыпаться так рано. Просто если я дам ему прозвенеть хотя бы на секунду дольше, он может разбудить Луку. А это последнее, чего мне хочется. Сон – единственный покой, который у него есть, и я буду беречь эти моменты до последнего вздоха.

Я выключаю звук почти вслепую и еще несколько секунд лежу неподвижно, уставившись в потолок. Старые трещины на белой краске давно превратились для меня в карту. Вон та, длинная, похожа на молнию. Чуть правее — будто ветка дерева. Есть и большая, напоминающая очертания лужи после ливня. За девятнадцать лет я успела выучить их лучше, чем улицы собственного района.

Но смотрю я вовсе не на потолок. Я слушаю. Прислушиваясь ко всем шорохам и завыванию ветра через ветхую форточку.

Смешно, правда? Большинство людей по утрам слушают музыку, новости или собственные мысли. Я слушаю квартиру.

За стеной тихо гудит старый холодильник. По крыше бьют капли дождя, создавая свою собственную мелодию природы. На улице уже проехал первый автобус, а значит, через час Чикаго окончательно проснется.

Самое главное — я не слышу шагов.

Не слышу скрипа паркета. Не слышу тяжелого дыхания за дверью. Тишина. Ненавижу ее.

Люди считают, что тишина успокаивает. Для меня она давно стала предупреждением. Иногда отец кричит еще до того, как открывает глаза. Иногда швыряет бутылки. Иногда включает телевизор на такой громкости, что начинают дребезжать стекла.

Но хуже всего именно такие утра. Когда в квартире слишком тихо. Потому что тогда никогда не знаешь, в какой момент эта тишина закончится.

Я медленно откидываю одеяло и опускаю ноги на холодный пол. Паркет неприятно обжигает ступни, но я давно перестала обращать на это внимание. Быстро натягиваю свободный серый свитер с длинными рукавами. Он на два размера больше, чем нужно, зато манжеты полностью скрывают ладони.

Привычка. Таких привычек у меня слишком много. Я машинально поднимаю взгляд на мольберт, стоящий возле окна. Автопортрет. Почти законченный.

Светлые волосы. Голубые глаза. Тонкие губы. Даже золотые крапинки вокруг зрачков я прорисовала так тщательно, что иногда кажется, будто девушка на холсте сейчас моргнет.

Только рук снова нет. Я не стирала их. Я просто... так и не смогла нарисовать. Сколько бы ни начинала. Сколько бы ни пыталась. Каждый раз кисть останавливается. Глупо. Очень глупо.

Преподаватель снова скажет, что композиция выглядит незавершенной. Лео закатит глаза и обязательно спросит: «Ты серьезно? Опять?». Я снова соврну. Скажу, что так задумано. Потому что объяснять правду намного тяжелее.

Тихо открываю дверь спальни и сразу оказываюсь в полутемном коридоре. Старый линолеум под ногами слегка пружинит, а выцветшие стены давно просят ремонта. Когда-то мама хотела перекрасить их в теплый песочный цвет. Даже выбрала краску. Не успела.

Я стараюсь не смотреть на то место, где до сих пор виднеется маленькое пятно голубой краски. Оно осталось после той самой банки, которую она случайно уронила. Наверное, любой другой человек давно бы стер его.

Я не смогла. Потому что это последнее, что напоминает мне о ней.

Первая дверь слева — комната Луки. Я всегда захожу к нему раньше, чем на кухню. Раньше, чем в ванную. Раньше, чем вообще позволяю себе думать о новом дне. Осторожно

нажимаю на ручку. В комнате тепло. Сквозь неплотно задернутые шторы пробиваются первые полоски рассвета, окрашивая стены в мягкий золотистый цвет. Лука спит поперек кровати, полностью запутавшись в одеяле. Одной рукой он крепко прижимает к груди потрепанного плюшевого динозавра, который давно потерял хвост и половину зеленой шерсти.

Я улыбаюсь. Наверное, только рядом с ним я вообще умею улыбаться по-настоящему. Подхожу ближе, осторожно поправляю одеяло и убираю светлую прядь с его лба. Он тихо вздыхает во сне, морщит нос и сильнее обнимает своего динозавра. Живой. Спокойный. В безопасности.

— Спи, малыш...

Во сне Лука всегда выглядел младше своих пяти лет. Беззаботнее. Будто не жил в квартире, где дети слишком рано учатся ходить на цыпочках и говорить шепотом. Только теперь я позволяю себе сделать полноценный вдох. Потому что каждое мое утро начинается не с кофе. И не с будильника. Оно начинается с того, что я убеждаюсь: этой ночью с Лукой ничего не случилось.

Я осторожно прикрываю дверь комнаты Луки, задерживая ладонь на ручке чуть дольше, чем нужно. Наверное, если бы кто-то сейчас наблюдал за мной со стороны, решил бы, что я просто слишком тревожная старшая сестра. Возможно, так оно и есть. Только тревога не появляется из ниоткуда. Она рождается после бессонных ночей, после чужих криков за стеной, после привычки просыпаться от каждого скрипа половиц и проверять, все ли еще на своих местах. Лука спит. Пока он спит спокойно, у меня есть несколько минут, когда я могу притвориться, что живу обычной жизнью.

Ванная встречает меня запахом влажной штукатурки и дешевого порошка. Лампочка над зеркалом снова мигает, то разгораясь ярче, то почти гаснув, будто никак не может решить, стоит ли ей окончательно перегореть. Отец обещал заменить ее еще месяца три назад. Забавно. Он много чего обещал. Я открываю кран, и ледяная вода с шумом ударяется о раковину. Горячую приходится ждать почти минуту, но я не жду. Никогда. Ледяная вода помогает проснуться быстрее любого кофе. Я набираю ее в ладони и несколько раз умываюсь, чувствуя, как кожа мгновенно покрывается мурашками. Несколько капель скатываются за ворот свитера, заставляя меня тихо поежиться. Хорошо. Холод возвращает в реальность.

Я медленно поднимаю голову и встречаюсь взглядом с собственным отражением. Наверное, у каждого человека бывают дни, когда зеркало показывает кого-то незнакомого. У меня таких дней не бывает. Оно всегда показывает одну и ту же девушку — уставшую, слишком взрослую для своих девятнадцати лет и почему-то постоянно пытающуюся выглядеть сильнее, чем чувствует себя на самом деле.

Мои волосы окончательно потеряли форму еще ночью. Почти пепельные, светло-русые, они рассыпались по плечам беспорядочными прядями, и сколько бы я ни пыталась их укладывать, через пару часов они все равно жили своей жизнью. Мама любила их расчесывать. Помню, как она садилась позади меня, включала старое радио и медленно проводила щеткой от макушки до самых кончиков. Говорила, что мои волосы похожи на зимнее солнце — светлые, холодные и совсем не похожие на волосы большинства итальянцев. Я тогда смеялась и отвечала, что они просто бесцветные. Она каждый раз качала головой и уверяла, что однажды я научусь видеть себя ее глазами. Не научилась.

Я убираю прядь за ухо и наклоняюсь ближе к зеркалу. Глаза... вот их мама действительно любила больше всего. Голубые, почти прозрачные, они всегда казались мне слишком светлыми. Но если солнечный свет падал под правильным углом, вокруг зрачка вспыхивали крошечные золотистые крапинки, словно художник случайно коснулся радужки кистью с золотой краской. В детстве мама называла их своим маленьким чудом и говорила, что таких глаз ни у кого больше не видела. Сейчас я вижу в них только вечную усталость. Под нижними веками снова

легли серые тени. Наверное, если сложить все часы сна за последний месяц, не наберется и недели нормального отдыха.

Пальцы сами тянутся к левой скуле. Почти исчез. Желтоватый след от синяка прячется под тонкой кожей, и если не знать, куда смотреть, его уже невозможно заметить. Еще пару дней — и можно будет не тратить остатки консилера. Я открываю шкафчик над раковиной. На полке стоят почти пустой тюбик тонального крема, старая тушь, которой я пользуюсь только по праздникам, упаковка пластырей, обезболивающее и баночка с мазью от ушибов. Наверное, у большинства девятнадцатилетних девушек в ванной стоят дорогие духи, сыворотки для лица и десятки баночек с непонятными названиями. У меня косметика давно превратилась не в способ стать красивее, а в способ выглядеть... нормально. Так, чтобы никто не задавал вопросов. Так, чтобы преподаватель снова сказал, что я, наверное, слишком много работаю. Так, чтобы Лео поверил очередной глупой истории про случайное падение с лестницы.

Я выдавливаю немного консилера на палец и аккуратно распределяю его по коже. Почти идеально. Если не всматриваться слишком внимательно. А люди редко всматриваются. Они видят только то, что им показывают. Наверное, поэтому прятаться так легко. Нужно всего лишь каждый день улыбаться чуть шире, чем хочется, смеяться чуть громче, чем получается, и никогда, ни при каких обстоятельствах не смотреть людям в глаза слишком долго. Потому что иногда мне кажется: если кто-нибудь задержит взгляд хотя бы на несколько секунд, он увидит не меня. Он увидит все то, что я так старательно скрываю уже много лет.

Я закручиваю крышку консилера и еще несколько секунд смотрю на свое отражение. Вроде бы неплохо. Если не знать, куда смотреть, ничего не заметишь. Именно на это я и рассчитываю каждый день.

Волосы быстро собираю в высокий хвост. Несколько непослушных прядей тут же выбиваются у висков, но бороться с ними бесполезно. Они всегда побеждают. Натягиваю на запястье тонкую черную резинку и в последний раз бросаю взгляд в зеркало.

Достаточно.

Красивой я никогда не старалась выглядеть.

Незаметной — всегда.

Из ванной я выхожу почти бесшумно. Старые доски в коридоре знают мои шаги не хуже меня самой. Я давно выучила, на какие нельзя наступать, если не хочу разбудить половину квартиры. Третья возле стены обязательно скрипнет. Пятая возле кухни тоже. А вот вдоль самого плинтуса можно пройти совершенно тихо.

Кухню уже начинает заливать утренний свет. Он пробивается сквозь грязноватое окно, ложится длинными полосами на столешницу и делает эту старую квартиру почти уютной. Почти.

Я включаю чайник и автоматически начинаю собирать Лукин ланч. Сегодня яблоко, бутерброд с сыром и ветчиной, маленький сок и упаковка крекеров с динозаврами. Он обожает именно эти. Говорит, что обычные печенья невкусные, потому что не умеют рычать.

Я улыбаюсь.

— Ари?

Я даже не оборачиваюсь.

— Уже иду.

Через несколько секунд Лука появляется на кухне. Волосы торчат в разные стороны так, будто ночью он дрался с подушкой и проиграл. Пижама перекосилась, один носок надет, второй почему-то зажат в руке.

— Доброе утро, соня.

— Я не соня.

— Правда?

— Правда.

Он серьезно смотрит на меня своими большими голубыми глазами, удивительно похожими на мои, хотя никто никогда этого не замечает.

— Просто кровать не хотела меня отпускать.

— Очень коварная кровать.

— Угу.

Я ставлю перед ним тарелку с кашей.

— Пока не доешь, никаких мультиков.

Он обреченно вздыхает так драматично, словно я только что разрушила все его детские мечты.

— Ты очень жестокая.

— Это наследственное.

— От кого?

Вопрос застаёт меня врасплох.

Я опускаю ложку в кружку с кофе и заставляю себя улыбнуться.

— Не знаю.

Он пожимает плечами и принимается за кашу.

Дети удивительно быстро принимают ответы, которые взрослые не готовы произнести вслух.

Пока Лука ест, я быстро собираю рюкзак. Альбом. Пенал. Карандаши. Папка с набросками. Кошелек. Зарядка. Наушники.

Все на своих местах.

Порядок — единственная вещь, которую я могу контролировать.

Из спальни доносится тяжелый кашель. Я замираю. Через секунду снова наступает тишина. Значит, сегодня он проснулся.

Плохо. Очень плохо.

Я перевожу взгляд на Луку. Он тоже услышал. Ложка в его руке на мгновение останавливается. Мы молчим. Даже не переглядываемся. Лова здесь давно стали лишними. Я лишь тихо произношу:

— Ешь.

Он кивает.

Через пять минут мы уже стоим в прихожей. Я застегиваю молнию на его маленькой синей куртке, поправляю шарф и натягиваю шапку почти до самых бровей.

— Ари...

— М?

— Сегодня хороший день?

Я присаживаюсь перед ним на корточки.

— А ты как думаешь?

Он задумывается так серьезно, будто решает мировую проблему.

— Думаю... хороший.

— Тогда так и будет.

Он широко улыбается и протягивает мне мизинец. Наша традиция. Я цепляюсь своим за его.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Только после этого он позволяет открыть дверь квартиры.

Холодный октябрьский воздух сразу бьет в лицо. Чикаго только просыпается. Узкие улицы постепенно заполняются машинами, из ближайшей кофейни тянется запах свежей выпечки, а где-то совсем рядом гремит надземное метро. Город живет своей жизнью — шумной, быстрой, равнодушной. Иногда мне кажется, что это единственное место, где можно поте-

ряться. Здесь никому нет до тебя дела. Никто не задерживает взгляд дольше пары секунд. Никто не спрашивает, почему ты носишь длинные рукава даже тогда, когда на улице почти двадцать градусов.

И, наверное, именно за это я люблю Чикаго.

Он никогда не задает лишних вопросов.

Сначала я отвожу Луку в детский сад. Он, как всегда, убегает к своим друзьям, даже не обернувшись. Раньше меня это расстраивало. Теперь радуется. Значит, хотя бы несколько часов в день он может быть обычным пятилетним мальчишкой, а не ребенком, который постоянно прислушивается к шагам за дверью.

Когда за ним закрывается дверь группы, я еще минуту стою на улице.

Просто смотрю в окно.

Пока не убеждаюсь, что он смеется.

Только после этого иду к автобусной остановке.

До университета почти сорок минут.

Этого времени как раз хватает, чтобы снова надеть привычную маску.

Маску девушки, у которой все в порядке.

Кампус встречает меня привычным шумом, который уже давно стал чем-то вроде фоновой музыки моей жизни. У главного корпуса толпятся первокурсники, судорожно сверяясь с расписанием и пытаюсь понять, где находится нужная аудитория. Кто-то бежит, придерживая папку с листами, которые вот-вот разлетятся по всей площади, кто-то пьет кофе на ходу, рискуя облить себя раньше, чем успеет сделать первый глоток, а кто-то уже сидит на газоне, будто впереди не учебный день, а пикник. Осенний ветер гоняет по дорожкам желтые листья, смешивая их с рекламными листовками университетских клубов. Кажется, здесь каждый пытается стать частью чего-то большего. Театральной студии. Музыкальной группы. Волонтерского движения. Только я уже давно выбрала единственное место, где чувствую себя собой. Художественный корпус.

— Миллер! — доносится знакомый голос где-то за спиной. Я даже не оборачиваюсь. Кроме одного человека, никто не умеет так драматично произносить мою фамилию, словно она принадлежит последней выжившей наследнице британской короны. — Арианна Миллер! Если ты сейчас сделаешь вид, что не слышишь меня, клянусь, я начну плакать прямо посреди кампуса. И не просто плакать, а красиво. Так, чтобы потом мои фотографии попали в университетскую газету.

Я все-таки оборачиваюсь. Лео почти бежит ко мне, придерживая через плечо огромную сумку с кистями и рулонами бумаги. Сегодня он снова выглядит так, будто случайно оказался на показе высокой моды, а потом перепутал его с университетом. Темно-бордовый пиджак поверх белой футболки, широкие черные брюки, яркий шелковый шарф и белые кеды, на которых уже нет ни одного свободного сантиметра — вся ткань расписана вручную разноцветными мазками. Любой другой человек выглядел бы нелепо. Лео каким-то образом умудряется выглядеть так, словно именно так и должно быть.

— Ты опять рисовал на обуви? — спрашиваю я, когда он наконец догоняет меня.

— Попрошу. Это авторская кастомизация.

— Это краска.

— Это искусство.

— Это кеды.

— Ари, иногда мне кажется, что ты специально учишься на художника, чтобы издеваться надо мной.

Я усмехаюсь и качаю головой. Лео театрально хватается за сердце, будто только что пережил личную трагедию, а потом победно улыбается, заметив мою реакцию.

— Вот! Видела? Ты улыбнулась. А говорила, что сегодня плохое настроение. Значит, миссия выполнена.

Он говорит это так легко, словно не замечает, что улыбка появляется на моем лице всего на пару секунд, а потом исчезает так же быстро, как утренний туман над озером Мичиган. Иногда мне кажется, что Лео видит намного больше, чем показывает. Он никогда не спрашивает, почему я прихожу в университет уставшей. Почему летом хожу в одежде с длинными рукавами. Почему вздрагиваю, если кто-то слишком резко оказывается за моей спиной. Он просто принимает все мои странности как часть меня. Наверное, именно поэтому рядом с ним мне не приходится постоянно ждать удара.

Художественный корпус встречает нас знакомым запахом. Масляные краски. Растворитель. Льняное масло. Старое дерево мольбертов. Здесь этот аромат вьется в стены настолько сильно, что, кажется, исчезнет только вместе со всем зданием. Кто-то считает его резким. Для меня он давно стал запахом свободы. Стоит переступить порог мастерской, как плечи сами собой расслабляются. Здесь никто не повышает голос. Никто не заставляет оправдываться. Здесь можно ошибаться. Переделывать. Начинать заново. В живописи это нормально. Жаль, что в жизни все работает иначе.

Я подхожу к своему мольберту и снимаю защитную ткань с холста. Автопортрет почти закончен. Светлые волосы, голубые глаза, едва заметная полуулыбка — чужому человеку показалось бы, что работа завершена. Только преподаватель замечает это каждый раз. Ниже плеч снова пустота. Рукава свитера уходят в тень, а сами руки будто растворяются в воздухе. Я долго пыталась заставить себя их дорисовать. Меняла композицию, освещение, даже переписывала весь холст заново. Каждый раз кисть останавливалась в одном и том же месте. Забавно. Я без труда могу нарисовать человеческую анатомию по памяти, знаю каждую мышцу и каждую кость кисти, но стоит попытаться нарисовать собственные руки — внутри будто что-то ломается.

— Миллер, — спокойный голос профессора Харриса заставляет меня поднять голову. Он уже стоит рядом, внимательно рассматривая картину, сцепив руки за спиной. — Если однажды вы перестанете быть такой упрямой, из вас получится великий художник.

— А пока?

Он едва заметно улыбается.

— Пока получается просто очень хороший.

Лео тихо прыскает со смеху за моей спиной.

— Я бы это воспринял как комплимент.

— Потому что вам, мистер Росси, никогда не говорили ничего лучше.

— Это было грубо.

— Это было честно.

Я перевожу взгляд обратно на холст, уже понимая, что последует дальше. Это происходит каждый семестр. Каждый автопортрет. Каждый раз один и тот же вопрос.

Профессор несколько секунд молчит, а потом тихо проводит пальцем по воздуху возле незаконченного силуэта.

— Скажите мне, Арианна... почему на всех ваших автопортретах нет рук?

Я поднимаю голову далеко не сразу. Сначала долго рассматриваю собственную работу, будто вижу ее впервые. Потом медленно кладу кисть на край палитры, вытираю испачканные охрой пальцы о старую тряпку и только после этого перевожу взгляд на профессора.

— Вы ведь знаете, что сейчас будет, — произношу я, спокойно встречаясь с профессором взглядом.

Он едва заметно приподнимает бровь, словно искренне удивлен моей уверенностью.

— Неужели?

— Вы зададите этот вопрос. Я отвечу, что это художественный прием. Вы скажете, что мне не стоит прятаться за красивыми словами. Я начну убеждать вас, что не прячусь, а потом мы оба сделаем вид, будто поверили друг другу, и спокойно перейдем к следующей теме.

По аудитории прокатываются смешки. Кто-то тихо хмыкает за моей спиной, а Лео даже не пытается скрыть улыбку.

Профессор складывает руки за спиной и, чуть покачавшись с пятки на носок, внимательно смотрит на меня.

— Вы забыли одну небольшую деталь.

— Какую именно? — спрашиваю я, хотя уже догадываюсь, к чему он ведет.

— Мне действительно хочется услышать настоящий ответ.

Я невольно усмехаюсь.

— А мне действительно не хочется его давать.

— Почему?

— Потому что он вам не понравится.

— Откуда такая уверенность?

Я пожимаю плечами и отвожу взгляд к окну.

— Людям редко нравится правда.

— Не соглашусь, — спокойно возражает профессор. — Иногда правда оказывается гораздо легче, чем бесконечные попытки ее спрятать.

Я снова смотрю на него.

— Тогда вам просто везло.

Он ничего не отвечает сразу. Просто смотрит. Так внимательно, что внутри появляется почти физическое желание отвернуться.

Не сейчас.

Если я первой отведу взгляд, он поймет, что попал в цель.

— Арианна... — его голос становится заметно мягче. — Я преподаю почти сорок лет. За это время через мои аудитории прошли тысячи студентов. Кто-то поступил сюда только потому, что родители решили: художник — профессия романтическая. Кто-то оказался здесь случайно, потому что не прошел на другой факультет. Были ребята, которых природа наградила невероятным талантом, но совершенно лишила трудолюбия. Были и те, кто работал сутками, однако так и не смог научиться чувствовать собственную картину. Они прекрасно знали анатомию, перспективу, цвет, но в их работах не было жизни. Знаете, что объединяло почти всех этих людей?

Я слегка пожимаю плечами.

— Они ввали?

Он тихо улыбается.

— Нет.

— Тогда что?

— Рано или поздно они переставали бояться своих работ. Переставали бояться того, что могут случайно рассказать о себе слишком много.

Он делает небольшую паузу.

— А вы... до сих пор боитесь.

Несколько секунд в мастерской стоит такая тишина, что становится слышно, как кто-то в дальнем углу моет кисти под краном.

Лео первым нарушает молчание.

— Ой... — протягивает он, переводя взгляд с меня на профессора. — Сейчас либо состоится самый глубокий разговор этого семестра, либо Ари кого-нибудь убьет. И, если честно, я пока ставлю пятьдесят на пятьдесят.

— Скорее второе, — отвечаю я, не сводя взгляда с профессора.

— Видите? — Лео театрально разводит руками и поворачивается к остальным студентам. — Именно поэтому я всегда сижу минимум через один мольберт от нее. Она выглядит очень милой, пока молчит. Но стоит ей открыть рот — и сразу понимаешь, что где-то в прошлой жизни она была наемным убийцей.

Я бросаю на него короткий взгляд.

— Лео.

— Что?

— Замолчи.

Он складывает руки на груди и демонстративно качает головой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты сейчас снова строишь вокруг себя бетонную стену. А профессор уже минут десять пытается хотя бы найти в ней дверь. Не проломить. Не снести. Просто понять, где у тебя вообще вход.

Я тяжело вздыхаю.

— Ты вообще на чьей стороне?

— На своей, разумеется. Это самая безопасная позиция.

— Очень благородно.

— Конечно. Я вообще человек исключительных моральных качеств. И еще очень красивый. Это тоже важно.

— Скромности ты так и не научился.

— Зачем? Если человек великолепен, он обязан сообщать об этом окружающим. Представь, сколько людей ходили бы по миру и даже не подозревали, что встретили меня.

— Кто тебе сказал, что ты великолепен?

— Зеркало.

— Оно соврало.

— Оно влюблено.

В аудитории снова раздается смех.

Даже профессор, который обычно старается сохранять серьезность, устало улыбается и качает головой.

— Мистер Росси, иногда мне кажется, что вы существуете исключительно для того, чтобы эта группа окончательно не впала в депрессию.

— Это мой талант.

— Это ваше наказание.

— Возможно, — с важным видом кивает Лео. — Но согласитесь, очень обаятельное наказание.

Профессор Харрис еще несколько секунд молча смотрел на меня, словно мысленно продолжал разговор, который мы оба решили не заканчивать. Потом уголок его губ едва заметно дрогнул. Он отвернулся, неторопливо подошел к преподавательскому столу, взял папку с журналом группы и несколько раз постучал ею по ладони, привлекая внимание аудитории.

— Ладно, господа художники, — произнес он уже громче, обводя мастерскую спокойным взглядом. — Предлагаю оставить экзистенциальные страдания, философские поиски себя и попытки понять мисс Миллер хотя бы до следующей недели. Сегодня у меня для вас новости куда интереснее.

По аудитории тут же прокатился оживленный гул. Кто-то наконец убрал телефон в карман, кто-то перестал лениво отмывать кисти в раковине, а Лео театрально хлопнул в ладоши так громко, будто только что услышал объявление о досрочных каникулах.

— Надеюсь, хорошие? — с надеждой спросил он, широко улыбнувшись профессору. — Потому что плохих за этот семестр уже было столько, что еще одной новости моя психика просто не выдержит.

Харрис даже не поднял головы от журнала.

— Для вас, мистер Росси, любые новости автоматически становятся плохими, если после них приходится работать.

Лео картинно приложил ладонь к груди.

— Это ужасная клевета, профессор. Вы сейчас публично разрушили мой образ ответственного и трудолюбивого студента.

— Какой именно образ? — спокойно уточнил Харрис, перелистывая страницу. — За три года обучения я с ним так и не познакомился.

По мастерской прокатился смех.

— Вот видите? — трагично вздохнул Лео, разведя руками. — Даже шанса не дали оправдаться.

— Потому что оправдания обычно занимают у вас больше времени, чем сама работа.

— Несправедливо...

— Зато честно.

Лео обреченно покачал головой и опустил на край стола.

— Иногда мне кажется, что вы просыпаетесь по утрам исключительно с мыслью: «Как бы сегодня красиво уничтожить самооценку Росси?»

— Ошибаетесь.

— Правда?

— Это приходит спонтанно.

Смех в аудитории стал громче.

Харрис дождался, пока шум немного утихнет, закрыл журнал и медленно прошелся между рядами мольбертов.

— Обычно в конце семестра каждый из вас получает свободную тему для итоговой работы, — начал он уже серьезнее. — Кто-то пишет городской пейзаж, кто-то выбирает натюр-морт, кто-то работает с человеческой фигурой. Но за последние месяцы я внимательно наблюдал за вами. Не только за тем, как вы рисуете. За тем, как вы думаете, как выбираете композицию, какие ошибки повторяете из раза в раз и, наоборот, что получается у вас настолько естественно, что вы сами этого не замечаете. Поэтому в этом году я решил немного изменить правила.

В мастерской сразу стало тише.

Даже те, кто обычно разговаривал во время объяснений, сейчас внимательно слушали.

— Задания будут индивидуальными, — продолжил профессор, медленно прохаживаясь между мольбертами. — Сара, вы продолжите работать с детскими портретами. Никто в этой группе не умеет так ловить искренние эмоции ребенка, как вы.

— Правда? — девушка даже растерялась от неожиданности. — Спасибо... Я очень хотела продолжить эту серию.

— И продолжите, — кивнул Харрис. — Только на этот раз попробуйте меньше идеализировать детей. Они бывают не только милыми. Иногда они хитрые, злые, упрямые и ужасно смешные. Покажите это.

Сара быстро закивала, что-то записывая в блокнот.

— Джеймс, — профессор перевел взгляд на высокого парня у окна. — Вам достается архитектурная серия. Но я не хочу видеть красивые здания. Их фотографируют туристы. Я хочу увидеть характер города. Чтобы по вашей работе человек понял, чем Чикаго отличается от Нью-Йорка, даже если убрать все вывески.

— Постараюсь, профессор, — серьезно ответил Джеймс.

— Не постарайтесь.

Харрис остановился возле него.

— Сделайте.

Тот молча кивнул.

Профессор перевернул страницу журнала.

— Мистер Росси...

Лео резко выпрямился и поднял указательный палец.

— Одну секундочку. Прежде чем вы скажете мое задание... можно я угадаю?

Харрис терпеливо посмотрел на него.

— Попробуйте.

— Что-нибудь эффектное. Современное искусство. Абстракция. Модная инсталляция.

Возможно, человеческие эмоции через форму...

— Цветы.

Лео несколько секунд молча смотрел на профессора.

— Простите?

— Цветы.

— Нет, я услышал. Просто надеялся, что это была шутка.

— Нет.

— Профессор... — Лео медленно опустил обратно на стул. — Вы снова отправляете меня рисовать цветы?

— Именно так.

— Это дискриминация талантливых людей.

— Нет, мистер Росси. Это последствия ваших собственных слов.

— Каких именно?

— В начале семестра вы почти полчаса убеждали меня, что способны увидеть красоту абсолютно во всем.

— Ну...

— Вот и докажите.

По аудитории снова прокатился смех. Лео тяжело вздохнул и трагично посмотрел в потолок.

— Иногда мой длинный язык становится причиной очень серьезных проблем.

— Наконец-то мы нашли вопрос, в котором полностью согласны.

Даже самые серьезные студенты не смогли сдержать улыбки. Профессор перевел взгляд на меня. На этот раз он не говорил сразу. Будто намеренно выдерживал паузу.

— Арианна.

Я молча подняла голову.

— Вам я хочу предложить совершенно другую работу.

По аудитории снова стало тихо.

— Вы лучший портретист на курсе, — спокойно произнес Харрис. — Не потому что идеально знаете анатомию. Не потому что уверенно работаете со светом. А потому что умеете замечать то, что большинство людей предпочитает не видеть. Именно поэтому ваши портреты так цепляют. И именно поэтому я хочу дать вам самую сложную задачу из всех.

Я невольно нахмурилась.

— Какую?

— Со следующей недели в мастерскую начнет приходить университетская хоккейная команда. Игроки будут позировать для занятий факультета искусств.

По аудитории тут же пронесся удивленный шепот.

— Но писать их будете именно вы.

Пара закончилась почти одновременно со звонком.

По аудитории сразу прокатился привычный шум. Кто-то торопливо собирал кисти, боясь опоздать на следующую лекцию, кто-то продолжал спорить с преподавателем о композиции, а кто-то уже успел достать телефон и принялся обсуждать неожиданную новость про хоккейную команду.

— Нет, ты вообще представляешь? — восторженно произнесла девушка за соседним мольбертом, торопливо застегивая рюкзак. — Они правда будут сюда приходить.

— Я надеюсь, капитана тоже позовут.

— Конечно позовут. Без него команда вообще никуда не ходит.

— Господи... я теперь впервые в жизни не пропущу ни одного занятия по живописи.

Лео выразительно закатил глаза и повернулся ко мне.

— Вот скажи честно... это нормально?

Я застегнула папку с рисунками и вопросительно посмотрела на него.

— Что именно?

— То, что люди готовы полюбить искусство исключительно из-за красивых спортсменов.

— Если это приведет их в музей, значит, польза все-таки есть.

— Ари, ты безнадежна, — тяжело вздохнул он, поправляя ремень сумки. — Ты сейчас должна была хотя бы сделать вид, что тебе интересно.

— Мне интересно.

Он даже остановился.

— Правда?

— Конечно.

Лео довольно улыбнулся.

— Ну вот. Я уже начал переживать.

— Мне интересно рисовать людей.

Его улыбка медленно исчезла.

— Иногда я забываю, что мы воспринимаем этот мир совершенно по-разному.

Я пожала плечами.

— Они же все равно будут сидеть неподвижно.

— Господи...

Он прикрыл лицо ладонью.

— Ты сейчас сказала это так, будто профессор принесет вам не хоккеистов, а гипсовые бюсты.

— Для портретиста разница не такая уж большая.

— Нет, все-таки ты невозможная.

Мы вышли из мастерской вместе с остальными студентами. Просторный коридор художественного корпуса постепенно наполнялся людьми. Кто-то спускался по лестнице, кто-то стоял возле автоматов с кофе, обсуждая предстоящие экзамены, кто-то уже спешил на улицу.

Я почти не обращала внимания на окружающих. В голове крутились слова профессора.

«Вы пишете людей такими, какими сами их чувствуете.»

Странная фраза. Не знаю, почему именно она никак не хотела исчезать из мыслей.

Мы как раз свернули к главному холлу, когда тяжелые двери спортивного крыла распахнулись. Сначала послышались голоса. Потом смех. Через несколько секунд в коридор буквально хлынула группа высоких парней в тренировочной форме с эмблемой университета. От них пахло холодным воздухом, льдом, спортивной мазью и тем особенным запахом раздевалки, который невозможно перепутать ни с чем другим. Они громко переговаривались, толкались плечами, спорили о чем-то так эмоционально, будто матч продолжался даже после окончания тренировки.

Реакция последовала мгновенно. Несколько девушек впереди резко замедлили шаг. Кто-то торопливо поправил волосы. Кто-то сделал вид, что очень внимательно рассматривает объявление на стенде. Кто-то вообще достал телефон.

Лео тихо фыркнул.

— Началось...

Я лишь мельком посмотрела в ту сторону.

Обычные парни. Уставшие после тренировки. Растрепанные. С мокрыми волосами. Один смеялся так громко, что его голос перекрывал остальных. Другой на ходу жонглировал хоккейной шайбой. Третий что-то увлеченно рассказывал, размахивая руками. Ничего особенного.

Я спокойно отвернулась и пошла дальше. В этот самый момент кто-то случайно задел меня плечом. Не сильно. Скорее вскользь. Меня будто ударило током, инстинктивно я отпрыгнула.

— Извини, — раздался низкий мужской голос совсем рядом.

Я автоматически подняла глаза. Передо мной стоял высокий парень, наверное, под метр девяносто. Даже немного сутулившись под тяжестью хоккейной сумки, он все равно возвышался надо мной почти на голову. Темные, почти черные волосы после тренировки были влажными и беспорядочно падали на лоб, несколько прядей прилипли к вискам. На скулах еще блестели капли пота, а ворот темной спортивной кофты был расстегнут, открывая крепкую шею. Под тонкой тканью отчетливо угадывались широкие плечи и сильное тело человека, который проводит на льду большую часть своей жизни.

Но больше всего цепляли глаза.

Теплые карие.

Удивительно спокойные.

Без привычной для многих парней самоуверенности или желания произвести впечатление. Он смотрел прямо на меня с легкой виноватой улыбкой, терпеливо ожидая моей реакции, словно действительно переживал, что случайно напугал незнакомую девушку.

— Ничего страшного, — ответила я так же спокойно и, поправив ремень сумки, пошла дальше, даже не обернувшись.

Через несколько шагов я уже забыла об этом столкновении. Для меня он был всего лишь еще одним студентом. Еще одним лицом в бесконечной толпе университета. Я даже не подозревала, что для кого-то другого эти несколько секунд окажутся началом истории, которая изменит жизнь нас обоих.

Глава 2

Маттео

Будильник начинает вибрировать ровно в семь тридцать. Не звонить — именно вибрировать. Я отключил все мелодии еще несколько месяцев назад. Не потому, что они раздражали. Просто не вижу смысла просыпаться под звук сирены, если можно открыть глаза от легкой вибрации телефона. Я нащупываю его на прикроватной тумбе почти вслепую, выключаю экран и еще несколько секунд лежу неподвижно, уставившись в белый потолок. Мышцы неприятно ноют после вчерашней тренировки, плечи будто налиты свинцом, а поясница напоминает, что идея тренера добавить силовую в конце ледовой была самой настоящей пыткой. Отлично. Новый день начинается с ощущения, будто ночью по мне проехался грузовик.

Я медленно поднимаюсь с кровати, разминаю шею и слышу тихий хруст позвонков. Великолепно. Двадцать лет, а организм уже ведет себя так, словно мне далеко за шестьдесят. Если сейчас заставить меня завязать шнурки без разминки, боюсь, придется сначала вызвать врача. Натягиваю серые спортивные штаны, первую попавшуюся футболку и, по привычке, сразу застилаю кровать. Никто не проверит, никто не сделает замечание, если я этого не сделаю. Просто терпеть не могу беспорядок. Наверное, это единственная привычка, которую я действительно унаследовал от отца. Вещи должны лежать на своих местах. Кровать должна быть застелена. Посуда — вымыта. План на день — в голове. Когда вокруг порядок, становится проще не думать обо всем остальном.

Квартира встречает привычной тишиной. Именно поэтому я и живу здесь, а не в особняке Романо. Отец до сих пор считает, что это самая бессмысленная трата денег в моей жизни. Каждый раз, когда мы видимся, он повторяет одну и ту же фразу: «Зачем платить за съемную квартиру, если у тебя есть дом?» Я никогда не отвечаю честно. Потому что ответ ему не понравится. Дом у меня действительно есть. Огромный. Роскошный. С высокими потолками, охраной, десятком гостевых комнат и людьми, которые никогда не перестают куда-то идти, что-то обсуждать и принимать решения. Только вот тишины там не бывает. А здесь бывает. Здесь никто не стучит в дверь в семь утра. Никто не вызывает меня в кабинет посреди завтрака. Никто не обсуждает дела семьи за соседней стеной. Только я, шум кофемашины и просыпающийся Чикаго за панорамным окном.

Пока варится кофе, я открываю холодильник. Как и ожидалось, выбор не отличается разнообразием. Яйца. Бекон. Апельсиновый сок. Пара банок энергетика, которые я обещал себе больше не покупать. Половина упаковки сыра. На этом фантазия заканчивается. Через несколько минут кухня наполняется запахом жареного бекона, а по телевизору уже всюду обсуждают вчерашний матч НХЛ. Ведущие спорят из-за отмененной шайбы так эмоционально, будто лично потеряли из-за этого Кубок Стэнли. Я слушаю их вполуха, скорее по привычке, чем из интереса. Когда живешь один, любой голос в квартире постепенно перестает казаться лишним.

Моя квартира вообще мало похожа на жилье человека, которого отец с детства готовил к совершенно другой жизни. Здесь нет дорогой мебели, коллекционного оружия, антиквариата или картин за десятки тысяч долларов, которыми так любят украшать особняки состоятельные семьи. Белые стены. Темно-серый диван. Большой телевизор. Кухонный остров. Все максимально просто. Зато хоккей здесь буквально повсюду. Возле балконной двери стоят две клюшки. У входа так и лежат коньки после вчерашней вечерней тренировки. На спинке стула висит форма с эмблемой университета, которую я вчера поленился убрать в шкаф. Если кто-нибудь впервые окажется здесь, он вряд ли догадается, чем занимается моя семья. Зато сразу поймет, чем живу я.

Я успеваю сделать всего пару глотков кофе, когда телефон, лежащий на кухонном острове, начинает вибрировать. Экран загорается всего на несколько секунд, но этого достаточно, чтобы я увидел имя.

Отец.

Я не тороплюсь отвечать. Не потому, что не хочу с ним разговаривать. Просто прекрасно знаю, о чем пойдет речь. Он никогда не звонит спросить, как дела. Не интересуется, как прошла игра или сдал ли я очередной экзамен. Если отец набирает мой номер, значит, ему что-то нужно.

Телефон вибрирует еще раз.

Я провожу пальцем по экрану и подношу его к уху, продолжая смотреть через панорамное окно на медленно просыпающийся город.

— Доброе утро, — спокойно произношу я.

На другом конце несколько секунд стоит тишина. Не неловкая. Скорее привычная. Отец никогда не начинает разговор с лишних слов.

— Сегодня вечером семейный ужин, — наконец произносит он своим ровным, низким голосом. Тем самым голосом, после которого большинство людей автоматически начинают выпрямлять спину.

Я машинально перевожу взгляд на часы.

Половина восьмого.

— У меня вечерняя тренировка, — отвечаю так же спокойно, без попытки спорить или искать оправдания.

— После.

Всего одно слово. Короткое. Без вопросительной интонации. Не просьба. Не приказ. Просто факт.

Я тихо выдыхаю.

— Во сколько?

— В восемь.

— Хорошо. Буду.

Отец не отвечает сразу.

Я слышу только едва различимое шуршание бумаг. Наверное, он снова работает одновременно с разговором. По-другому я его почти не помню.

— Не опаздывай.

Связь обрывается. Даже без привычного «до встречи».

Я опускаю телефон на стол и несколько секунд молча смотрю на погасший экран.

Со стороны может показаться, что разговор вышел холодным. Наверное, так и есть. Но дело вовсе не в отсутствии чувств. Просто отец никогда не был человеком, который говорил лишнее. В нашей семье вообще редко произносили то, что можно было понять без слов.

Если он приглашал на ужин — значит, я должен приехать.

Если говорил «не опаздывай» — значит, вечером будут обсуждать что-то важное.

И если звонил лично, а не через одного из братьев...

Значит, причина действительно была серьезной.

Я делаю еще один глоток уже успевшего остыть кофе и невольно усмехаюсь.

Забавно.

Большинство парней моего возраста получают звонки от родителей с вопросами вроде: «Ты поел?» или «Когда приедешь домой?»

Мой отец ограничивается пятью предложениями.

И каким-то образом этого всегда оказывается достаточно.

Через двадцать минут я уже выхожу из подъезда, на ходу застегивая черную университетскую куртку. Октябрь в Чикаго никогда не спрашивает, готов ли ты к холоду. Он просто

однажды приходит и начинает продувать город насквозь. Ветер тут же забирается под воротник, заставляя поднять плечи, а ледяной воздух окончательно прогоняет остатки сна. Я нажимаю кнопку на брелоке, и стоящий через несколько парковочных мест темно-серый «Range Rover» коротко мигает фарами. Машину отец подарил мне на девятнадцатилетие. Я тогда долго пытался отказаться. Безуспешно. Если глава семьи Романо что-то решил, переубедить его почти невозможно. Поэтому теперь я просто езжу на слишком дорогой машине и стараюсь не думать о том, сколько студентов нашего университета могли бы оплатить год обучения за ее стоимость.

Дорога до кампуса занимает чуть меньше двадцати минут. Утренний поток машин уже успевает собрать привычные пробки, радио тихо играет где-то на фоне, а я почти не слушаю ведущего, который обсуждает результаты вчерашнего бейсбольного матча. Голова занята совсем другим. Семейный ужин. Если отец позвонил лично, значит, вечером речь пойдет явно не о том, как проходит мой сезон. Скорее всего, опять разговоры о семье, о будущем, о том, что я слишком редко появляюсь дома. Он никогда не говорит этого напрямую, но я слишком хорошо его знаю. Иногда достаточно одного взгляда, чтобы понять, чем закончится вечер.

Стоит мне свернуть на парковку университета, как привычная тишина заканчивается. Кампус уже живет своей жизнью. Студенты идут между корпусами с кофе в руках, кто-то сидит прямо на ступенях, повторяя материал перед парой, кто-то спорит так эмоционально, будто от этого зависит судьба человечества. Стоит мне захлопнуть дверь машины и сделать всего несколько шагов в сторону главного корпуса, как дорогу неожиданно преграждает девушка в короткой кожаной юбке и объемной университетской толстовке. Кажется, мы пересекались пару раз на каких-то вечеринках после матчей, но имени я так и не запомнил. Она опирается бедром о соседнюю машину, словно специально ждала именно здесь, и лениво улыбается, поймав мой взгляд.

— Ну наконец-то, — произносит она с притворным облегчением, скрестив руки на груди. — Я уже начала думать, что ты специально приезжаешь в университет в разное время, лишь бы со мной не столкнуться.

Я останавливаюсь в паре шагов от нее и невольно усмехаюсь.

— Не исключено.

— Как грубо, — девушка картинно прикладывает ладонь к сердцу, но в ее глазах пляшут веселые искры. — А я ведь хотела начать утро с чего-нибудь приятного.

— Например?

Она делает еще один шаг ближе, сокращая расстояние между нами почти до неприличного.

— Например... с тебя.

Несколько секунд она молчит, внимательно наблюдая за моей реакцией, а потом слегка наклоняет голову набок.

— Маттео, скажи честно, сколько раз мне еще придется намекнуть? Или ты действительно настолько непрошибаемый?

— Возможно, второе.

— Не верю. Любой нормальный парень уже давно понял бы, что девушка, которая третий раз за неделю караулит его на парковке, явно хочет не обсудить домашнее задание.

Я тихо выдыхаю.

— Это я понял.

— Тогда почему каждый раз делаешь вид, будто ничего не происходит?

Она улыбается еще шире и проводит пальцем по ремню моих джинс, словно случайно задерживая руку.

— Знаешь... у меня сегодня свободная квартира. Соседка уехала к родителям до понедельника. Совпадение, конечно, удивительное.

Я аккуратно убираю ее руку, не позволяя ей коснуться меня снова.

— Очень удивительное.

— И?

— И надеюсь, вы хорошо проведете выходные.

Она тихо смеется.

— Нет, ну это уже даже обидно. Я сейчас буквально открытым текстом предлагаю тебе провести незабываемую ночь вместе.

— Я заметил.

— И?

Я пожимаю плечами.

— Ничего не изменилось.

Она недоверчиво смотрит на меня несколько секунд.

— Серьезно? Ты мог бы сделать со мной всё, что пожелаешь. И ты сейчас просто... отказываешься?

— Да.

— Даже не подумаешь?

— Уже подумал.

— И что решил?

— Что через час у меня тренировка.

Девушка закатывает глаза так выразительно, что я едва сдерживаю улыбку.

— Господи... Ты опять про свой хоккей.

— Потому что он никуда не делся.

— Маттео, — она качает головой, — иногда мне кажется, что ты любишь лед гораздо сильнее, чем женщин.

— Не исключено.

Она несколько секунд молчит, потом неожиданно улыбается уже без привычной самоуверенности.

— Ладно. Знаешь что? Теперь мне хотя бы понятно, почему вокруг тебя столько слухов.

— Каких именно?

— Что ты либо святой... либо совершенно безнадежный.

— Второе звучит правдоподобнее.

Она смеется, делает шаг назад и поднимает руки в знак капитуляции.

— Хорошо, Романо. Сдаюсь. Но если однажды передумаешь...

— Не передумаю.

— Даже договорить не дал, — фыркает девушка. — Ладно. Тогда хотя бы выиграй следующий матч. Должна же быть хоть какая-то польза от того, что ты отвергаешь девушек.

Она разворачивается и неторопливо уходит к своему корпусу, а я наконец продолжаю путь к главному входу.

— Иногда мне кажется, что ты родился знаменитым, — со смешком произносит Джейсон, который, оказывается, наблюдал за всей сценой, прислонившись к колонне у входа. Он отталкивается от стены, догоняет меня и качает головой. — Нет, серьезно. Девушки уже не приглашают тебя на свидания. Они сразу переходят к главному, а ты каждый раз реагируешь так, будто тебе предложили лишнюю пробежку после тренировки.

Я лишь поправляю ремень спортивной сумки.

— Потому что тренировка принесет больше пользы.

Джейсон громко рассмеялся.

— Когда-нибудь хоккей на тебе женится, клянусь.

— Спасибо, — киваю я, возвращая телефон.

Этот амбал сантиметров на пять выше меня ростом, мой лучший друг с 14 лет. Его блондинистая голова скоро лопнет от количества алкоголя, что он в себя заливает на различных вечеринках, куда безуспешно пытается меня затащить.

Не успеваю сделать и десяти шагов, как меня окликают снова.

— Романо!

На этот раз двое парней с экономического факультета.

— Слушай, а ты правда забил победную шайбу с переломом пальца?

— Правда, — отвечаю я, даже не останавливаясь.

— Это было безумие!

— Это было глупо.

Они смеются, принимая мои слова за шутку.

Я — нет.

До главного корпуса остается метров пятьдесят, когда кто-то легко хлопает меня по плечу.

Аудитория бизнес-факультета встречает привычным гулом голосов. Кто-то в последний момент дописывает домашнее задание, кто-то спорит о результатах вчерашнего матча, кто-то откровенно спит, положив голову на парту. Я захожу одним из последних, машинально киваю нескольким знакомым и занимаю свое место у окна. Не потому, что люблю сидеть на последнем ряду. Просто отсюда преподаватель реже замечает, что мои конспекты выглядят совсем не так, как должны выглядеть конспекты студента третьего курса.

Через пару минут в аудиторию входит профессор Стивенс — высокий мужчина лет пятидесяти с идеально выглаженным костюмом и неизменной кружкой черного кофе в руках. Он преподает стратегический менеджмент уже больше двадцати лет и, кажется, способен рассказать о корпоративном управлении даже во сне. По крайней мере, складывается ощущение, что его лекции он читает настолько часто, что давно выучил каждую интонацию.

— Доброе утро, господа, — спокойно произносит профессор, ставя кружку на кафедру. Он обводит аудиторию внимательным взглядом, будто пересчитывает всех по головам. — Надеюсь, сегодня никто не собирается делать вид, что слушает меня исключительно ради посещаемости.

По аудитории прокатывается негромкий смех.

— Тогда начнем. Откройте двадцать третью тему. Сегодня поговорим о долгосрочном стратегическом планировании и о том, почему девяносто процентов компаний терпят неудачу не потому, что принимают плохие решения, а потому, что принимают их слишком поздно.

Я открываю тетрадь.

Во всяком случае, делаю вид.

Ручка ложится на чистый лист, но вместо слов преподавателя на бумаге появляются совсем другие линии. Сначала хоккейная площадка. Потом синяя линия. Затем стрелки. Несколько кружков. Я автоматически прорисовываю новую комбинацию, которую мы с Джейсоном пытались отработать на вчерашней тренировке. Нападающий смещается в центр. Защитник уходит глубже. Если крайний успеет открыть свободный коридор, можно попробовать разрезающую передачу прямо под бросок.

Нет.

Слишком очевидно.

Любой нормальный защитник это прочитает.

Я зачеркиваю половину схемы и начинаю заново.

— ...поэтому руководитель обязан просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед, — продолжает профессор Стивенс, медленно прохаживаясь между рядами. — Хороший лидер никогда не думает только о сегодняшнем дне. Он обязан видеть последствия своих решений через месяц, год, пять лет...

Я почти не слышу его.

Если поменять направление движения крайнего...

Нет.

Тоже не работает.

— Мистер Романо.

Я поднимаю голову.

Профессор уже стоит возле моей парты.

Когда он успел сюда дойти?

— Да, профессор? — спокойно спрашиваю я, откладывая ручку.

Он молча смотрит сначала на меня, потом на раскрытую тетрадь.

Несколько секунд в аудитории стоит тишина.

Потом он берет мою тетрадь двумя пальцами, слегка приподнимает ее над столом и внимательно рассматривает нарисованную схему.

— Любопытно, — наконец произносит он, слегка наклонив голову. — Очень любопытно.

Я молчу.

— Скажите, мистер Романо, — продолжает профессор уже громче, чтобы его слышала вся аудитория, — в какой именно момент лекция по стратегическому менеджменту превратилась в тренировку хоккейной команды?

По аудитории сразу прокатывается смех.

Джейсон, сидящий через ряд, негромко прыскает в кулак.

Я невольно улыбаюсь.

— Если честно... где-то между анализом рынка и долгосрочным планированием.

— Вот как?

— Просто задумался.

— Вижу.

Профессор еще раз смотрит на схему, после чего неожиданно проводит пальцем вдоль одной из стрелок.

— Если ваш крайний нападающий сместится сюда, — спокойно говорит он, указывая на левый фланг, — защитник перекроет передачу еще до того, как шайба окажется в центре.

В аудитории становится неожиданно тихо.

Я удивленно смотрю сначала на него, потом на тетрадь.

— Вы... разбираетесь в хоккее?

На губах профессора появляется едва заметная улыбка.

— Мистер Романо, прежде чем преподавать стратегию бизнеса, я почти десять лет тренировал университетскую хоккейную команду.

Джейсон тихо прыскает от смеха.

Я коротко выдыхаю.

Кажется...

Сегодня я выбрал не того человека, чтобы рисовать схемы прямо у него на лекции.

Профессор аккуратно кладет тетрадь обратно на парту.

— Комбинация неплохая, — спокойно произносит он, слегка постучав пальцем по листу. — Но если вы закончите дорабатывать ее после пары, ваши оценки по моему предмету будут чувствовать себя значительно лучше.

— Постараюсь исправиться, профессор, — отвечаю я, уже не скрывая улыбки.

— Не сомневаюсь.

Он делает несколько шагов вперед, но вдруг оборачивается.

— И, мистер Романо...

— Да?

— Если эта комбинация сработает в субботнем матче... можете считать, что часть авторских прав принадлежит мне.

На этот раз смеется уже вся аудитория.

Даже я.

Пара заканчивается почти незаметно. Профессор еще несколько минут отвечает на вопросы, напоминает о промежуточном проекте и наконец отпускает нас раньше обычного. Аудитория моментально оживает. Студенты начинают шумно собираться, кто-то уже обсуждает планы на выходные, кто-то торопится на следующую лекцию. Я захлопываю тетрадь, убираю ручку в рюкзак и первым делом проверяю время на телефоне.

До тренировки остается чуть больше сорока минут.

Как раз достаточно, чтобы дойти до спортивного корпуса, переодеться и спокойно выйти на лед.

— Ну что, профессор стратегического хоккея, — насмешливо произносит Джейсон, догоняя меня уже в коридоре. Он привычным движением закидывает руку мне на плечо, но тут же морщится. — Черт... после вчерашней силовой даже плечо болит.

— Не драматизируй, — спокойно отвечаю я, поправляя ремень спортивной сумки. — Тренер сказал сделать три подхода. Ты сделал два.

— Потому что после второго я уже видел свет в конце тоннеля.

— Это была лампа в тренажерном зале.

— Не важно. Свет есть свет.

Я невольно усмехаюсь.

К разговору почти сразу присоединяется Эйден, нагоняя нас возле лестницы. Он держит в одной руке бутылку воды, а другой безуспешно пытается застегнуть спортивную куртку.

— Вы уже слышали? — спрашивает он, поравнявшись с нами. — Тренер обещал сегодня «приятный сюрприз».

Джейсон громко простонал.

— После этих слов обычно хочется сразу развернуться и уйти домой.

— Или умереть, — спокойно добавляю я.

— Вот именно. Последний раз его «приятным сюрпризом» были спринты до рвоты.

— До чьей? — невозмутимо уточняю я.

— До моей.

— Тогда все честно.

Эйден тихо рассмеялся и покачал головой.

— Иногда мне кажется, что тебя вообще невозможно вывести из себя.

— Возможно.

— Нет, серьезно. Я с тобой играю уже третий год и ни разу не видел, чтобы ты психанул.

Я ненадолго задумываюсь.

— На льду злость мешает думать.

— Это сказал человек, который на прошлой неделе влетел в защитника так, что тот потом минуту собирал себя по кускам.

— Он первый полез.

— А ты не любишь проигрывать.

— Не люблю.

— Вот! — довольно восклицает Джейсон, ткнув меня локтем в бок. — Хоть в чем-то признался.

Мы сворачиваем в длинный стеклянный переход, соединяющий главный корпус университета со спортивным комплексом. Сквозь огромные окна льется холодный осенний свет, а впереди уже виднеется знакомая эмблема университетской команды. До тренировки остается всего ничего. Самое любимое время дня.

Стоит переступить порог раздевалки — и весь остальной мир будто перестает существовать.

Неважно, сколько сообщений пришло на телефон.

Неважно, что вечером нужно ехать на семейный ужин.

Неважно, сколько людей знают мою фамилию.

На льду имеет значение только игра.

Именно поэтому я до сих пор не променял ее ни на что другое.

Лед, как всегда, встретил привычным холодом, который ощущался даже через плотную экипировку. Стоило переступить через борт, глубоко вдохнуть знакомый запах свежезалитого льда, резины и заточенных коньков, как все мысли, крутившиеся в голове еще несколько минут назад, остались где-то за дверями раздевалки. Здесь никогда не существовало места разговорам о семье, университетским лекциям или вечернему ужину с отцом. На площадке это не имело никакого значения. Здесь существовали только скорость, шайба, двадцать игроков и девять секунд, за которые ты обязан принять правильное решение. Наверное, именно поэтому я любил хоккей больше всего на свете. Он никогда не пытался быть справедливым и никогда не жалел. Если ты плохо подготовился — тебя обыграют. Если потерял концентрацию — тебя накажут. Если оказался сильнее соперника — значит, ты действительно заслужил победу. Здесь невозможно соврать ни себе, ни кому-либо другому.

— Разбиваемся по пятеркам! — громко скомандовал тренер, коротко свистнув в свисток и хлопнув ладонью по борту. Его голос эхом прокатился по почти пустой арене. — Красные против синих! Без халтуры. Сегодня работаем так, будто через час играем финал конференции. Кто выйдет на лед спустя рукава — с него после тренировки отдельный разговор.

Игроки мгновенно пришли в движение. Кто-то на ходу затягивал ремешок шлема, кто-то проверял клюшку, кто-то уже начал цеплять партнера плечом, провоцируя привычную перепалку. Атмосфера перед каждой тренировкой почти не отличалась от настоящего матча: громкие шутки, постоянные подколы и ощущение, будто половина команды только и ждет повода поспорить.

— Эй, Рид! — весело крикнул Эйден, резко подкатив к своему защитнику и легко ткнув его клюшкой в щиток. На его лице уже появилась привычная ухмылка. — Только не потеряй меня снова. В прошлый раз я полминуты катался один перед воротами, а ты даже голову не поднял.

— Потому что ты стоял не там, где должен был стоять, — моментально огрызнулся Рид, разворачиваясь к нему всем корпусом. Он раздраженно ударил клюшкой по льду и недовольно качнул головой. — Может, для начала научишься открываться вовремя?

— Я открылся идеально.

— Ты открылся так, что тебя видел только ты сам.

— Это потому, что ты слепой.

— Нет, это потому, что ты идиот.

Я спокойно подъехал к ним, даже не думая повышать голос. До начала тренировки оставались считанные секунды, а они уже были готовы устроить очередной бессмысленный спор.

— Хватит, — произнес я ровно, переводя взгляд сначала на одного, потом на другого. — После тренировки выясните, кто из вас больший идиот. Сейчас играем. Игра не станет лучше от того, что вы перекричите друг друга.

Этого оказалось достаточно.

Эйден первым отвел взгляд и коротко усмехнулся, словно признавая поражение.

— Ладно, капитан. Потом продолжим.

Рид лишь молча кивнул и, развернувшись, занял свою позицию.

Никто не спорил.

Просто команда давно привыкла: если я вмешиваюсь, значит разговор действительно начинает мешать игре.

Тренер бросил шайбу в центральный круг, и уже в следующую секунду лед ожил. Все происходило слишком быстро, чтобы думать словами. Только движение. Звук коньков, рассекающих лед. Удары клюшек. Короткие команды. Передача. Еще одна. Шайба ударяется о борт, но Джейсон успевает первым, буквально выцарапывая ее из-под клюшки защитника.

— Справа! — громко крикнул он, даже не поднимая головы.

Я уже видел свободный коридор. Передача ушла точно в нужную точку, но Эйден сорвался с места на долю секунды позже, чем требовалось. Для обычного человека это выглядело бы незаметно. Для хоккея — вечность. Защитник успел закрыть линию передачи, и момент был потерян.

Резкий свисток прорезал арену.

— Стоп! — громко скомандовал тренер, подняв руку. Он дождался, пока игроки остановятся, и внимательно посмотрел на нас. — Кто-нибудь хочет объяснить, почему перспективная атака умерла еще до входа в зону?

Ответа не последовало.

Я медленно подъехал к Эйдену.

— Ты начал движение уже после передачи, — спокойно сказал я, встретившись с ним взглядом. — Поэтому защитник успел тебя прочитывать.

Эйден тяжело выдохнул, проведя перчаткой по шлему.

— Да знаю я, Маттео. Просто немного затормозил.

— Нет, — так же спокойно возразил я, качнув головой. — Не знаешь. Ты снова смотришь на шайбу вместо игроков. Пока ждешь передачу, защитник уже понимает, куда ты поедешь. Начинай движение раньше. Пусть шайба догоняет тебя. Тогда ему придется выбирать: идти за тобой или перекрывать передачу. Сейчас он не выбирал вообще. Ты сам дал ему время.

Эйден несколько секунд молча смотрел на меня, обдумывая услышанное, после чего уверенно кивнул.

— Понял. Еще раз.

Тренер, до этого наблюдавший за разговором со стороны, ничего не сказал. Лишь одобрительно хмыкнул, снова бросил шайбу в игру и коротко махнул рукой.

— Повторяем. Сначала.

На этот раз все получилось именно так, как должно было. Эйден стартовал еще до передачи, защитник запоздал буквально на мгновение, а этого оказалось достаточно. Шайба идеально легла ему под бросок.

Глухой удар.

Красная лампа за воротами вспыхнула почти мгновенно.

— Вот теперь совсем другое дело, — довольно произнес тренер, несколько раз хлопнув в ладоши. На его лице наконец появилась улыбка. — Видите? Полсекунды. Всего одна чертова полсекунды. Именно из таких мелочей потом складываются победы.

Следующие сорок минут пролетели так быстро, что никто даже не заметил. Мы снова и снова повторяли комбинации, менялись местами, падали, поднимались, спорили из-за неудачных передач, сталкивались у борта и тут же продолжали играть. Кто-то ругался после очередного промаха, кто-то спорил с помощником тренера так эмоционально, будто это уже седьмой матч финальной серии, а не обычная тренировка, но никто не позволял себе остановиться. Именно за это я и любил нашу команду. Мы могли сколько угодно подкалывать друг друга вне льда, но здесь каждый понимал: если один перестанет выкладываться, проиграют все.

Тренер снова бросил шайбу в центральный круг, и игра мгновенно набрала прежний темп. Лед буквально ожил. Красные пытались навязать высокий прессинг, синие отвечали быстрыми контратаками, а пространство сокращалось настолько стремительно, что времени

на раздумья не оставалось вовсе. Именно такие игровые отрезки я любил больше всего. Здесь не существовало правильных или неправильных решений — только те, которые ты успел принять раньше соперника.

Я успел отдать передачу Джейсону и сразу сместился ближе к правому борту, рассчитывая через секунду получить шайбу обратно. Джейсон уже начал движение клюшкой, но в последний момент траектория неожиданно изменилась.

Шайба исчезла.

— Красиво, — негромко произнес я себе под нос, сразу поняв, кто это сделал.

Конечно же, Николас.

Он не бросался в глаза. Не устраивал эффектных перехватов и не пытался произвести впечатление. Просто оказался именно там, где должен был оказаться. Одним точным движением крюка он забрал шайбу, развернулся корпусом и спокойно ушел в свободную зону, даже не ускоряясь.

— Опоздал, — только и сказал он, мельком посмотрев на меня через плечо. Голос прозвучал ровно, без насмешки или самодовольства. Скорее как констатация факта.

Я усмехнулся.

— Еще не вечер, — спокойно ответил я, начиная сокращать дистанцию.

Николас ничего не сказал.

Он вообще редко продолжал разговоры на льду. Вместо этого слегка сместился к центру, явно просчитывая сразу несколько вариантов продолжения атаки. Я слишком хорошо его знал. Сейчас он не думал о том, как эффектно меня обыграть. Он искал наиболее правильное решение.

Именно поэтому играть против него всегда было сложнее, чем против большинства соперников.

Он не поддавался эмоциям.

Не суетился.

Не торопился.

Я дождался момента, когда он чуть сильнее отпустил шайбу вперед, сократил расстояние и одним движением клюшки выбил ее себе.

Николас резко затормозил рядом, проводил взглядом улетевшую шайбу и только после этого спокойно посмотрел на меня.

— Хорошо прочитал, — коротко сказал он, слегка кивнув. В его голосе не было ни раздражения, ни попытки оправдаться.

— Ты слишком рано открыл корпус, — ответил я, продолжая вести шайбу вперед. — Я понял, куда пойдет передача.

— Учту.

И все.

Любой другой начал бы спорить.

Попытался бы доказать, что мне просто повезло.

Николас никогда так не делал.

Если его переиграли — он делал выводы.

Наверное, именно поэтому за десять лет знакомства я проиграл ему больше дуэлей, чем кому-либо другому.

Через несколько минут тренер снова ввел шайбу в игру.

На этот раз Николас не пытался взять реванш любой ценой. Наоборот, он стал еще осторожнее. Почти не смотрел на меня, больше работал без шайбы, открывая свободные зоны и постоянно заставляя меня выбирать между ним и другим нападающим.

Он играл в шахматы.

Только вместо фигур были люди.

Именно это в нем всегда восхищало.

— Романо, — спокойно произнес он, когда мы на секунду оказались рядом у борта. Даже во время игры он не повышал голос. — Если продолжишь закрывать только меня, Джейсон останется один.

Я машинально перевел взгляд в центр площадки.

Достаточно.

Всего на мгновение.

Этого хватило.

Николас не ускорился.

Не сделал ничего эффектного.

Он просто мгновенно перевел шайбу в свободную зону, куда уже врывался крайний нападающий.

— Черт... — тихо выдохнул я, разворачиваясь.

Поздно.

Бросок.

Шайба ударилась о штангу, а затем все-таки пересекла линию ворот.

Тренер коротко свистнул, останавливая эпизод.

— Именно так, — громко произнес он, одобрительно хлопнув в ладоши. Его взгляд остановился на Николасе. — Не полез в обыгрыш. Увидел свободного партнера. Это и есть правильное решение.

Николас лишь коротко кивнул.

Словно услышал не похвалу, а очередное указание.

Проезжая мимо меня, он лишь негромко произнес:

— Ты всегда смотришь на шайбу, когда начинаешь злиться.

Я посмотрел на него.

— А ты всегда замечаешь слишком много.

Он едва заметно улыбнулся.

— Это помогает жить.

И сразу же поехал занимать свою позицию, будто разговор был окончен.

Через секунду шайба уже оказалась в сетке, а над ареной раздался громкий свисток тренера.

— Стоп! — скомандовал он, подняв руку. Его голос моментально перекрыл шум коньков. — На сегодня хватит. Все ко мне.

По льду сразу прокатился облегченный вздох. Кто-то устало оперся на клюшку, кто-то стянул шлем и провел ладонью по мокрым волосам, а Николас, тяжело дыша, подъехал ко мне и слегка толкнул плечом.

— Я требую матч-реванш, — заявил он с абсолютно серьезным выражением лица, хотя в глазах уже плясали смешинки. — Без Джейсона. Он тебя прикрывает.

— Конечно, — спокойно ответил я, снимая перчатки. — И без тебя тоже. Тогда шансы будут равны.

Джейсон громко рассмеялся и хлопнул Николаса по спине.

— Знаешь, что самое неприятное? Он ведь даже не пытается тебя задеть. Он просто говорит первое, что приходит в голову.

— Вот именно! — обреченно простонал Николас, театрально закатив глаза. — И почему это всегда так больно?

Мы уже подъехали к борту, когда тренер снял кепку, обвел команду долгим взглядом и дождался, пока последние разговоры стихнут. Он никогда не повышал голос без необходимости, но умел добиться тишины так, что никто даже не замечал, как переставал разговаривать.

— Парни, — наконец произнес он спокойно, сцепив руки за спиной. — У меня для вас есть небольшая новость. Сразу предупреждаю: сначала она вам не понравится.

По команде пробежал недовольный гул.

— Уже звучит плохо, — первым отреагировал Джейсон, откручивая крышку бутылки с водой. Он сделал большой глоток, после чего обреченно посмотрел на тренера. — Обычно после таких слов мы либо начинаем бегать, либо страдать.

— Иногда одновременно, — поддержал его Николас, устало опираясь локтями на борт. — Тренер, если вы опять придумали новые нормативы, просто скажите сразу. Мы морально подготовимся.

Тренер тихо усмехнулся.

— Нет. Сегодня обойдется без дополнительной силовой.

— Слава богу... — облегченно выдохнул кто-то из защитников.

— Не спеши радоваться, — с едва заметной улыбкой произнес тренер. Он выдержал небольшую паузу, словно специально давая нам расслабиться, а потом спокойно добавил: — Со следующей недели факультет искусств попросил университетскую хоккейную команду поучаствовать в серии занятий по портретной живописи. Несколько раз в неделю вы будете приходить в художественную мастерскую и позировать студентам.

Тишина после слов тренера продержалась всего несколько секунд, после чего раздевалку накрыл настоящий шквал голосов. Кто-то громко выругался, кто-то уже спорил с защитниками, будто именно они были виноваты в происходящем, а Джейсон первым театрально схватился за голову.

— Нет, тренер... — жалобно протянул он, запрокидывая голову к потолку и прикладывая ладонь к груди. — Только не говорите, что это не шутка. Давайте лучше две тренировки подряд. Или три. Да я даже добровольно побегу дополнительные круги. Но сидеть несколько часов, пока какой-нибудь художник будет рассматривать мой нос... это уже перебор.

— Да нахрен это вообще нужно? — раздраженно бросил один из защитников, стягивая шлем и с глухим стуком бросая его на скамейку. — Мы что, модели какие-то?

— Лучше бы на благотворительный матч отправили, — поддержал его другой игрок, устало вытирая полотенцем шею. — Хоть польза была бы.

Все говорили одновременно.

Кто-то смеялся.

Кто-то ругался.

Кто-то уже пытался придумать, как бы "случайно" заболеть именно в день занятий.

И только Николас молчал.

Он неторопливо расшнуровывал коньки, опустив голову, словно новость его вообще не касалась. Лишь когда шум немного стих, он спокойно поднял взгляд на тренера.

— Сколько занятий? — спросил он ровным голосом, без тени недовольства.

Тренер сразу повернулся к нему.

— Пока четыре.

Николас едва заметно кивнул, будто что-то мысленно подсчитал.

— Терпимо.

— Терпимо? — Джейсон уставился на него так, словно услышал государственную измену. — Ты сейчас серьезно сказал "терпимо"?

Николас пожал плечами.

— Четыре раза по два часа.

Он на секунду замолчал.

— Если не получится отказаться, бессмысленно тратить силы на возмущение.

— Господи... — простонал Джейсон, закрывая лицо ладонями. — Иногда мне кажется, что тебя вообще невозможно вывести из себя.

— Можно.

— Правда?

Николас спокойно посмотрел на него.

— Просто тебе еще ни разу не удавалось.

До главного корпуса мы дошли шумной компанией. После каждой тренировки происходило одно и то же: кто-то продолжал спорить о неудачных передачах, кто-то уже обсуждал предстоящий матч, кто-то пытался доказать, что тренер сегодня специально гонял нас сильнее обычного. Джейсон шел впереди и с абсолютно серьезным лицом убеждал защитников, что художники наверняка заставят их позировать полуобнаженными ради «лучшей передачи анатомии». За его спиной сразу слышались возмущенные возгласы, несколько крепких ругательств и обещание первым же делом запихнуть его в мусорный контейнер. Николас спокойно шел рядом, сунув руки в карманы спортивной куртки. Он молчал почти всю дорогу, лишь изредка бросая короткие замечания, после которых спор неожиданно затихал сам собой.

Я шел чуть позади остальных.

И почти не слушал, о чем они говорили.

Мысли снова возвращались к вечернему ужину. Отец никогда не собирал всех сыновей без причины. Если он попросил приехать именно сегодня, значит, разговор действительно будет важным. Я машинально перебирал в голове десятки вариантов, но ни один не казался достаточно убедительным. Может, дело касается семьи. Может, бизнеса. Может, кого-то из старших братьев. С отцом никогда не угадаешь. Он предпочитал сначала собрать всех за одним столом и только потом объяснять, зачем.

Мы уже почти пересекли главный холл, когда тяжелые двери спортивного корпуса распахнулись за нашими спинами. Холодный воздух ворвался в помещение вместе с нашей шумной компанией, заставив студентов невольно обернуться. Такое происходило почти каждый день. Кто-то улыбался, кто-то здоровался, кто-то начинал шептаться с друзьями. Девушки украдкой поправляли волосы, делая вид, что это совершенно случайно. Некоторые даже останавливались, словно забыв, куда вообще шли.

Я давно перестал обращать на это внимание.

— Смотри, — тихо усмехнулся Джейсон, слегка толкнув Эйдена локтем. Он даже не пытался говорить шепотом. — Ставлю двадцатку, вон та блондинка сейчас опять уронит телефон.

— Не успеет, — лениво ответил Эйден, мельком взглянув в сторону лестницы. — Она сначала сделает вид, что пишет сообщение, а потом случайно окажется рядом с Маттео.

— Люди слишком предсказуемы.

Я только покачал головой.

— Вы когда-нибудь перестанете обсуждать окружающих?

— Конечно, — невозмутимо ответил Джейсон. — Когда окружающие перестанут вести себя так забавно.

Я уже собирался что-то ответить, но взгляд неожиданно зацепился за девушку, которая шла навстречу.

Не потому, что она была самой красивой.

Не потому, что выглядела эффектнее остальных.

Совсем наоборот.

Она вообще не смотрела в нашу сторону.

Пока остальные оборачивались, перешептывались или хотя бы мельком бросали взгляды на шумную компанию хоккеистов, она спокойно шла вперед, прижимая к груди большую папку с рисунками. Светлые, почти пепельные волосы были собраны в небрежный хвост, несколько

прядей выбились и падали ей на лицо, но она даже не пыталась их поправить. Казалось, происходящее вокруг существовало отдельно от нее.

Будто нас здесь вовсе не было.

Странно.

Я машинально проводил ее взглядом.

Именно в этот момент кто-то из наших резко свернул вправо, толкнув меня плечом.

Я сделал шаг в сторону.

Она — тоже.

Мы столкнулись почти одновременно.

Папка слегка выскользнула из ее рук, и я инстинктивно успел придержать девушку за локоть, чтобы она не потеряла равновесие.

Все произошло меньше чем за секунду.

Но реакция оказалась неожиданной.

Она резко отдернула руку. Не зло. Не раздраженно.

Не потому, что я сделал что-то не так. Это было похоже на рефлекс. Будто мое прикосновение обожгло ее. Я на мгновение замер. Странно...

Она быстро подняла на меня глаза.

Я успел заметить только необычный оттенок радужки — холодный голубой, в котором под светом ламп вспыхнули крошечные золотистые крапинки.

— Ничего страшного, — тихо сказала девушка, коротко кивнув, словно извинялась скорее за собственную неловкость. Не дожидаясь моего ответа, она крепче прижала к себе папку и спокойно пошла дальше.

Даже не обернулась.

Я невольно проводил ее взглядом.

— Поздравляю, — со смешком произнес Джейсон, остановившись рядом со мной. Он скрестил руки на груди и с явным удовольствием наблюдал за выражением моего лица. — Кажется, это первый раз, когда девушка не воспользовалась шансом познакомиться с тобой.

Я продолжал смотреть вслед светловолосой фигуре, пока она не скрылась за поворотом коридора.

— Кто это? — наконец спросил я, переведя взгляд на друзей.

Джейсон пожал плечами.

— Понятия не имею, — честно ответил он, на секунду задумавшись. — Но, знаешь... теперь мне тоже интересно.

Глава 3

Маттео

Особняк Романо никогда не казался мне домом.

Наверное, для любого человека со стороны он выглядел именно так, как должны выглядеть дома очень богатых людей. Трехэтажное здание из светлого камня возвышалось за массивными коваными воротами, окруженное идеально подстриженными кипарисами и многолетними дубами. Длинная подъездная аллея освещалась теплыми фонарями, а у центрального входа уже стояли машины моих братьев. Доменико приехал раньше всех. Это было ожидаемо. Он никогда не опаздывал. Алессандро, судя по темно-синему «Мазерати», тоже был внутри. Чуть поодаль стоял мотоцикл Лоренцо, припаркованный с нарушением всех возможных правил, а рядом виднелся старенький пикап Габриэля, который отец до сих пор запрещал ему менять на что-то дороже.

Я заглушил двигатель, несколько секунд посидел в тишине и только потом вышел из машины.

Особняк почти не изменился с тех пор, как я съехал. Те же тяжелые дубовые двери, тот же запах дорогого дерева, кофе и сигар, который впитался в стены, наверное, еще до моего рождения. Я едва успел переступить порог, как услышал спокойный голос Доменико.

Старший брат уже ждал в холле. Он, как всегда, выглядел так, словно только что вышел с совета директоров, а не приехал на семейный ужин. Почти метр девяносто пять ростом, широкие плечи, идеально сидящий темно-графитовый костюм и короткие черные волосы, в которых не позволяла себе выбиться ни одна прядь. Жесткие серые глаза достались ему от отца, а вместе с ними — привычка смотреть так, будто человек напротив уже признался во всех грехах. Если бы незнакомца попросили угадать, кто однажды возглавит семью Романо, он безошибочно указал бы именно на Доменико.

— Ты опоздал почти на две минуты, — спокойно произнес он, даже не посмотрев на часы. Голос, как всегда, звучал ровно, без раздражения. Просто констатация факта.

— До восьми еще минута, — ответил я, взглянув на часы.

— Поэтому я и сказал — почти.

Я только усмехнулся.

Из гостиной появился Алессандро, лениво перелистывая какие-то документы. Если рядом с Доменико люди начинали держать спину прямо, то рядом с ним хотелось говорить тише. Он был ниже старшего брата, но все равно значительно выше меня. Темные волосы были аккуратно зачесаны назад, на переносице сидели тонкие очки в черной оправе, а дорогие часы выглядывали из-под рукава темно-синей рубашки. Со стороны Алессандро больше походил на владельца инвестиционного фонда, чем на человека, способного управлять финансами крупнейшей мафиозной семьи Чикаго.— Не начинайте, — спокойно произнес он, переворачивая страницу. — Вы оба слишком предсказуемы.

— Он первый начал, — заметил я.

— Ему положено.

Из глубины дома донесся громкий смех.

Через секунду на лестнице появился Лоренцо.

— Маттео! — Лоренцо практически слетел по лестнице, перепрыгнув последние три ступени. В отличие от старших братьев, он никогда не умел ходить спокойно. Высокий, спортивный, с немного длиннее обычного темными волосами, которые вечно падали на лоб, он двигался так, словно внутри него постоянно работал двигатель. Даже сейчас, стоило ему остановиться, пальцы продолжали машинально крутить ключи от мотоцикла. — Ты наконец приехал. Спаси меня. Габриэль уже полчаса доказывает, что сможет обыграть тебя один на один.

— Смогу, — тут же раздался голос младшего брата, который вышел следом, держа в руках хоккейную клюшку. — Просто ты постоянно ему поддаешься.

Следом появился Габриэль. Самый младший. Еще совсем мальчишка по сравнению с нами. Худощавый, немного нескладный, с такими же темными волосами, как у всех Романо, но гораздо мягче чертами лица. Если бы не фамилия, никто никогда не догадался бы, что он вырос в семье, которой боялся почти весь город.

— Конечно, — невозмутимо ответил я, принимая у него клюшку. — Именно поэтому в прошлый раз ты проиграл семь — ноль.

— Потому что лед был плохой.

— У нас домашняя арена.

— Значит, ворота кривые.

Лоренцо громко рассмеялся и потрепал младшего по волосам.

— Господи, ты найдешь оправдание даже концу света.

— Найду.

— Не сомневаюсь.

Именно в этот момент в столовой открылась дверь.

Все разговоры оборвались сами собой.

Когда я вошел в столовую, отец уже сидел во главе стола. С возрастом он почти не изменился. Высокий, широкоплечий, с густыми темными волосами, лишь слегка тронутыми седой на висках. Лицо оставалось таким же жестким, как двадцать лет назад, а темные глаза по-прежнему смотрели так, будто замечали каждую мелочь. Винченцо Романо никогда не повышал голос без необходимости. Самые страшные разговоры в нашей семье всегда проходили именно шепотом.

Справа от него находился Альберто Де Лука. Я видел консьюери десятки раз, но каждый раз ловил себя на одной и той же мысли. Он совершенно не выглядел опасным человеком. Невысокий по сравнению с отцом и Доменико, без показательной мускулатуры, с аккуратно зачесанными назад темными волосами, в которых серебро уже уверенно брало верх, и спокойными карими глазами. Но именно этот спокойный взгляд заставлял большинство людей заканчивать разговор раньше, чем они успевали сказать лишнее. Альберто почти никогда не повышал голос. Ему это было не нужно. Достаточно было того, что он говорил.

Одного присутствия Альберто хватало, чтобы атмосфера в комнате изменилась.

Он никогда не говорил громко.

Не повышал голос.

Но когда начинал говорить — остальные замолкали.

— Садитесь, — спокойно произнес Винченцо, даже не поднимая взгляда от тарелки.

Ужин проходил почти в тишине.

Лишь изредка Лоренцо пытался рассказать какую-нибудь историю, Габриэль что-то спрашивал у Алессандро, а Доменико коротко отвечал отцу на вопросы о работе. Никто не торопился переходить к настоящей причине встречи.

Именно поэтому напряжение ощущалось еще сильнее.

Я слишком хорошо знал отца.

Он никогда не собирал нас всех без причины.

Когда десерт унесли, а прислуга закрыла за собой двери столовой, Винченцо аккуратно положил салфетку рядом с тарелкой и сцепил пальцы в замок.

— Теперь о деле.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как в старинных часах в холле качается маятник.

— Последние два месяца, — спокойно начал отец, переводя взгляд с одного сына на другого, — в южной части города появился человек, который решил, что может работать без нашего разрешения.

Никто не перебил.

Доменико лишь слегка выпрямился.

Алессандро перестал крутить в руках бокал.

Даже Лоренцо мгновенно посерьезнел.

Альберто неторопливо положил ладони на стол.

— Он торгует новым синтетическим наркотиком, — произнес консьюери ровным, почти тихим голосом. — Сильнее кокаина. Дешевле героина. За последние три недели от передозировки умерли шестеро подростков.

Я невольно нахмурился.

— Он не платит семье, — продолжил Винченцо. — И начал искать покупателей среди людей, которые работают на нас.

— Идиот, — коротко сказал Доменико.

— Самоуверенный идиот, — спокойно поправил его Альберто. — А такие опаснее остальных.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

Потом отец медленно перевел взгляд на меня.

Не торопясь.

Так, словно последние несколько минут вообще не слушал разговор братьев, а все это время наблюдал только за мной.

Его темные глаза, такие же холодные, как у Доменико, задержались на моем лице.

— Маттео, — спокойно произнес он, сцепив пальцы в замок. Голос звучал ровно, без малейшего намека на раздражение или давление, но именно из-за этого всегда становилось не по себе. В нашей семье никто не повышал голос. Особенно отец. Ему это было не нужно.

Я встретился с ним взглядом.

— Да, — так же спокойно ответил я, не отводя глаз.

За столом снова повисла тишина.

Даже Лоренцо, который еще минуту назад лениво крутил в пальцах вилку, теперь замер, чувствуя, что разговор неожиданно сменил направление.

Отец выдержал короткую паузу, словно окончательно убеждаясь в собственном решении.

— Завтра ты поедешь вместе с Доменико.

Я непроизвольно нахмурился.

— Куда? — спросил я, слегка подавшись вперед.

— На встречу.

Ответ был слишком коротким.

Таким же, как всегда.

— Зачем? — уточнил я уже серьезнее. — Если это касается семьи, Дом справится без меня.

Доменико никак не отреагировал.

Он продолжал сидеть совершенно неподвижно, будто разговор происходил не о нем.

Лишь Альберто Де Лука едва заметно повернул голову в мою сторону. Его спокойный взгляд задержался на мне всего на мгновение, после чего он вновь посмотрел на Винченцо, словно заранее знал, каким будет продолжение.

Отец медленно снял с запястья часы и положил их рядом с тарелкой.

Этот жест я слишком хорошо помнил.

Он всегда делал так перед серьезными разговорами.

— Именно потому, что Доменико справится без тебя, — наконец произнес Винченцо. Он говорил тихо, почти негромко, но каждое слово ложилось в комнате тяжелее удара. — Поедешь ты.

Я несколько секунд молчал.

— Не понимаю.

— Понимаешь, — спокойно возразил отец. Он слегка покачал головой, не сводя с меня взгляда. — Просто делаешь вид, что нет.

Я почувствовал, как внутри медленно начинает нарастать знакомое раздражение.

— Я никогда не скрывал, что не хочу участвовать в делах семьи.

— Нет, — согласился Винченцо. — Не скрывал.

Он сделал небольшую паузу, позволяя словам повиснуть в воздухе.

— Но ты постоянно забываешь одну простую вещь.

Я молча ждал продолжения.

— Желания не всегда имеют значение.

За столом снова стало тихо.

Габриэль опустил взгляд в тарелку.

Лоренцо перестал постукивать пальцами по столешнице.

Даже Алессандро, который обычно оставался абсолютно невозмутимым, медленно отложил бокал.

Отец редко говорил подобные вещи.

Еще реже — лично мне.

— Ты родился Романо, — продолжил он тем же спокойным голосом. — Это не профессия, которую можно выбрать или не выбрать. Не университет, из которого можно перевестись. Не хоккейный клуб, который однажды можно сменить. Это кровь. И нравится тебе это или нет, однажды кто-нибудь придет не за Доменико. Не за мной. Не за Альберто.

Он сделал короткую паузу.

— А за тобой.

Я непроизвольно сжал челюсти.

— Именно поэтому ты должен научиться понимать, как устроен наш мир.

— Я понимаю достаточно.

— Нет.

Отец произнес это настолько спокойно, что спорить стало почти невозможно.

— Ты понимаешь ровно настолько, насколько тебе позволяли понимать последние двадцать лет.

Я уже собирался что-то ответить, но Альберто впервые вмешался в разговор.

Он не перебил Винченцо.

Дождался, пока тот закончит.

И только потом неторопливо сложил ладони перед собой.

— Маттео, — произнес он своим тихим, удивительно спокойным голосом. Казалось, консилиеры вообще не умел говорить громче. — Мы не просим тебя стрелять. Не просим принимать решения. И уж точно не собираемся заставлять тебя стать другим человеком за один день.

Он ненадолго замолчал, внимательно наблюдая за моей реакцией.

— Завтра ты будешь смотреть.

Только смотреть.

Запоминать.

Учиться замечать то, чего раньше предпочитал не видеть.

Этого достаточно.

Я перевел взгляд на отца.

— И если я откажусь?

В комнате стало настолько тихо, что было слышно, как за окном шелестят листья старых дубов.

Никто из братьев даже не пошевелился.

Винченцо долго смотрел мне в глаза.

Потом едва заметно выдохнул.

— Тогда ты все равно поедешь, — спокойно ответил он, не изменившись в лице. —

Потому что иногда отец принимает решения за сына.

И именно в этот момент до меня наконец дошло.

Весь этот ужин.

Разговор о новом наркотике.

Присутствие Альберто.

Даже то, что сегодня за столом собрались сразу все братья.

Ничего из этого не было главной причиной.

Отец не обсуждал проблему.

Он принимал решение.

И касалось оно не нового поставщика наркотиков.

Оно касалось меня.

Перед выездом Доменико почти не разговаривал.

Впрочем, ничего необычного в этом не было. Старший брат вообще не относился к тем людям, которые считали необходимым заполнять тишину бессмысленными разговорами. За тридцать три года жизни он научился говорить ровно столько, сколько требовала ситуация. Ни одним словом больше. Иногда Маттео казалось, что Доменико способен провести целый день рядом с человеком и произнести всего несколько фраз — и при этом сказать больше, чем другие за час непрерывной болтовни.

Черный внедорожник плавно двигался по вечернему Чикаго. За рулем сидел Марко — один из самых доверенных людей семьи. Мужчина лет сорока с коротко стриженными волосами и массивной шеей выглядел так, словно был высечен из гранита. За все время дороги он не произнес ни слова, лишь изредка переводил взгляд с дороги на зеркало заднего вида. На пассажирском сиденье расположился Вито, такой же молчаливый телохранитель, лениво перебирающий четки между пальцами.

Я и Доменико сидели сзади.

За окном мелькали вечерние улицы, вывески баров, огни небоскребов и отражения фар на мокром асфальте. После короткого дождя город словно покрылся тонкой зеркальной пленкой. Желтые фонари растекались по дороге длинными золотистыми полосами, а дворники размеренно смахивали с лобового стекла редкие капли. В салоне пахло дорогой кожей, свежемолотым кофе и дорогим одеколоном Доменико. Никто не включал музыку. Лишь негромкое урчание двигателя нарушало тишину.

Я смотрел в окно, наблюдая, как знакомые кварталы постепенно сменяются промышленной частью города. Чем дальше мы уезжали от центра, тем меньше становилось света и людей.

— Нервничаешь? — неожиданно спросил Доменико, продолжая смотреть перед собой. Он произнес это совершенно спокойно, словно интересовался, не замерз ли я по дороге.

Я не ответил сразу.

Несколько секунд я продолжал смотреть в окно, наблюдая, как мимо медленно проплывают темные склады и старые кирпичные здания, после чего повернул голову к брату.

— Нет, — коротко ответил ровным голосом.

Доменико едва заметно усмехнулся уголком губ.

— Врешь, — спокойно сказал он, наконец переведя взгляд на младшего брата. В его голосе не было ни насмешки, ни упрека. Лишь простая уверенность человека, который слишком хорошо его знает.

Я тихо выдохнул и устало потер переносицу.

— Не нервничаю, — уже честнее произнес я, слегка качнув головой. — Просто не люблю подобные поездки.

Несколько секунд Доменико молчал, будто обдумывал услышанное.

Потом едва заметно кивнул.

— Это хорошо, — спокойно сказал он, снова отворачиваясь к окну.

Я вопросительно нахмурился.

— Что именно? — спросил я, внимательно посмотрев на брата.

— Что не любишь, — ответил Доменико тем же ровным голосом. Он положил локоть на подлокотник и спокойно продолжил: — Люди, которым начинает нравиться насилие, очень быстро перестают понимать, где проходит граница. А когда человек перестает видеть эту границу... он долго не живет.

Я молчал. Я знал, что Доменико говорит не просто так.

За каждым подобным предложением обычно скрывалась чья-то история.

— Ты тоже так считаешь? — спустя несколько секунд тихо спросил я.

Старший брат ненадолго задумался.

— Нет, — наконец ответил он. — Я это видел.

После этих слов в машине снова повисла тишина.

Больше никто не произнес ни слова до самого склада.

Минут через двадцать машина плавно свернула с основной дороги, оставив позади освещенные улицы Чикаго. Чем дальше мы ехали, тем реже встречались фонари, а аккуратные офисные здания постепенно сменялись старыми промышленными кварталами, где жизнь, казалось, закончилась много лет назад. В конце концов внедорожник остановился перед огромным кирпичным складом, который когда-то, вероятно, был частью какого-то завода. Теперь же от бывшего величия остались лишь облупившиеся стены, выбитые окна и проржавевшие металлические конструкции, торчащие из крыши, словно ребра давно умершего животного. Единственный работающий фонарь лениво раскачивался над входом, поскрипывая под порывами холодного ветра и отбрасывая на мокрый бетон длинные, ломаные тени. Где-то вдалеке прогрохотал поезд, а потом снова наступила тишина — тяжелая, вязкая, почти осязаемая.

Я первым открыл дверь машины и вышел наружу. Холодный воздух мгновенно ударил в лицо, заставив глубже вдохнуть. После теплого салона казалось, будто температура опустилась сразу на несколько градусов. Я машинально застегнул куртку до самого подбородка, осмотрел темную территорию вокруг склада и только теперь заметил людей семьи. Они появились словно из ниоткуда. Кто-то стоял возле старого погрузчика, кто-то курил у бетонной стены, еще двое находились возле бокового входа. Все были одеты почти одинаково — темные куртки, перчатки, никаких ярких деталей. Если не знать, куда смотреть, можно было вообще не понять, что здесь кто-то есть. Никто не переговаривался, не проверял оружие напоказ и не пытался казаться опаснее, чем был. В нашей семье этому учили с детства: чем спокойнее человек перед началом разговора, тем меньше вероятность, что ему действительно придется стрелять.

Я захлопнул дверь машины и повернулся к Доменико. Старший брат неторопливо вышел следом, привычным движением поправил манжету темно-синего пальто и на секунду поднял взгляд на здание. На его лице, как обычно, невозможно было прочесть ни одной эмоции. Иногда мне казалось, что он вообще не умеет волноваться. Высокий, широкоплечий, с идеально уложенными черными волосами и теми же холодными серыми глазами, что были у нашего отца, Доменико выглядел человеком, которого невозможно застать врасплох.

— Не забывай, зачем мы сюда приехали, — негромко произнес он, спокойно застегивая верхнюю пуговицу пальто. Его голос звучал тихо, но твердо, словно каждое слово заранее было тщательно обдумано. — Сегодня мы разговариваем. Пока человек готов слушать и отвечать, оружие остается в кобуре. Неважно, насколько сильно тебе хочется закончить разговор быстрее.

Я молча посмотрел на брата и коротко кивнул.

— Понял, — ответил я спокойно, хотя прекрасно знал, что он сказал это не потому, что сомневался во мне. Скорее, потому что подобные слова произносились перед каждой подобной встречей. Это было не напоминание. Это было правило.

Доменико несколько секунд внимательно смотрел мне в глаза, будто пытался убедиться, что я действительно услышал его, после чего едва заметно кивнул.

— И еще одно, — добавил он уже тише, разворачиваясь к складу. На мгновение он задержал руку на металлической ручке двери и лишь потом продолжил: — Не смотри только на того, кто говорит. Самые опасные люди почти всегда молчат. Они не спорят. Не повышают голос. Они ждут момента, когда остальные перестанут быть внимательными.

— Думаешь, сегодня будет именно так? — спросил я, переводя взгляд на темные окна второго этажа.

Доменико усмехнулся настолько слабо, что другой человек этого бы даже не заметил.

— Я всегда думаю, что будет именно так, — спокойно ответил он и первым толкнул тяжелую дверь.

Металл протяжно заскрипел, эхом разнесся этот звук по пустому складу.

Внутри оказалось еще холоднее.

Запах сырости смешивался с машинным маслом, старым железом и пылью, которая, казалось, десятилетиями оседала на бетонном полу. Где-то высоко под потолком медленно вращалась поломанная вентиляция, издавая неприятный скрип при каждом обороте. Слабый свет нескольких промышленных ламп едва разгонял темноту, оставляя большую часть помещения в густых тенях.

Они уже были здесь.

Четверо мужчин стояли возле старого деревянного стола, на котором когда-то, вероятно, лежали инструменты. Теперь стол был пуст, если не считать двух бутылок воды и пепельницы, переполненной окурками. Все четверо выглядели напряженными, но только один из них старательно пытался это скрыть. Именно он стоял впереди остальных и, судя по всему, считал себя главным.

Слишком спокойный.

Слишком уверенный.

Слишком быстро улыбается.

Я остановился чуть позади Доменико, как и должен был, но почти сразу перестал слушать сам разговор. Вместо этого начал наблюдать. Так, как нас учили еще подростками. Не за словами. За людьми.

Главарь говорил уверенно. Даже слишком. Почти не спорил с условиями, соглашался раньше, чем Доменико успевал закончить предложение, кивал чаще, чем это выглядело естественно. Человек, которого действительно загнали в угол, так себя не ведет. Он торгуется. Злится. Пытается выиграть время.

Что-то было не так.

Это ощущение не имело ничего общего с интуицией. Нас с детства учили замечать мелочи, которые другие пропускали мимо глаз. Положение ног. Напряжение плеч. Направление взгляда. Частоту дыхания. Иногда именно эти детали отделяли живого человека от мертвого.

Я продолжал смотреть на мужчину, почти не слушая, о чем говорил Доменико.

Старший брат стоял перед ним абсолютно спокойно, держа руки в карманах пальто, словно приехал обсуждать очередной контракт, а не решать судьбу человека. Его голос звучал ровно, без угроз, без попытки запугать.

— Ты получаешь один шанс, — спокойно произнес Доменико, не сводя с мужчины серых глаз. Он говорил негромко, но каждое слово звучало весомо. — Сегодня ты закрываешь весь товар, забираешь своих людей и навсегда исчезаешь из Чикаго. Мы больше никогда не услышим твоего имени. Это единственное предложение, которое ты получишь.

Мужчина быстро закивал.

Даже слишком быстро.

— Конечно... Конечно, мистер Романо, — торопливо заговорил он, нервно улыбаясь. Улыбка выглядела чужой, натянутой, словно он заставлял себя изображать спокойствие. — Произошло недоразумение. Я не хотел никаких проблем. Мы уже собирались уезжать. Сегодня же.

— Хорошо, — так же спокойно ответил Доменико, слегка кивнув. На его лице не дрогнул ни один мускул. — Тогда разговор окончен.

Все должно было закончиться именно здесь. Еще несколько секунд. И мы бы развернулись, сели в автомобиль и уехали.

Но внутри меня что-то продолжало сжиматься.

Мужчина не выглядел человеком, который только что сохранил себе жизнь. Он выглядел человеком, который чего-то ждал. Я медленно перевел взгляд на его правую руку. Пальцы слишком напряжены. Костяшки почти побелели.

Потом взгляд снова поднялся выше. Он опять посмотрел не на Доменико. Не на меня. Чуть левее. Туда, где под полый длинный пальто темнела рукоять пистолета. Все произошло одновременно. Мужчина резко дернул рукой под пальто. Я даже не успел подумать.

— Дом! — крикнул я, срываясь с места. Голос прозвучал громче, чем я ожидал сам.

Почти в ту же секунду прогремел первый выстрел.

Пуля ударила в бетонную колонну буквально в нескольких сантиметрах от Доменико. Крошка бетона брызнула в стороны, осыпая его плечо серой пылью.

Время словно растянулось. Все звуки стали приглушенными. Я видел только человека перед собой. Как он продолжает поднимать оружие. Как палец ложится на спусковой крючок. Как его локоть начинает выпрямляться. Дальше тело действовало само. Правая рука уже держала пистолет. Большой палец привычным движением снял предохранитель. Я сделал короткий шаг в сторону, освобождая линию огня.

Прицел.

Выдох.

Нажатие.

Выстрел прозвучал оглушительно. Отдача привычно ударила в ладонь.

Мужчина резко дернулся назад, словно кто-то невидимый толкнул его в грудь. Пистолет выпал из его руки, с металлическим звоном ударившись о бетонный пол, а сам он сделал два неуверенных шага назад и тяжело рухнул возле старого стола.

Почти одновременно помещение наполнилось криками.

Оставшиеся трое инстинктивно дернулись, но люди семьи сработали быстрее.

— Не двигаться! — рявкнул Марко, направляя оружие на ближайшего мужчину.

— Руки! На виду! — коротко приказал Вито, мгновенно заходя второму за спину.

Через несколько секунд все закончилось. Так же быстро, как началось. Склад снова погрузился в тишину. Я продолжал держать пистолет перед собой еще несколько мгновений. Не потому, что боялся. Потому что нас учили не расслабляться слишком рано.

Только когда Марко коротко кивнул, показывая, что помещение полностью под контролем, я медленно опустил оружие.

Дыхание оставалось ровным. Пульс стал чаще. Но руки не дрожали. Не в первый раз. Именно это всегда нравилось мне меньше всего. Не сам выстрел. А то, насколько привычным он стал.

Я убрал пистолет обратно в кобуру и молча посмотрел на лежащего мужчину.

Еще минуту назад он разговаривал. Теперь вокруг него медленно расползлось темное пятно. Я ничего не почувствовал. Ни удовлетворения. Ни сожаления. Только усталость. Такую же, как после тяжелой тренировки.

Будто организм каждый раз спрашивал одно и то же:

«Неужели без этого снова нельзя было обойтись?»

Глава 4

Арианна

Мне нравилось приходить в университет раньше остальных. Не потому, что я была одной из тех людей, которые искренне наслаждаются ранними подъемами, холодным утренним воздухом и пустыми улицами. Просто эти тридцать-сорок минут до начала занятий принадлежали только мне. Коридоры еще не наполнялись шумными компаниями студентов, никто не спорил у автоматов с кофе, не бегал по лестницам, опаздывая на первую пару, не смеялся так громко, что звук разносился по всему корпусу. Университет будто только просыпался, лениво стряхивая с себя ночную тишину. Именно таким он нравился мне больше всего. Спокойным. Настоящим. Без необходимости постоянно смотреть по сторонам и делать вид, что все в порядке.

Я поднялась на третий этаж, привычно придерживая ремень тяжелой сумки, которая сегодня, казалось, весила вдвое больше обычного. Внутри лежали кисти, карандаши, новый альбом для набросков, пенал с графитом, палитра и несколько тюбиков краски, которые я вчера купила по дороге домой. Возле дверей мастерской я машинально достала ключ, хотя прекрасно знала, что преподаватель давно доверил мне открывать аудиторию по утрам. Металлический замок тихо щелкнул, дверь легко поддалась вперед, и меня сразу окутал знакомый запах масляных красок, древесины старых мольбертов, разбавителя и бумаги. Наверное, любой другой человек назвал бы этот запах слишком резким, но для меня он давно стал чем-то вроде чувства безопасности. Если существует место, где я действительно могла дышать свободно, то это была именно эта мастерская.

Солнечный свет только начинал пробиваться сквозь высокие окна, мягко ложась на деревянный пол широкими золотистыми полосами. Лучи медленно скользили по мольбертам, пустым табуретам, старым гипсовым бюстам и банкам с кистями, оставленными после вчерашнего занятия. В помещении было настолько тихо, что я отчетливо слышала, как где-то в глубине корпуса мерно гудела вентиляция, а за окном ветер едва заметно шевелил ветви деревьев. Я поставила сумку возле своего рабочего места и несколько секунд просто стояла, оглядывая мастерскую. Здесь все всегда выглядело одинаково, и, наверное, именно поэтому мне было спокойно.

Я аккуратно сняла со своего мольберта вчерашний холст, прислонила его к стене и достала новый. Белоснежная поверхность, идеально натянутая на деревянный подрамник, казалась почти пугающей. Некоторые художники говорили, что любят чистый холст за бесконечные возможности. Я никогда их не понимала. Для меня он всегда был чем-то вроде вызова. Пока он пустой — еще ничего нельзя испортить. Но стоит провести первую линию, как назад дороги уже не будет. Осторожно закрепив подрамник, я отошла на несколько шагов назад, оценила высоту, угол наклона, расстояние до табурета для натурщика и только после этого удовлетворенно кивнула. Если холст стоял хотя бы на сантиметр выше или ниже привычного уровня, работать становилось неудобно. А неудобство всегда превращалось в раздражение.

Следующие несколько минут я занималась тем, что уже давно делала автоматически. Сначала на стол легли карандаши — от самых твердых к самым мягким. Затем уголь, ластик, канцелярский нож и точилка. После этого я достала кисти и разложила их по размеру, внимательно проверяя каждую. Ни один ворсок не должен торчать в сторону. Банка с чистой водой заняла привычное место справа, палитра — чуть ближе ко мне, чтобы не приходилось лишний раз тянуться рукой, а краски выстроились ровным рядом по цветам. Белила, желтая охра, сиена, умбра, кадмий красный, ультрамарин, кобальт... Со стороны это выглядело почти смешно, будто кто-то готовился не к обычной университетской паре, а к сложной хирургической операции. Лео постоянно шутил, что способен определить мое рабочее место с закрытыми глазами именно потому, что только я раскладываю материалы так, словно от их поло-

жения зависит судьба человечества. Возможно, он был прав. Просто когда в жизни остается слишком мало вещей, которые ты действительно можешь контролировать, начинаешь цепляться даже за такие мелочи.

Я медленно выдавила на палитру первые краски и взяла мастихин. Густые мазки белил, охры и капля жженой умбры постепенно смешивались в теплый оттенок кожи. Движения были настолько привычными, что я почти не смотрела на руки. За годы учебы пальцы сами знали, сколько нужно добавить красного, сколько разбавителя, сколько белил, чтобы получить нужный тон. Сегодня все равно сначала будет карандашный набросок, но я терпеть не могла делать что-то в спешке. Лучше подготовить все заранее, чем потом бегать по аудитории в поисках нужной кисти.

Вспомнив вчерашние слова профессора Харриса, я невольно закатила глаза. Вместо привычных натурщиков сегодня должны были прийти хоккеисты из университетской команды. Судя по реакции половины группы, можно было подумать, что к нам собираются заглянуть голливудские актеры. Девушки восторженно переглядывались, кто-то уже обсуждал, какие они красивые, а Лео вообще заявил, что судьба ужасно несправедлива, раз именно мне достались спортсмены, а ему — цветы.

Я только мысленно усмехнулась.

Какая вообще разница, кого рисовать?

Хоть хоккеиста.

Хоть преподавателя.

Хоть дворника.

Лишь бы человек мог спокойно сидеть на одном месте хотя бы сорок минут. Желательно молча. Большинство натурщиков почему-то были уверены, что художнику жизненно необходимо знать все подробности их жизни. Они рассказывали о бывших девушках, жаловались на начальников, обсуждали политику, футбол, погоду и бесконечно крутились на стуле. Через полчаса хотелось не писать портрет, а привязать их к табурету скотчем.

Я закончила смешивать краску, отложила мастихин и еще раз внимательно осмотрела рабочее место. Все было готово. До начала занятия оставалось около пятнадцати минут, и мастерская по-прежнему оставалась удивительно тихой. Но это спокойствие длилось ровно до того момента, пока из коридора не донеслись быстрые шаги, а через секунду знакомый голос не нарушил утреннюю тишину.

В одной руке он держал огромный бумажный стакан с кофе, который, судя по запаху, содержал в себе столько сиропа, что настоящего кофе там почти не осталось. Второй рукой он прижимал к груди папку с набросками, уже наполовину съехавшую под мышку. Светлые волосы, как обычно, были слегка растрепаны, будто он специально тратил полчаса перед зеркалом, чтобы добиться эффекта "я вообще не старался". Белая рубашка выглядела безупречно, поверх нее был накинут светло-бежевый кардиган, а на шее небрежно висела тонкая серебряная цепочка. Даже с огромными кругами под глазами после очередной бессонной ночи он каким-то образом умудрялся выглядеть человеком, которого только что сняли для рекламы дорогого парфюма.

— Ари... — трагично протянул он, медленно закрывая за собой дверь ногой. Он посмотрел на меня так, будто собирался сообщить о чьей-то смерти, после чего тяжело вздохнул и поставил кофе на ближайший стол. — Прошу тебя... прежде чем ты ответишь, подумай не только головой, но и сердцем.

Я даже не подняла глаз от палитры.

Продолжила спокойно смешивать краску.

— Уже нет, — ответила я ровным голосом, прекрасно понимая, к чему он ведет.

Лео застыл.

— Но... я же еще ничего не спросил, — произнес он с искренним возмущением, прижав ладонь к груди.

— Именно поэтому нет.

Он театрально запрокинул голову к потолку, будто искал там поддержку высших сил.

— Господи... за что ты послал мне человека без капли сострадания?

Я молча продолжала протирать кисть.

— Ари, — уже жалобнее произнес Лео, подходя ближе и опираясь локтями о соседний стол. Он наклонил голову набок и посмотрел на меня тем самым взглядом, которым обычно выпрашивал у преподавателей дополнительную неделю на сдачу работы. — Если сегодня среди хоккеистов окажется парень моей мечты... обещаю, что поменяешься со мной.

Я наконец подняла на него взгляд.

Несколько секунд молча смотрела ему прямо в глаза.

Потом спокойно ответила:

— Нет.

Лео застыл так, словно его только что публично предали.

— Почему? — почти шепотом спросил он, снова прижав ладонь к сердцу. Голос звучал настолько трагично, что ему бы сейчас идеально подошла сцена театра, а не художественная мастерская. — Почему ты такая жестокая? Что плохого я сделал в этой жизни, что судьба снова решила надо мной поиздеваться?

— Родился драматичным.

— Это не недостаток.

— Иногда очень даже.

— Это талант.

— Нет.

— Да.

— Лео.

— Что?

— Замолчи.

Он шумно выдохнул и демонстративно отвернулся к окну.

Молчание продлилось ровно три секунды.

— Ты вообще понимаешь, насколько это несправедливо? — снова заговорил он, уже активнее размахивая руками. — Ты получаешь десять здоровенных, спортивных, красивых хоккеистов, которых можно разглядывать несколько часов подряд, а мне снова достаются цветы. Цветы, Ари! Они даже не разговаривают!

Я невольно усмехнулась.

— Вот именно поэтому они мне нравятся.

Лео резко повернулся.

— Нет, не поэтому. Просто они не могут сказать тебе что-нибудь в ответ.

— И это тоже.

— Видишь? — возмущенно произнес он, ткнув в меня пальцем. — Ты сама признаешься, что предпочитаешь общество растений людям.

— Растения спокойнее.

— Люди интереснее.

— Спорный вопрос.

— Господи... — простонал он, закрывая лицо ладонями. — Иногда мне кажется, что если бы перед тобой поставили Криса Хемсворта и кактус, ты сначала спросила бы, когда поливать кактус.

— Конечно.

— Почему?

— Потому что Хемсворт сам способен позаботиться о себе.
Лео несколько секунд смотрел на меня абсолютно серьезно.
Потом громко фыркнул и рассмеялся.

— Ты невозможна.

— Мне так говорили.

— Я начинаю понимать почему.

Он сделал большой глоток кофе, после чего вдруг подозрительно прищурился.

— Подожди... — медленно произнес он, внимательно наблюдая за моим лицом. — А если я предложу обмен?

— Неинтересно.

— Ты даже не знаешь условия.

— Знаю.

— Правда?

— Ты попросишь поменяться натурщиками.

Лео тяжело вздохнул.

— Иногда мне кажется, что ты читаешь мои мысли.

— Они слишком громкие.

Он обреченно покачал головой.

— Хорошо. Тогда официальное предложение. Я рисую твои... нет, даже не так. Я готов целый день носить тебе кофе, покупать любимые пирожные и молчать целых... — он выразительно посмотрел на часы, — ...пятнадцать минут подряд.

Я задумчиво наклонила голову.

— Могу поменяться.

Лео застыл.

— Правда? — осторожно переспросил он, не веря собственным ушам. В его глазах мгновенно загорелась надежда.

Я спокойно кивнула.

— Конечно.

Он победно вскинул руки вверх.

— Я всегда знал, что где-то глубоко внутри ты замечательный человек!

— Есть одно условие.

Лео сразу насторожился.

— Какое?

Я положила кисть на стол и совершенно серьезно посмотрела на него.

— Ты нарисуешь все четыре моих портрета. Полностью. С первого наброска до последнего слоя краски. А потом еще напишешь объяснительную записку профессору Харрису, почему стиль наших работ внезапно изменился.

Лео молчал.

Несколько секунд.

Потом медленно опустил плечи, обреченно сделал еще один глоток кофе и тяжело вздохнул.

— Знаешь... — произнес он с самым серьезным выражением лица. — Цветы — прекрасные создания.

Я не смогла сдержать улыбку.

— Так я и думала.

— Нет, правда. Очень недооцененные модели. Красивые. Молчаливые. Не спорят с художником.

— Прямо как ты мечтал.

— Именно.

Он сделал паузу, после чего обреченно покачал головой.

— Но все равно ужасно несправедливо, что самые красивые мужчины этого университета достались человеку, который смотрит на них исключительно как на удачно выставленный натюрморт.

Постепенно мастерская начала оживать. Один за другим приходили студенты, здоровались, раскладывали материалы, двигали мольберты, кто-то уже успел поставить чайник в маленькой преподавательской комнате, а кто-то с сонным видом пытался вспомнить, где оставил свои кисти после прошлого занятия. Тишина, которая еще полчаса назад казалась почти звенящей, медленно растворялась в привычном университетском шуме. Лео продолжал рассказывать Саре о том, насколько несправедливо устроена жизнь художника, которому вместо красивых спортсменов приходится писать букеты пионов, Сара смеялась, Джеймс спорил с Уилсоном о новых акриловых красках, а я, почти не участвуя в разговорах, как всегда, еще раз проверяла палитру.

К тому моменту, когда часы над дверью показали без пяти десять, в аудитории уже не осталось свободных мест. Последним, как обычно, появился профессор Харрис. Он вошел без спешки, держа под мышкой толстую папку с работами прошлых курсов и неизменную кружку черного кофе, которую, казалось, никогда не выпускал из рук. Высокий, немного сутулый, с густыми седыми волосами и аккуратной бородой, он выглядел человеком, который провел среди красок и холстов большую часть своей жизни. На нем был темно-коричневый твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях, светлая рубашка и потертые кожаные туфли. Любой другой преподаватель в таком виде показался бы старомодным, но Харрису это удивительным образом шло.

Он поставил кружку на преподавательский стол, медленно снял очки, протер их краем платка и только после этого внимательно оглядел мастерскую. Делал он это всегда одинаково — неторопливо, словно проверял не присутствующих студентов, а настроение каждого из них. В аудитории постепенно становилось тише. Даже Лео, который секунду назад продолжал возмущаться своей тяжелой художественной судьбой, наконец замолчал.

— Доброе утро, господа художники, — спокойно произнес профессор, снова надевая очки. Голос его звучал негромко, но уверенно. Он говорил без малейшей необходимости перекрикивать аудиторию — за годы преподавания все давно привыкли слушать его с первого слова. — Искренне надеюсь, что сегодня хотя бы половина из вас пришла сюда рисовать, а не обсуждать чужую личную жизнь.

По мастерской прокатился негромкий смех.

— Это очень смелое предположение, профессор, — с самым серьезным выражением лица заметил Лео, разводя руками. Он говорил так, будто действительно пытался поддержать научную дискуссию. — Учитывая, что сегодня к нам приходят хоккеисты, шансы на успех, боюсь, минимальны.

Харрис перевел на него спокойный взгляд поверх очков.

— Мистер Росси, — невозмутимо произнес он, сложив руки за спиной. — Я все еще надеюсь дожить до того дня, когда вы научитесь воспринимать модели как объект искусства, а не объект своих эротических фантазий.

По аудитории снова прокатился смех.

Лео театрально приложил ладонь к груди.

— Профессор... вы только что разбили мне сердце.

— Оно у вас удивительно живучее, — спокойно ответил Харрис, едва заметно улыбнувшись уголком губ. — Каждую неделю кто-то его разбивает, но почему-то к следующему понедельнику оно снова прекрасно работает.

— Искусство исцеляет, — с трагическим вздохом произнес Лео, поднимая палец вверх.

— В вашем случае, боюсь, медицина уже бессильна.

Я даже немного усмехнулась мысленно.

Харрис дождался, пока смех постепенно стихнет, и только после этого стал серьезнее. Он сделал несколько медленных шагов между мольбертами, привычно заложив руки за спину, и остановился почти в центре мастерской. Его взгляд медленно скользил по каждому студенту, словно он заранее пытался представить, какой получится сегодняшняя работа.

— Сегодняшнее занятие будет немного отличаться от тех, к которым вы привыкли, — спокойно начал он. — Да, к нам действительно придут спортсмены. Но если кто-то из вас уже успел решить, что главная задача сегодняшнего урока — нарисовать красивое лицо или широкие плечи, можете сразу забыть об этой мысли.

Несколько человек переглянулись.

Лео тихо обреченно вздохнул.

— Какая потеря... — пробормотал он себе под нос так, чтобы слышали только ближайшие студенты.

Я закатила глаза.

Харрис, кажется, прекрасно расслышал его реплику, но сделал вид, что ничего не произошло.

— Хороший портрет никогда не начинается с внешности, — продолжил он тем же спокойным голосом, медленно прохаживаясь вдоль первого ряда мольбертов. — Любой человек способен нарисовать глаза, нос и губы. Этому можно научиться. Можно годами изучать анатомию, свет, перспективу, строение мышц лица и добиться почти фотографического сходства. Но фотография — еще не портрет. Портрет начинается в тот момент, когда зритель перестает видеть краску и начинает видеть человека.

В аудитории стало совсем тихо.

Даже Лео перестал шутить.

— Поэтому сегодня, — продолжил профессор, остановившись возле окна, — меня совершенно не интересует, насколько идеально вы передадите форму подбородка или линию скул. Если работа получится технически безупречной, но при этом останется пустой, я поставлю ей посредственную оценку. И наоборот. Если вы сумеете поймать взгляд человека, его привычку думать, его характер, его внутреннее напряжение... я готов простить вам десяток ошибок.

Он сделал небольшую паузу.

Потом медленно повернулся.

И посмотрел прямо на меня.

Я сразу поняла, что следующие слова адресованы не всей группе.

Только мне.

— Некоторые художники, — спокойно произнес Харрис, не сводя с меня внимательного взгляда, — обладают очень редким даром. Они умеют видеть людей глубже, чем остальные. Но иногда этот дар становится проблемой. Потому что художник начинает писать не человека перед собой... а собственное отношение к нему.

Он говорил ровно.

Без осуждения.

Но я слишком хорошо его знала.

Это был не совет.

Это был намек.

— Арианна, — наконец произнес профессор уже мягче, обращаясь непосредственно ко мне. Он слегка наклонил голову, внимательно наблюдая за моей реакцией. — Сегодня я хочу, чтобы вы хотя бы на несколько часов забыли о том, что уже умеете чувствовать людей. Не пытайтесь заранее решить, кто перед вами. Не додумывайте за модель ее историю. Просто... посмотрите.

Я выдержала его взгляд.

Несколько секунд молчала, чувствуя, как половина аудитории уже переводит глаза с профессора на меня и обратно. Все прекрасно знали: если Харрис начинал говорить со мной подобным тоном, значит, сейчас последует очередная попытка заставить меня признаться в чем-то, о чем я сама предпочитала молчать.

— Постараюсь, — спокойно ответила я, пожав плечами. Голос прозвучал ровно, без раздражения, хотя внутри уже начинало появляться знакомое чувство усталости.

Профессор едва заметно улыбнулся.

Не насмешливо.

Скорее понимающе.

— Нет, — тихо возразил он, медленно покачав головой. Он говорил так спокойно, что спорить становилось почти невозможно. — Не постарайтесь.

Он сделал небольшую паузу, словно подбирал правильные слова.

— Просто впервые позвольте человеку самому рассказать о себе. Без вашей помощи.

Я опустила взгляд на чистый холст.

Несколько секунд рассматривала натянутую ткань, после чего снова посмотрела на Харриса.

— А если мне нечего будет услышать? — спокойно спросила я, скрестив руки на груди. Вопрос прозвучал искренне. — Не каждый человек интересен настолько, чтобы искать в нем что-то глубже.

По аудитории прокатился едва слышный шепот.

Кто-то удивленно поднял брови.

Лео тихо прикрыл глаза ладонью, будто заранее предчувствовал, что разговор опять уйдет куда-то слишком далеко.

Харрис не ответил сразу.

Он сделал несколько медленных шагов между мольбертами, остановился возле моего рабочего места и внимательно посмотрел на холст, словно изучал не его, а меня.

— В таком случае, — наконец произнес профессор спокойным, почти мягким голосом, — проблема будет не в модели.

Я едва заметно прищурилась.

— Хотите сказать, что я плохо смотрю?

— Нет, — сразу ответил Харрис, слегка покачав головой. — Я хочу сказать, что иногда вы смотрите слишком внимательно.

Я невольно усмехнулась.

— Разве это плохо для художника?

— Иногда, — спокойно согласился профессор. Он сцепил руки за спиной и перевел взгляд на остальных студентов, будто обращался уже ко всей аудитории. — Когда человек заранее уверен, что знает ответ, он перестает задавать вопросы. Это касается не только живописи.

Я понимала, к чему он ведет.

И именно поэтому мне совершенно не хотелось продолжать этот разговор.

— Значит, сегодня мне нужно стать менее наблюдательной? — спросила я уже с легкой иронией, чуть склонив голову набок.

Харрис тихо усмехнулся.

— Нет, Арианна, — ответил он спокойно, встретившись со мной взглядом. — Сегодня вам нужно стать менее уверенной в собственной наблюдательности.

Я несколько секунд молчала.

— Это разные вещи?

— Очень, — без колебаний ответил профессор. В его голосе появилась та самая спокойная уверенность человека, который прожил достаточно долго, чтобы не сомневаться в соб-

ственных словах. — Вы прекрасно умеете замечать чужую боль. Но почти всегда забываете, что человек состоит не только из нее.

В аудитории стало удивительно тихо.

Я почувствовала, как пальцы сами собой сильнее сжали край палитры.

Он снова говорил обо мне.

И снова так, будто видел больше, чем должен.

— Профессор... — неожиданно вмешался Лео, поднимая руку с самым серьезным выражением лица. Он старательно изображал прилежного студента, хотя в глазах уже плясали смешинки. — Простите, что прерываю столь глубокий философский диалог, но у меня есть вопрос государственной важности.

Харрис медленно повернулся к нему.

— Даже боюсь представить какой.

— Если мы сегодня должны увидеть внутренний мир хоккеистов... — Лео выдержал театральную паузу и сложил руки в замок. — Можно ли считать кубики пресса частью внутреннего мира?

По аудитории мгновенно прокатился смех.

Даже я не смогла сдержать улыбку.

Харрис устало потер переносицу.

— Мистер Росси...

— Да, профессор? — невинно отозвался Лео, широко улыбаясь.

— Иногда мне кажется, что вы появились в этой группе исключительно для того, чтобы проверять пределы моего терпения.

— И как успехи? — с искренним интересом спросил Лео.

Профессор тяжело вздохнул.

— Пока, к сожалению, вы побеждаете.

Смех в аудитории стал еще громче.

И именно в этот момент из коридора донеслись тяжелые мужские голоса, чей-то громкий смех и звук открывающейся двери.

Харрис бросил короткий взгляд в сторону входа.

— Похоже, — спокойно произнес он, слегка поправляя очки, — ваши модели прибыли

Из коридора сначала донеслись приглушенные мужские голоса. Потом чей-то громкий смех. Затем звук тяжелых шагов, который становился все ближе, словно к аудитории приближалась не университетская команда, а небольшая армия. Кто-то явно пытался что-то доказать друзьям, кто-то перебивал его, сразу несколько человек говорили одновременно, и среди всего этого хаоса периодически раздавался знакомый бас тренера, безуспешно призывавшего своих игроков хотя бы несколько минут вести себя прилично.

Вся аудитория невольно повернулась к двери.

Даже те, кто до этого старательно делал вид, что сосредоточен исключительно на холсте.

Лео рядом медленно поставил стаканчик с кофе на стол и совершенно серьезно сложил ладони перед собой.

— Господи... — почти благоговейно прошептал он, не сводя взгляда с двери. Голос его прозвучал так, словно сейчас должно было произойти второе пришествие. — Они существуют...

Я только тяжело вздохнула.

— Соберись, — тихо сказала я, не отрывая взгляда от своего мольберта. Голос прозвучал спокойно, почти безразлично. — Это обычные люди.

— Нет, Ари, — трагично возразил Лео, медленно покачав головой. Он даже не посмотрел в мою сторону. Все его внимание было приковано к двери. — Обычные люди не выглядят так, как выглядят университетские хоккеисты.

— Ты их еще даже не видел.

— Зато я верю.

Я тихо усмехнулась.

В следующую секунду дверь действительно открылась.

В аудиторию один за другим начали заходить игроки.

Их было человек десять.

Высокие.

Почти все выше ста восьмидесяти пяти сантиметров.

Кто-то уже успел переодеться после тренировки и теперь был в темных спортивных брюках и университетских худи, кто-то остался в форме, накинув сверху только легкую куртку. Почти у каждого на плече висела тяжелая спортивная сумка, а влажные после душа волосы говорили о том, что лед они покинули совсем недавно.

Вместе с ними в мастерскую словно ворвался совершенно другой мир.

Шумный.

Живой.

Громкий.

Запах краски почти сразу смешался с ароматом мужского парфюма, спортивного дезодоранта и едва уловимым запахом льда, который почему-то до сих пор оставался на их одежде.

— Так... — протянул один из игроков, с любопытством осматривая мастерскую. Он был высоким, темнокожим, с широкой улыбкой и настолько живой мимикой, что казалось, будто он не способен молчать дольше десяти секунд. — Никогда раньше не был у художников.

— Осторожнее, Джейсон, — спокойно сказал кто-то позади него. Голос прозвучал негромко, но уверенно. — Еще пять минут — и тебя самого повесят на стену.

По группе прокатился смех.

— Было бы неплохо, — невозмутимо ответил этот Джейсон, театрально расправляя плечи. Он говорил с такой серьезностью, будто действительно рассматривал эту идею. — Представляешь? Через сто лет студенты будут смотреть на мой портрет и говорить: "Вот он. Национальное достояние."

— Скорее экспонат с подписью "не кормить", — сухо заметил другой парень.

— Николас, — Джейсон тяжело вздохнул, театрально приложив ладонь к груди. — Иногда мне кажется, что ты специально дружишь со мной исключительно ради того, чтобы регулярно возвращать меня на землю.

Николас лишь едва заметно пожал плечами.

— Иногда.

Это было сказано настолько спокойно, что сразу никто даже не понял, шутка это или нет.

Через секунду команда снова рассмеялась.

Я невольно перевела взгляд на того самого Николаса.

Высокий.

Спокойный.

В отличие от остальных он почти не разговаривал. Пока остальные успели обменяться десятком реплик, он лишь молча осматривал мастерскую. Его взгляд задержался на гипсовых фигурах, затем скользнул по работам студентов, прислоненным к стенам, после чего остановился на больших окнах. Казалось, он не просто рассматривал помещение, а автоматически отмечал каждую деталь.

Интересно.

Такие люди встречались редко.

Большинство сначала говорили.

Он сначала наблюдал.

— Вот это да... — тихо пробормотал Лео рядом со мной, медленно обводя взглядом всю команду. Он говорил почти шепотом, но восторг в его голосе скрыть было невозможно. — Ари... они же все огромные...

— Это хоккеисты.

— Нет, это шкафы.

— Дыши.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что если среди них окажется любовь всей моей жизни, я морально не готов.

— Ты морально не готов каждую неделю.

— Но сегодня особенно.

Я уже собиралась ответить, когда заметила его. Он вошел последним. Без смеха. Без разговоров. Без желания привлечь к себе внимание.

Просто спокойно переступил порог аудитории, придержал дверь для тренера и только потом медленно осмотрел мастерскую.

И почему-то именно его я узнала сразу. Того самого парня, с которым я вчера столкнулась в коридоре.

Он почти не изменился, разве что теперь вместо темной куртки на нем были серые спортивные брюки, белая футболка и темно-синяя университетская толстовка с эмблемой хоккейной команды на груди. Рукава были закатаны до локтей, открывая сильные предплечья, покрытые тонкой сеткой выступающих вен. Темные волосы, еще немного влажные после душа, были небрежно зачесаны назад, а несколько непослушных прядей все равно падали на лоб. Он выглядел так, будто совершенно не старался производить впечатление, и, наверное, именно поэтому взгляд сам собой задерживался на нем чуть дольше, чем следовало.

В отличие от остальных он не разговаривал. Не смеялся. Не рассматривал мастерскую с тем детским любопытством, с которым это делали остальные. Не переговаривался с друзьями. Не пытался познакомиться с кем-нибудь из студентов. Он вообще ничего не делал, чтобы привлечь к себе внимание. И, наверное, именно поэтому внимание само цеплялось за него.

Он спокойно переступил порог аудитории, придержал дверь для последнего игрока, который что-то увлеченно рассказывал Джейсону, после чего неторопливо оглядел мастерскую. Не бегло, как большинство людей, оказавшихся в незнакомом помещении, а внимательно, будто автоматически отмечал расположение окон, мольбертов, выходов, преподавательского стола и людей вокруг.

Странная привычка. Я почему-то сразу это заметила. А потом его взгляд остановился на мне. Всего на секунду, не больше. Но этой секунды оказалось достаточно. Он меня узнал.

Я поняла это не потому, что на его лице появилась улыбка или удивление. Наоборот. Оно почти не изменилось. Просто взгляд задержался чуть дольше, чем должен был задерживаться на совершенно незнакомом человеке.

Вчерашний коридор. Столкновение. Моя слишком резкая реакция. Он тоже это вспомнил. Несколько мгновений мы просто смотрели друг на друга. Без улыбок. Без приветствий. Без неловкости.

Потом он едва заметно кивнул. Настолько коротко, что любой другой человек этого бы даже не заметил. Словно здоровался не с девушкой, которую увидел второй раз в жизни, а со случайной знакомой, встреченной утром по дороге на работу.

Я ответила таким же коротким кивком. Так было проще. Будто вчера ничего не произошло. Будто я не выдернула руку так резко, словно он обжег меня одним прикосновением.

Будто он этого вообще не заметил.

— Ну все... — едва слышно простонал Лео, медленно переводя взгляд с одного хоккеиста на другого. Он говорил почти шепотом, но в его голосе звучало столько неподдельного

восхищения, что казалось, еще немного — и он действительно расплатится от несправедливости жизни. — Я официально заявляю протест.

Я даже не повернулась к нему. Продолжала спокойно наблюдать за командой.

— По какому поводу? — спросила я совершенно невозмутимо, хотя заранее знала ответ.

Лео тяжело вздохнул, медленно приложил ладонь к груди и трагично покачал головой, словно собирался выступить с обвинительной речью в суде.

— По поводу распределения моделей, — с искренней скорбью произнес он, театрально разводя руками. — Ари, ты только посмотри на них. Это же вопиющее нарушение всех возможных прав человека. Я два года честно учусь на этом факультете, а судьба снова решила надо мной поиздеваться.

Я наконец посмотрела на него.

— Каким образом?

— Каким образом? — переспросил Лео так, будто я задала самый нелепый вопрос на свете. Он снова повернулся к хоккеистам и широким жестом указал на всю команду. — Да ты просто посмотри! Они же... они же...

Он беспомощно замолчал. Несколько секунд пытался подобрать подходящее слово. Потом обреченно выдохнул.

— Незаконно красивые.

Я несколько секунд молча посмотрела сначала на команду, потом на Лео.

— Высокие, — спокойно поправила я.

— Нет, — категорично возразил Лео, энергично замотав головой. — Высокие — это метр восемьдесят. А это... — он снова выразительно посмотрел на команду. — Это какой-то отдельный биологический вид.

Я перевела взгляд на хоккеистов.

Действительно высокие.

Почти все.

Но ничего сверхъестественного я не увидела.

— И что? — спокойно спросила я.

Лео медленно повернулся ко мне.

— Ари... — произнес он таким тоном, будто разговаривал с человеком, полностью утратившим способность замечать очевидные вещи. — Они красивые.

— Возможно.

— Возможно? — он даже задохнулся от возмущения. — Возможно?!

— Я не присматривалась.

Лео несколько секунд просто смотрел на меня.

Потом обреченно потер лицо ладонями.

— Иногда мне кажется, что ты вообще не замечаешь мужчин.

— Замечаю.

— Не замечаешь.

— Замечаю.

— Тогда скажи мне, который из них самый красивый.

Я пожала плечами.

— Не знаю.

— Почему?

— Потому что они еще не сели.

Лео растерянно моргнул.

— Что?

— Пока они стоят.

— И?

— Стоя неудобно рисовать.

Он молчал.

Секунд пять.

Потом медленно закрыл глаза.

— Господи... — простонал он, запрокидывая голову к потолку. — Она действительно смотрит на мужчин исключительно как на будущие натюрморты.

— Натурщиков, — автоматически поправила я.

— Вот! Даже сейчас!

Я только пожала плечами.

— Мне все равно, кто будет сидеть передо мной.

— Конечно, все равно, — обреченно вздохнул Лео. — А мне вот нет. Потому что мне опять достанутся цветы. Цветы, Ари! Они хотя бы не могли быть такими же красивыми?

— Зато они молчат.

— Иногда ты бываешь пугающе практичной.

— Это помогает жить.

— А мне помогает эстетика.

Я посмотрела на его стакан с кофе.

— Судя по количеству карамельного сиропа, еще и сахар.

— Не смей осуждать мои жизненные выборы.

— Тогда перестань осуждать мои.

Он тяжело вздохнул.

— Мы никогда не пойдем друг друга.

— Похоже на то.

Лео уже собирался ответить, но в этот момент профессор Харрис сделал несколько шагов навстречу хоккейной команде, и разговоры в мастерской постепенно начали стихать.

— Доброе утро, господа, — спокойно произнес Харрис, приветливо улыбнувшись игрокам. Он говорил уверенно, без лишнего официоза, словно встречал не студентов другого факультета, а старых знакомых. — Благодарю, что согласились помочь факультету искусств. Обещаю, мы постараемся не причинить вам серьезного морального ущерба.

— Пока звучит обнадеживающе, — с улыбкой ответил Джейсон, засунув руки в карманы спортивных брюк. Он говорил легко и непринужденно, явно чувствуя себя комфортно в любой компании. — Хотя я все еще подозреваю, что вы заманили нас сюда обманом.

— Почему же?

— Потому что тренер сказал, что это займет всего час.

— Все верно.

— А теперь я вижу здесь человек двадцать художников.

Харрис понимающе улыбнулся.

— И?

— А художники, насколько я знаю, любят творческий процесс.

— Любят.

— Значит, через час мы отсюда не выйдем.

По всей команде прокатился смех.

— Вынужден вас разочаровать, — с легкой улыбкой ответил Харрис. — Мы действительно закончим вовремя. При одном условии.

— Каком? — с деланой настороженностью спросил Джейсон.

— Вы будете молчать.

— Это дискриминация.

— Это необходимость.

— Но я же душа компании.

— Именно поэтому.

Джейсон театрально повернулся к друзьям.

— Вы слышали? Меня официально признали опасным для искусства.

— Давно пора, — спокойно произнес Николас, даже не посмотрев в его сторону.

Джейсон тяжело вздохнул.

— Вот скажи честно... — начал он, повернувшись к другу. — Ты специально ждешь идеальный момент, чтобы испортить мне настроение?

Николас спокойно пожал плечами.

— Нет.

Он сделал короткую паузу.

— Просто возможностей слишком много.

Даже профессор негромко рассмеялся.

А я снова поймала себя на том, что почти не смотрю на шумную компанию вокруг.

Мой взгляд снова остановился на том самом парне, с которым я столкнулась вчера в коридоре.

Пока остальные смеялись, перебивали друг друга и отпускали шутки, он по-прежнему держался чуть в стороне. Не скучал. Не пытался показать, что ему все это неинтересно. Просто спокойно слушал профессора, иногда переводя взгляд с него на студентов, будто машинально запоминая лица. Казалось, он вообще не испытывал необходимости постоянно говорить, чтобы чувствовать себя частью компании.

Странно.

На фоне остальных именно его молчание почему-то бросалось в глаза сильнее всего.

— Эй, Маттео! — громко окликнул его Джейсон, обернувшись через плечо. Он широко улыбнулся и махнул рукой, подзывая друга ближе. — Ты так и собираешься стоять в одиночестве? Иди сюда, а то художники решат, что мы тебя обижаем.

Несколько игроков тихо рассмеялись.

Парень лишь перевел на Джейсона спокойный взгляд.

— Пока ты говоришь, у них не останется времени думать обо мне, — ровно ответил он, подходя ближе. Голос оказался низким и удивительно спокойным. Ни тени раздражения, ни желания подыграть общему веселью. Просто констатация факта.

— Вот за это я тебя и не люблю, — театрально вздохнул Джейсон, закатив глаза. — Ты постоянно портишь мои лучшие шутки.

— Значит, они были не такими уж хорошими, — так же спокойно ответил Маттео, едва заметно пожав плечами.

По команде снова прокатился смех.

Даже Джейсон не смог сдержать улыбки.

Я машинально отметила про себя имя.

Маттео.

Оно удивительно ему подходило.

Не громкое.

Не броское.

Такое же спокойное, как и он сам.

И почему-то именно его я продолжала замечать чаще остальных, хотя он прикладывал для этого меньше всего усилий.

Стоило профессору закончить приветствие, как Джейсон окончательно почувствовал себя в своей стихии.

Он сделал несколько шагов вперед, неторопливо оглядел мастерскую, затем широко развел руки, словно собирался выступить перед переполненным залом.

— Итак, — с самым серьезным видом произнес он, переводя взгляд с одного мольберта на другой. В голосе уже звучали привычные веселые нотки. — Сразу несколько важных вопросов, прежде чем мы начнем.

Харрис устало улыбнулся.

Кажется, он уже понял, что именно Джейсон станет его главным испытанием на сегодняшнее утро.

— Я вас внимательно слушаю, мистер... — спокойно произнес профессор, вопросительно приподняв бровь.

— Джейсон Картер, — с гордостью представился тот, слегка поклонившись, будто находился не в университетской мастерской, а на театральной сцене. — Нападающий. Душа команды. Любимец публики.

— Последнее утверждение требует проверки, — сухо заметил Николас, спокойно рассматривая одну из студенческих работ у стены. Он даже не обернулся к другу, словно комментарий сорвался сам собой.

По хоккеистам сразу прокатился смешок.

Джейсон тяжело вздохнул и повернулся к нему.

— Знаешь, Ник, — с искренним сожалением произнес он, качая головой. — Иногда мне кажется, что ты появился в моей жизни исключительно для того, чтобы портить лучшие моменты.

— Не лучшие, — спокойно поправил Николас, продолжая рассматривать картины. — Самые громкие.

Несколько человек тихо рассмеялись.

Даже Джейсон не стал спорить.

Вместо этого он снова повернулся к профессору.

— Так вот, — продолжил он уже совершенно серьезно, словно предыдущего разговора не было. — Нам улыбаться?

— Если хотите, — спокойно ответил Харрис, сцепив руки за спиной. На лице профессора появилась легкая улыбка. — Хотя никто вас не заставляет.

Джейсон задумчиво кивнул.

— Хорошо.

Он сделал еще одну театральную паузу.

— А мышцы напрягать?

По аудитории снова прокатился смех.

Харрис сделал вид, что всерьез задумался над вопросом.

— Если они исчезнут без этого, пожалуй, стоит.

Игроки дружно рассмеялись.

Джейсон возмущенно прижал ладонь к груди.

— Это был удар ниже пояса.

— Скорее, по самолюбию.

— Оно у меня очень чувствительное.

— Уже заметил.

Смех стал еще громче.

— Тогда последний вопрос, — торжественно объявил Джейсон, подняв вверх указательный палец. Он говорил с такой серьезностью, будто сейчас собирался обсуждать условия международного договора. — Если окажется, что я объективно красивее остальных... меня будут рисовать два раза?

В мастерской стало совсем тихо.

Все ждали ответа профессора.

Харрис посмотрел сначала на Джейсона.

Потом перевел взгляд на остальных хоккеистов.

После чего совершенно спокойно произнес:

— Нет.

Джейсон растерянно моргнул.

— Почему?

— Потому что тогда остальным станет обидно.

Несколько секунд в аудитории стояла тишина.

А затем все дружно рассмеялись.

Даже профессор уже не пытался скрывать улыбку.

— Вы сегодня в отличной форме, — признал Джейсон, смеясь вместе со всеми. — Обычно преподаватели начинают шутить только к концу семестра.

— Обычно мне не приходится работать с хоккейной командой.

— Справедливо.

Пока внимание всей аудитории было приковано к Джейсону, я машинально посмотрела в сторону остальных игроков.

Маттео, как и прежде, держался немного в стороне.

Он не вмешивался в разговор.

Не пытался перебить друга.

Не улыбался каждому удачному ответу.

Лишь спокойно наблюдал за происходящим, словно заранее знал, что Джейсон способен говорить бесконечно.

Но чем дольше я смотрела в его сторону, тем сильнее появлялось странное ощущение, будто он вовсе не слушает разговор.

Несколько раз его взгляд совершенно спокойно возвращался ко мне.

Не задерживался слишком долго. Не был навязчивым. Скорее... внимательным.

Так обычно смотрят не на красивого человека. Так смотрят, когда пытаются что-то понять. Он словно незаметно изучал меня. Не только лицо. Манеру держаться. То, как я раскладываю кисти. Как автоматически поправляю рукав свитера, закрывая запястье. Как избегаю лишних разговоров. Мне это совершенно не понравилось. Инстинктивно захотелось отвернуться. Сделать вид, что я вообще не заметила этого взгляда. Но я почему-то продолжала смотреть в ответ. Не вызывающе. Не упрямо. Просто пытаюсь понять, что именно он увидел такого, чего не замечали остальные.

Через несколько секунд он первым отвел взгляд. Спокойно. Будто ничего особенного не произошло.

Неподалеку стоял Николас.

В отличие от остальных он, кажется, вообще не интересовался происходящим разговором. Его внимание привлекли работы студентов, выставленные вдоль дальней стены. Он неторопливо прошелся вдоль них, внимательно рассматривая каждый холст. Не мельком, как это обычно делают люди, ничего не понимающие в живописи, а действительно вдумываясь в увиденное.

Через несколько секунд он остановился возле Маттео.

— Здесь тихо, — негромко произнес Николас, не отрывая взгляда от картин. Голос его прозвучал спокойно и задумчиво, словно он говорил скорее самому себе, чем другу.

Маттео тоже посмотрел на мастерскую.

На студентов.

На мольберты.

На большие окна, через которые в помещение лился мягкий утренний свет.

Потом перевел взгляд на шумно спорящего с профессором Джейсона.

— Пока, — так же спокойно ответил он.

Николас лишь едва заметно кивнул.

Кажется, ему этого ответа оказалось достаточно.

Харрис дождался, пока в мастерской окончательно стихнут разговоры, после чего несколько раз негромко хлопнул в ладони, вновь привлекая к себе внимание. Даже Джейсон, который секунду назад с неподдельным интересом расспрашивал Лео, действительно ли художники замечают кривой нос быстрее обычных людей, наконец замолчал и вопросительно посмотрел на профессора.

— Итак, господа, — спокойно начал Харрис, сцепив руки за спиной. Он медленно прошелся между мольбертами, останавливаясь почти в центре аудитории. — Сейчас я объясню, как пройдет сегодняшнее занятие. Большинство из вас уже работали с натурщиками, поэтому правила знакомы. Каждый студент получит модель, выполнит серию быстрых набросков, после чего мы поменяемся.

Он сделал небольшую паузу и перевел взгляд на хоккеистов.

— Что касается вас, — продолжил профессор тем же спокойным тоном, — не переживайте. Мне не понадобится вся команда одновременно. Большая часть из вас сейчас отправится в соседнюю мастерскую. Там вас уже ждут преподаватель и студенты второго курса. Они будут выполнять обычные учебные зарисовки.

Несколько хоккеистов заметно расслабились.

— То есть нас будут рисовать сразу в двух аудиториях? — с интересом спросил Джейсон, слегка приподняв брови. Он говорил уже без привычной театральности — скорее с искренним любопытством.

— Именно так, — спокойно подтвердил Харрис, кивнув. — Университет не каждый день получает возможность поработать сразу с целой спортивной командой. Было бы странно упустить такую возможность.

— Приятно чувствовать себя университетской собственностью, — с наигранной серьезностью заметил Джейсон, обреченно вздыхая.

— Не льсти себе, — невозмутимо произнес Николас, спокойно засунув руки в карманы спортивных брюк. Он даже не посмотрел на друга. — Это временно.

По команде прокатился смешок.

Харрис дождался, пока снова станет тихо.

— Однако есть одно исключение, — продолжил он, переведя взгляд на меня. — Один из моих студентов работает по индивидуальной программе.

Я уже знала, что сейчас прозвучит мое имя.

— Арианна.

Я спокойно подняла голову.

— Как мы договаривались ранее, вы продолжаете свою серию спортивных портретов. Поэтому хоккеисты будут работать с вами по очереди. Не сегодня все сразу. Сегодня — первый портрет. На следующем занятии — второй. И так, пока серия не будет закончена.

По аудитории сразу пробежал заинтересованный шепот.

Лео медленно поднял обе руки к потолку.

— Господи... — трагично произнес он, качая головой. — То есть ей достанется вообще вся команда?

— Да, — спокойно ответил Харрис.

— А мне?

— Цветы.

Лео закрыл глаза и медленно потер переносицу.

— Я ненавижу этот университет...

По мастерской снова раздался смех.

Харрис едва заметно улыбнулся.

— Остальные игроки, — продолжил он уже обращаясь к хоккеистам, — сейчас пройдут в соседнюю аудиторию вместе с ассистентом. Здесь останется только капитан команды.

Он перевел взгляд на хоккеистов.

— Мистер Романо.

Маттео спокойно поднял голову.

— Да, профессор? — ровно ответил он.

— Сегодня вы будете первой моделью для Арианны.

— Хорошо. — Маттео коротко кивнул.

Именно в этот момент один из хоккеистов, стоявший чуть позади Джейсона, негромко хмыкнул...

Он говорил достаточно тихо, рассчитывая, что его услышат только свои.

— Черт... — протянул он с кривой ухмылкой, скользнув по мне оценивающим взглядом.

— А художница-то ничего.

Несколько игроков коротко усмехнулись.

Парень продолжил уже тише:

— Может, и позировать не придется. Вдруг после занятия сама номер попросит.

Джейсон закатил глаза.

— Господи...

Но договорить он не успел. Маттео остановился. Даже не оборачиваясь полностью. Просто повернул голову через плечо.

— Закрой рот, потому что если его тебе придется закрыть мне, тебе это явно не понравится, — спокойно произнес он.

Без злости. Без крика. Совершенно ровным голосом. В мастерской вдруг стало заметно тише.

Парень удивленно моргнул.

— Да я же просто...

— Я слышал, — перебил его Маттео все тем же спокойным тоном. Он смотрел на товарища всего несколько секунд, но этого оказалось достаточно. — Этого достаточно.

Николас, стоявший рядом, молча перевел взгляд с одного на другого.

Потом спокойно добавил:

— Не начинай.

Всего два слова.

Но произнесены они были так, будто подобные ситуации случались уже не впервые.

Парень шумно выдохнул.

— Ладно... понял.

Он поднял руки в примирительном жесте и отвернулся. Маттео больше ничего не сказал. Просто продолжил идти ко мне.

Маттео

Я спокойно занял место на высоком табурете напротив мольберта, поставил спортивную сумку рядом с ножкой и машинально переплел пальцы. Остальных парней ассистент уже увел в соседнюю мастерскую. Джейсон, разумеется, успел разговориться с каким-то студентом еще до того, как вышел из аудитории, и теперь его голос доносился даже из коридора. Николас, проходя мимо, лишь коротко посмотрел на меня.

— Удачи, — негромко произнес он своим привычно спокойным голосом.

Я вопросительно поднял на него взгляд.

— В чем именно? — так же тихо спросил я.

Николас едва заметно пожал плечами. На его лице не появилось ни улыбки, ни намека на шутку — только привычное спокойствие.

— Пока не знаю, — ответил он после короткой паузы. — Но почему-то мне кажется, что понадобится.

Я только покачал головой.

Иногда Николас говорил вещи, смысл которых становился понятен только спустя несколько часов. А иногда — спустя несколько недель.

Дверь за ним тихо закрылась, и мастерская неожиданно стала совсем другой. Еще несколько минут назад здесь звучал смех, перебивали друг друга голоса, Джейсон спорил с профессором, парень по имени Лео драматично жаловался на судьбу, а теперь остались только негромкий скрип карандашей по бумаге, тихий звон стеклянных баночек с кистями и шелест переворачиваемых листов. Казалось, сама атмосфера изменилась. Стала спокойнее. Сосредоточеннее.

Я перевел взгляд на девушку напротив. Она уже полностью погрузилась в работу.

Она продолжала спокойно готовить краски, будто вокруг больше никого не существовало. Проверила палитру, добавила немного воды в одну из баночек, отложила несколько кистей в сторону и снова машинально поправила длинный рукав свитера, почти полностью закрывая запястье. Через несколько секунд движение повторилось. Потом еще раз. Слишком естественно, чтобы быть случайностью. Такие вещи человек перестает замечать очень быстро. Они становятся привычкой. А привычки редко появляются просто так. Я невольно поймал себя на мысли, что уже несколько минут наблюдаю не за тем, как она готовится к работе, а за этими едва заметными движениями. Словно пытался понять то, чего она сама предпочитала никому не показывать.

Не меньше удивляло и другое. За все время, что мы находились в одной аудитории, она не улыбнулась ни разу. Не потому, что старалась выглядеть серьезной или хотела произвести впечатление. Нет. Это выглядело так, будто улыбка вообще не входила в число привычных эмоций. Джейсон успел устроить настоящее представление, заставив смеяться половину мастерской. Потом профессор неожиданно начал ему подыгрывать, и даже самые молчаливые студенты не смогли сдержать улыбок. Парень по имени Лео вообще выглядел так, словно вот-вот упадет со стула от смеха. А она... оставалась абсолютно спокойной. Словно весь этот шум проходил где-то далеко за ее спиной и совершенно ее не касался. Ни раздражения. Ни веселья. Ни попытки сделать вид, что ей смешно. Будто она давно привыкла наблюдать за людьми со стороны, не позволяя себе становиться частью происходящего.

Наверное, именно тогда я впервые осознал, что все реже смотрю на мастерскую и все чаще — на нее. Не специально. Просто взгляд сам собой возвращался. Я пытался понять, почему человек, которого вижу всего второй раз в жизни, кажется настолько... непонятным. Почему хочется разгадать ее так же, как сложную комбинацию на льду или соперника, который постоянно меняет тактику. Обычно люди считываются быстро. Достаточно нескольких минут разговора, пары жестов, взгляда. Здесь все было иначе. Чем дольше я наблюдал, тем меньше понимал.

В какой-то момент она наконец подняла голову, и наши взгляды встретились. Вчера в коридоре у меня просто не было возможности рассмотреть ее. Тогда я запомнил лишь темные волосы, резкое движение, с которым она выдернула руку, и выражение лица человека, привыкшего никому не доверять. Сейчас времени было гораздо больше. Ее глаза оказались светлыми, но определить их цвет оказалось неожиданно сложно. Они менялись буквально каждую секунду. В холодном утреннем свете из больших окон казались почти серебристыми, а стоило ей чуть повернуть голову, как в них появлялся спокойный серо-голубой оттенок. Но дело было вовсе не в цвете.

Меня зацепило совсем другое.

Они совершенно не соответствовали ее возрасту.

Так не смотрят двадцатилетние девушки. В этом взгляде не было ни любопытства, ни смущения, ни желаний понравиться. Он был слишком спокойным. Слишком внимательным. Слишком настороженным. Так смотрят люди, которые привыкли сначала оценивать опасность и только потом делать шаг вперед. На одно короткое мгновение мне даже показалось, что не я изучаю ее, а она совершенно так же внимательно изучает меня. И почему-то именно эта мысль заставила меня первым отвести взгляд.

Странно.

Я приехал сюда, потому что тренер попросил несколько часов спокойно посидеть перед мольбертом. Обычная университетская обязанность, которую хотелось поскорее закончить и забыть. Но вместо этого я уже несколько минут думал не о тренировке, не о вечерней встрече с отцом и даже не о вчерашней перестрелке. Все мои мысли почему-то снова и снова возвращались к девушке, сидевшей напротив. К ее странному спокойствию. К привычке постоянно прятать запястье под длинным рукавом. И к глазам, от которых почему-то оказалось гораздо сложнее отвести взгляд, чем мне хотелось бы.

В какой-то момент тишина перестала казаться естественной. Не тяжелой, не неловкой — просто слишком заметной. В мастерской продолжали тихо переговариваться студенты, где-то скрипел карандаш, кто-то негромко двигал мольберт, но между нами словно возник отдельный, совершенно изолированный остров тишины. Она уже успела сделать несколько первых линий на холсте, не поднимая головы и полностью сосредоточившись на работе. Казалось, мое присутствие вообще никак не влияло на нее. Будто перед ней сидел не живой человек, а самый обычный натюрморт.

Я несколько секунд наблюдал за тем, как уверенно двигается ее карандаш. Ни одного лишнего движения. Ни одного сомнения. Только потом решил нарушить молчание.

— Мы вчера столкнулись, — спокойно произнес я, слегка меняя положение на табурете. Голос прозвучал ровно, без улыбки и без попытки превратить это в повод для знакомства. Скорее как простое напоминание о событии, которое произошло меньше суток назад.

Она не отреагировала сразу.

Продолжила проводить по бумаге тонкую линию, затем едва заметно наклонила голову, словно сравнивала рисунок с тем, что видела перед собой. Лишь спустя несколько секунд коротко ответила:

— Помню, — тихо произнесла она, не отрывая взгляда от холста. Голос оказался спокойным и удивительно ровным. Таким, по которому невозможно понять, раздражена она, равнодушна или просто устала.

Я невольно кивнул.

Почему-то именно такого ответа и ожидал.

Несколько секунд снова прошли в тишине. Я уже собирался оставить эту тему, но воспоминание о вчерашнем вечере почему-то не отпускало. Перед глазами снова возникло то резкое движение, с которым она буквально выдернула руку из моей ладони. Не грубо. Не испуганно. Скорее... инстинктивно. Так человек отдергивает руку от раскаленного металла, даже не успев подумать.

— Тогда ты очень быстро ушла, — произнес я уже тише, внимательно наблюдая за ее лицом. Это не было обвинением. Мне действительно было любопытно. — Я даже не успел спросить, все ли в порядке.

Карандаш остановился. Не сразу. Сначала он замедлился. Потом окончательно замер над холстом.

Она молчала еще несколько секунд, после чего медленно подняла голову. Наши взгляды снова встретились. И впервые за все это время я увидел на ее лице хоть какую-то эмоцию. Не раздражение. Не злость. Не смущение. Настороженность.

Настолько привычную, будто она возникала всякий раз, когда кто-то задавал вопрос, выходящий за рамки обычной вежливости.

Она смотрела прямо на меня, словно пыталась понять, зачем я вообще завел этот разговор. Не искала подвоха. Не боялась. Скорее оценивала, насколько далеко я собираюсь зайти.

— Все было в порядке, — наконец спокойно ответила она, выдержав мой взгляд. Голос не изменился ни на полтона. — Просто я торопилась.

Ответ прозвучал слишком быстро. Слишком готово. Будто она произносила его уже не в первый раз. Я не поверил. Не потому, что она плохо врала. Наоборот. Потому что такие ответы обычно появляются только у людей, которым слишком часто приходится что-то объяснять.

— Правда? — спокойно спросил я, не сводя с нее взгляда. Не пытаюсь поймать на лжи, а просто проверяя собственное ощущение.

Она выдержала небольшую паузу.

Потом так же спокойно пожала плечами.

— А ты всегда допрашиваешь незнакомых девушек? — спросила она ровным голосом, впервые переводя разговор на меня. Вопрос прозвучал не язвительно и не резко. Скорее как попытка аккуратно поставить между нами границу.

Я неожиданно понял, что улыбаюсь краем губ.

Совсем немного.

— Нет, — честно ответил я. — Только тех, которые шарахаются от меня так, будто я сделал что-то плохое.

Она ничего не сказала. Лишь снова опустила взгляд на холст.

Но прежде чем карандаш коснулся бумаги, я заметил еще одну деталь.

Ее пальцы снова машинально натянули длинный рукав свитера, полностью скрывая запястье. Будто она только сейчас вспомнила, что оно осталось открытым.

Время пролетело почти незаметно. За высокими окнами мастерской солнце поднялось выше, и холодный утренний свет постепенно стал мягче, разливаясь по полу широкими золотистыми полосами. Где-то в соседней аудитории негромко засмеялись студенты, потом снова послышался приглушенный голос преподавателя, за стеной кто-то уронил металлическую банку с кистями, но все эти звуки будто существовали где-то очень далеко. Здесь, между мной и девушкой напротив, снова установилась почти полная тишина. За последние сорок минут она произнесла не больше десятка фраз, и каждая из них касалась исключительно работы. Чуть повернуть голову. Не менять положение плеч. Посмотреть немного левее. Никаких лишних слов, никаких попыток поддержать разговор. Казалось, стоило ей взять в руки карандаш, как весь остальной мир переставал существовать.

Работала она так же, как двигалась с самого утра, — спокойно, уверенно и удивительно точно. Иногда отходила от мольберта на шаг назад, прищурившись оценивала пропорции, затем снова подходила ближе, несколькими уверенными движениями исправляла рисунок, стирала едва заметную линию, добавляла новую и снова машинально натягивала длинный рукав свитера почти до самых пальцев. Это движение повторялось снова и снова. Настолько естественно, будто она делала его всю жизнь. Настолько привычно, что, кажется, сама давно перестала его замечать. Я поймал себя на том, что уже не первый раз слежу именно за этой мелочью. Не за карандашом. Не за рисунком. За ее рукой.

Наверное, слишком долго.

Потому что в какой-то момент она вдруг подняла голову. Ее взгляд спокойно встретился с моим, а между темными бровями появилась едва заметная складка. Не раздражение. Скорее вопрос. Она сразу поняла, что последние несколько секунд я смотрел вовсе не на холст.

— Что? — спокойно спросила она, продолжая держать карандаш над бумагой. Голос прозвучал тихо и ровно, без вызова, но в нем ясно слышалось предупреждение. Ей не нравилось быть объектом чужого внимания.

Я несколько секунд молчал, обдумывая, стоит ли вообще говорить то, что пришло в голову. Любопытство всегда было моей плохой привычкой, но сейчас оно почему-то оказалось сильнее здравого смысла.

— Ты всегда поправляешь рукав, когда нервничаешь? — наконец спросил я спокойным голосом, не сводя с нее взгляда. Вопрос прозвучал скорее как наблюдение, чем как попытка залезть в душу.

Карандаш сразу остановился.

Она очень медленно подняла голову, несколько секунд просто смотрела на меня, словно пыталась понять, серьезно я сейчас или нет. На лице почти ничего не изменилось, но взгляд стал заметно холоднее.

— А ты всегда так внимательно рассматриваешь незнакомых людей? — спросила она тем же ровным голосом. Ни раздражения, ни повышенного тона. Только легкая колючесть, которой оказалось достаточно, чтобы почувствовать: я подошел слишком близко.

Я едва заметно пожал плечами.

— Иногда, — спокойно ответил я, не пытаясь оправдываться.

Она продолжала смотреть мне прямо в глаза.

— И часто задаешь им настолько странные вопросы? — уточнила она все так же невозмутимо, слегка склонив голову набок. Казалось, она уже не столько злилась, сколько пыталась понять, что за человек сидит перед ней.

— Только если замечаю что-то необычное, — честно сказал я.

Несколько секунд она молчала. Потом едва заметно прищурилась.

— Смелое заявление, — произнесла она сухо, снова переводя взгляд на рисунок.

— Это не заявление, — спокойно возразил я, наблюдая, как карандаш вновь касается бумаги. — Просто наблюдение.

Она сделала еще несколько уверенных штрихов, не отвечая сразу. Потом негромко выдохнула и, даже не поднимая головы, произнесла:

— Художник сейчас ты или я? — Голос ее оставался совершенно спокойным, но теперь в нем отчетливо слышалась ирония.

Я невольно опустил взгляд на собственные руки.

— Сегодня — ты.

— Тогда наблюдай молча, — так же ровно ответила она, слегка нахмурившись, словно разговор действительно мешал ей работать.

Я только коротко кивнул.

Несколько минут мы снова провели в тишине. Она рисовала, почти не отвлекаясь, а я смотрел в большое окно за ее спиной, пытаясь убедить себя, что тема закрыта. Но стоило вспомнить вчерашний вечер, как мысли сами возвращались к одному и тому же. Коридор. Столкновение. Ее резкое движение. Запястье, которое она продолжала прятать даже сейчас. Слишком много совпадений, чтобы считать их случайностью.

— Можно еще один вопрос? — спокойно спросил я спустя несколько минут, заранее понимая, что, скорее всего, снова услышу отказ.

Она тяжело выдохнула, медленно закрыла глаза на секунду и только потом покачала головой.

— Ты ведь все равно его задашь, — тихо произнесла она с едва заметкой усталостью в голосе. Казалось, спорить ей было просто лень.

— Наверное, — честно признался я.

Она наконец подняла голову. На этот раз между бровями появилась уже не легкая складка, а вполне заметная хмурость. Не злость. Скорее раздражение человека, которого настойчиво пытаются заставить говорить о том, о чем он говорить совершенно не хочет.

Я выдержал небольшую паузу.

Не потому, что сомневался.

Потому что понимал: следующий вопрос ей не понравится.

— Ты всегда так реагируешь, когда к тебе прикасаются? — спокойно спросил я, стараясь, чтобы голос звучал максимально мягко.

На этот раз карандаш действительно замер.

Она очень медленно положила его на край палитры, выпрямилась и посмотрела на меня так внимательно, что на мгновение показалось — теперь уже изучают меня.

— А ты, — ровно произнесла она, слегка нахмурившись и не отводя взгляда, — всегда позволяешь себе лезть в чужую жизнь после одной случайной встречи?

Я промолчал.

Не потому, что не нашел ответа.

Потому что любой ответ сейчас прозвучал бы одинаково глупо.

Она выдержала еще несколько секунд тишины, после чего чуть склонила голову и уже с откровенной язвительностью добавила:

— Или это обязательный предмет на вашем факультете? — тихо спросила она, и уголок ее губ едва заметно дернулся не в улыбке, а скорее в насмешке. — «Основы бестактности для капитанов хоккейной команды».

Странно.

В ее словах было достаточно колкости, чтобы поставить на место почти любого. Но я почему-то услышал совсем другое. Не раздражение. Не злость. Защиту. Очень крепкую. Такую, которую человек строит не за один день.

И именно в этот момент я окончательно понял, что вчерашнее столкновение в коридоре вовсе не было случайной реакцией испуганной девушки.

Она действительно боялась прикосновений.

Глава 5

Арианна

— На сегодня достаточно, — спокойно произнес профессор Харрис, отходя на несколько шагов от моего мольберта. Он внимательно посмотрел сначала на рисунок, потом на Маттео и удовлетворенно кивнул. — Очень неплохое начало. Сделаем небольшой перерыв минут на пятнадцать. За это время ассистент поменяет освещение, а вы, Арианна, успеете подготовить новый холст. Не забывайте, это только первый этап. Пока меня интересует не сходство, а ощущение человека.

Я коротко кивнула.

— Хорошо, профессор, — спокойно ответила я, откладывая карандаш на край стола.

Харрис еще раз окинул взглядом мастерскую, где остальные студенты уже заканчивали свои быстрые наброски, после чего несколько раз негромко хлопнул в ладони, привлекая внимание аудитории.

— Господа, на сегодня первая часть закончена, — произнес он все тем же ровным голосом, привычно сцепив руки за спиной. — Сделайте небольшой перерыв. Разомнитесь, выпейте воды, но далеко не уходите. Через пятнадцать минут продолжим. Тем, кто закончил быстрее остальных, советую еще раз внимательно посмотреть на свои работы. Иногда самые заметные ошибки становятся видны именно после короткого отдыха.

По мастерской почти сразу прокатился облегченный гул. Кто-то с удовольствием потянулся, разминая затекшую спину, несколько студентов отправились за кофе, кто-то сразу начал показывать соседям свои наброски, обсуждая удачные и не очень моменты. В помещении снова стало шумно, но этот шум уже был совсем другим — спокойным, рабочим, наполненным разговорами о композиции, свете и пропорциях.

Лео, как и следовало ожидать, оказался самым громким.

Он буквально подлетел к Джейсону, который только успел подняться с табурета, и без всякого стеснения принялся рассматривать его портрет.

— Нет, — трагично произнес Лео, качая головой так, словно только что пережил личную драму. Он держал рисунок двумя пальцами и смотрел на него с искренним разочарованием. — Это совершенно не передает вашу внутреннюю красоту.

Джейсон рассмеялся.

— Слушай, — весело ответил он, забирая лист обратно. Он говорил с широкой улыбкой, явно получая удовольствие от происходящего. — Если продолжишь делать мне такие комплименты, я начну переживать.

— Поздно, — серьезно возразил Лео, театрально прижав ладонь к груди. — Я уже переживаю. Меня заставили рисовать тебя всего сорок минут. За это время невозможно раскрыть масштаб личности такого выдающегося человека.

— Наконец-то хоть кто-то это понял.

— Не перебивай. Я еще не закончил.

Джейсон поднял руки в примирительном жесте.

— Прошу прощения.

— Так вот, — продолжил Лео с видом человека, читающего научный доклад. — Я убежден, что университет обязан организовать дополнительный курс исключительно ради тебя. Минимум десять занятий.

— Очень поддерживаю эту инициативу, — с самым серьезным выражением лица согласился Джейсон.

— А я нет, — невозмутимо вмешался Николас, проходя мимо с бутылкой воды в руке. Он говорил привычно спокойно, даже не сбавляя шага. — Мы тогда вообще до конца семестра не дождемся его обратно на тренировках.

Несколько игроков тихо рассмеялись.

Даже Лео рассмеялся.

Я почти не слушала их разговор.

Медленно сняла лист с мольберта, положила его на стол и достала новый холст. Привычными движениями закрепила его на подрамнике, снова расставила кисти, проверила палитру, машинально долила чистой воды в стеклянную банку и вытерла руки о старое хлопковое полотенце.

Работа всегда помогала привести мысли в порядок.

Но сегодня почему-то не получалось.

Я поймала себя на том, что уже второй раз невольно ищу взглядом одного человека. Странно. Обычно после окончания сеанса модели сразу уходили разговаривать друг с другом. Кто-то доставал телефон, кто-то шутил, кто-то начинал рассматривать рисунки студентов, будто пытался найти себя среди десятков набросков.

Маттео не сделал ничего из этого. Он стоял у большого окна в дальнем конце мастерской, слегка облокотившись плечом о подоконник, и спокойно пил воду из пластиковой бутылки. Не вмешивался в разговор Джейсона с Лео, не смеялся вместе с остальными, не пытался привлечь к себе внимание. Его взгляд был направлен куда-то во двор университета, где по дорожкам торопливо проходили студенты.

Казалось, шум вокруг его совершенно не беспокоил. Я несколько секунд молча наблюдала за ним. Потом почти сразу отвернулась.

Нормальный человек после моих ответов давно бы перестал разговаривать со мной. После того, как я довольно ясно дала понять, что не собираюсь обсуждать свою жизнь, большинство людей делали именно это.

Обиделись бы. Решили бы, что я грубиянка. Или, что еще хуже, начали бы доказывать, что "просто хотят помочь".

Он не сделал ничего. Не обиделся. Не начал спорить. Не стал изображать психолога. Просто... остался. И почему-то именно это начинало раздражать меня сильнее всего.

Я уже собиралась вернуться к работе, когда краем глаза заметила движение.

Маттео отошел от окна, закрутил крышку бутылки с водой и неторопливо направился в мою сторону. Без спешки. Без той самоуверенной походки, с которой обычно подходят парни, заранее уверенные, что сейчас сумеют произвести впечатление. Он остановился примерно в полутора метрах от моего стола, не пытаясь сократить расстояние еще сильнее.

Большинство людей почти всегда подходят ближе, чем нужно.

Особенно если хотят заговорить. Он — нет. Будто заранее чувствовал, что лишний шаг заставит меня отступить. Я невольно отметила это. И почему-то именно эта мелочь показалась важнее всего остального.

Несколько секунд он просто стоял молча, словно давая мне возможность самой решить, хочу ли я продолжать разговор. Не смотрел слишком пристально, не пытался поймать мой взгляд, не изображал неловкость. Просто спокойно ждал. Это тоже было непривычно.

Я закрыла коробку с карандашами и наконец посмотрела на него.

— Что-то случилось? — спокойно спросила я, чуть склонив голову набок. Голос прозвучал ровно, без раздражения, но достаточно холодно, чтобы дать понять: долгие разговоры в мои планы не входят.

Маттео едва заметно покачал головой.

— Нет, — так же спокойно ответил он, выдержав короткую паузу. Голос его звучал тихо и уверенно, без привычной для многих неловкости. — Можно задать вопрос?

Я мысленно усмехнулась.

Конечно.

Еще один вопрос.

Кажется, сегодняшний день решил окончательно проверить мое терпение.

Я несколько секунд молча смотрела на него, будто всерьез размышляла, стоит ли вообще отвечать. Потом медленно скрестила руки на груди.

— Ты ведь все равно его задашь, — снова произнесла я, не сводя с него взгляда. Это был не вопрос. Скорее констатация.

На его лице почти ничего не изменилось. Он по-прежнему стоял спокойно, не сокращая расстояния между нами и не пытаясь нарушить ту невидимую границу, которую я успела выстроить буквально вокруг себя. Только в уголках его губ появилась почти незаметная улыбка — не насмешливая, не самоуверенная, а удивительно спокойная. Она была настолько легкой, что исчезла бы, стоило мне моргнуть. Но сильнее всего меня почему-то зацепили глаза. В них мелькнули теплые смешинки, словно мой ответ его не раздражал, а, наоборот, подтверждал какую-то собственную догадку.

— Наверное, — спокойно ответил Маттео, едва заметно кивнув. Голос его прозвучал тихо и мягко, без капли упрямства или желания настоять на своем. Казалось, он вообще не умел говорить с нажимом. Просто честно соглашался с тем, что мы оба уже понимали.

Я коротко выдохнула и опустила взгляд на лежащий передо мной холст. Было бессмысленно делать вид, что разговор закончится сам собой. Он действительно все равно задаст свой вопрос. И, что раздражало сильнее всего, почему-то совсем не хотелось оборвать его привычным холодным замечанием.

— Тогда спрашивай, — спокойно повторила я вновь, снова поднимая на него взгляд. Голос прозвучал ровно, почти без эмоций, хотя внутри уже появилось знакомое чувство насто-роженности. Обычно после этой фразы следовали совершенно предсказуемые вопросы, на которые у меня давно были готовы такие же предсказуемые ответы.

Маттео, вопреки ожиданиям, не заговорил сразу. Он несколько секунд молчал, будто действительно обдумывал, стоит ли вообще задавать то, что пришло ему в голову. Его взгляд не бегал по сторонам, не цеплялся за мои руки или рисунок. Он просто спокойно смотрел на меня, а потом едва заметно улыбнулся снова — так, словно заранее понимал, что мой ответ может ему не понравиться.

— Почему ты рисуешь? — наконец негромко спросил Маттео. Вопрос прозвучал удивительно просто. Без пафоса. Без желания произвести впечатление. Будто ему действительно было интересно услышать именно мой ответ, а не поддержать разговор ради вежливости.

Я застыла.

Наверное, впервые за весь сегодняшний день.

На несколько секунд мастерская словно исчезла. Голоса студентов смешались в один далекий гул, смех Лео, доносившийся из другого конца аудитории, перестал иметь какое-либо значение, а солнечный свет, падавший через высокие окна, будто замер вместе со временем. Я смотрела на человека напротив и неожиданно понимала, что совершенно не готова ответить на этот, казалось бы, самый простой вопрос.

Я ждала чего угодно. Почему именно портреты. Почему факультет искусств. Как давно я рисую. Кто мой любимый художник. Даже очередного вопроса о вчерашнем столкновении в коридоре. Но не этого.

Не вопроса, который почему-то оказался намного сложнее всех остальных.

Я вдруг поймала себя на странной мысли: я действительно не знаю ответа. Не потому, что его не существовало. Наоборот. Он был. Где-то очень глубоко. Просто никто никогда не спрашивал меня именно так. Людей всегда интересовала техника, любимые материалы, стиль, вдохновение, выставки, композиция, свет, перспектива. Они спрашивали, почему я выбрала

портреты вместо пейзажей, почему работаю карандашом, а не маслом, почему предпочитаю холодные оттенки теплым. Но никому и в голову не приходило спросить самое простое.

Почему ты вообще рисуешь?

Я продолжала молчать.

Наверное, слишком долго.

Любой другой человек уже начал бы неловко смеяться, извиняться за странный вопрос или поспешил бы перевести разговор на что-нибудь более безопасное. Маттео не сделал ничего из этого. Он спокойно стоял напротив, все так же соблюдая расстояние, не торопил меня, не повторял вопрос и даже не пытался заполнить повисшую между нами тишину. Он просто ждал. Терпеливо. Спокойно. С той самой легкой улыбкой в уголках губ и едва заметными смешинками в глазах, которые почему-то совсем не раздражали.

И именно это оказалось самым сложным. Потому что впервые за долгое время рядом оказался человек, который не требовал ответа. Он был готов его дождаться.

Я наконец отвела взгляд в сторону и медленно выдохнула. Тишина затянулась настолько, что продолжать молчать стало почти глупо. Нужно было сказать хоть что-нибудь. Любой ответ. Самый простой. Самый безопасный. Такой, после которого он поймет, что разговор окончен.

— Потому что умею, — спокойно произнесла я, пожав плечами так, словно ответ был совершенно очевиден. Голос прозвучал ровно, почти безразлично. Именно так я обычно отвечала людям, когда не хотела впускать их дальше поверхностного разговора.

Маттео не ответил сразу.

Несколько секунд он просто смотрел на меня с тем же спокойным выражением лица, а потом едва заметно покачал головой. На губах снова появилась легкая улыбка, а в глазах мелькнули те самые смешинки, которые почему-то совершенно не были похожи на насмешку.

— Нет, — тихо произнес он, спокойно встречая мой взгляд.

Я невольно нахмурилась.

— Что значит "нет"? — спросила я уже заметно холоднее. Голос стал жестче, хотя раздражение было вызвано вовсе не его словами. Меня неожиданно задело то, с какой уверенностью он только что отверг мой ответ.

Маттео не изменился в лице. Он не начал спорить. Не улыбнулся шире.

Лишь слегка наклонил голову, словно действительно подбирал нужные слова.

— Это ответ человека, который не хочет отвечать, — спокойно сказал он, не сводя с меня взгляда. В его голосе не было ни обвинения, ни желания поймать меня на лжи. Он говорил так, будто озвучивал очевидный факт.

Я открыла рот, собираясь возразить.

И неожиданно поняла, что не знаю, что именно сказать.

Наверное, впервые за очень долгое время.

Обычно люди либо обижались на мои короткие ответы, либо начинали доказывать, что имеют право знать больше. Он не делал ни того, ни другого. Просто видел разницу между ответом и попыткой закончить разговор.

Это раздражало. И одновременно... вызывало странное любопытство.

Я медленно скрестила руки на груди, продолжая смотреть на него.

— Ты всегда всех анализируешь? — спокойно спросила я, слегка приподняв бровь. Вопрос прозвучал почти равнодушно, но внутри мне действительно стало интересно.

Маттео тихо усмехнулся. Не громко. Скорее выдохнул с улыбкой.

— Иногда, — честно ответил он, пожав плечами. — Когда человек сам дает для этого слишком много материала.

Я закатила глаза.

— Утомительно, — сухо произнесла я, отводя взгляд к окну.

— Зато интересно, — так же спокойно ответил Маттео. В его голосе не было ни капли самодовольства. Казалось, он говорил это не для того, чтобы оставить последнее слово за собой, а потому что действительно так считал.

Я снова посмотрела на него.

— Меня анализировать не надо, — ровно сказала я, чуть сильнее сжимая ладони.

Он улыбнулся уголком губ. Совсем немного.

— Уже поздно, — спокойно ответил Маттео.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Я сама не понимала, почему продолжаю этот разговор. Любой другой на его месте уже давно услышал бы что-нибудь вроде: «*Это не ваше дело*» или «*Вернитесь к своей команде*». Но он почему-то совершенно не раздражал.

Скорее... Сбивал с привычного ритма.

— Самоуверенно, — наконец произнесла я, чуть склонив голову набок. На этот раз голос прозвучал спокойнее. Почти без прежней колкости.

Маттео едва заметно улыбнулся.

— Возможно, — так же спокойно согласился он, даже не пытаясь спорить. — Но пока что я почти не ошибался.

— Правда? — тихо спросила я, внимательно наблюдая за ним. — И что же ты успел понять обо мне за сорок минут?

Он не ответил сразу. Улыбка медленно исчезла с его лица. Впервые за весь разговор он действительно задумался. Не над красивой фразой. Над ответом.

Улыбка медленно исчезла с его лица, уступив место той самой спокойной сосредоточенности, с которой он, наверное, выходил на лед перед важным матчем. Он несколько секунд смотрел куда-то мимо меня, будто мысленно перебирал десятки вариантов ответа, а потом снова встретился со мной взглядом.

— Немного, — честно произнес Маттео, спокойно пожав плечами. Голос его звучал все так же ровно. — И большая часть из этого может оказаться полной ерундой.

Я удивленно приподняла бровь. Не такого ответа я ожидала. Большинство людей в подобной ситуации начали бы с уверенным видом рассказывать, что "сразу все поняли". Он же первым признал, что вполне может ошибаться.

Странно. Очень странно.

— Например? — спокойно спросила я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал равнодушно.

Маттео ненадолго задумался.

— Например, — медленно начал он, слегка переплетая пальцы. — Мне кажется, ты не любишь, когда тебя жалеют.

Я ничего не ответила. Он попал. И именно поэтому я не собиралась этого показывать.

Маттео внимательно посмотрел на меня, словно пытаясь понять, стоит ли продолжать. Потом все же продолжил:

— Еще мне кажется, что ты очень не любишь, когда кто-то начинает задавать вопросы о тебе.

— Это ты уже заметил, — сухо ответила я, наконец нарушив молчание. Голос прозвучал спокойно, но чуть холоднее прежнего.

Он едва заметно улыбнулся.

— Да.

— И все?

— Нет.

Он снова выдержал короткую паузу.

— Но дальше я, скорее всего, начну ошибаться.

Я невольно нахмурилась.

— Почему?

— Потому что дальше придется додумывать.

Он произнес это настолько спокойно, что я на секунду растерялась.

— А ты не любишь додумывать? — спросила я уже с неподдельным любопытством.

Маттео покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что однажды можно придумать человека вместо того, чтобы узнать настоящего.

На этот раз замолчала уже я. Эти слова неожиданно зацепили сильнее, чем все предыдущие. Я слишком хорошо знала, каково это, когда люди сначала придумывают тебя, а потом начинают общаться именно с этой выдуманной версией.

— Значит, сейчас ты меня не анализируешь? — наконец спросила я, чуть прищурившись.

Он тихо рассмеялся. Не громко. Скорее улыбнулся самому вопросу.

— Анализирую, — честно признался Маттео, глядя мне прямо в глаза. В его взгляде снова появились те самые смешинки. — Просто стараюсь делать это без фантазии.

Я закатила глаза.

— Какая благородная миссия.

— Стараюсь.

— Самоуверенно, — спокойно произнесла я, чуть приподняв бровь. Голос прозвучал ровно, но колкость в нем уже не была такой острой, как в начале разговора.

Маттео едва заметно улыбнулся. В уголках его губ появилась легкая улыбка, а в темных глазах снова мелькнули теплые смешинки, словно мой выпад его скорее забавлял, чем задевал.

— Самоуверенно, — спокойно произнесла я, чуть приподняв бровь. Голос прозвучал ровно, но колкость в нем уже не была такой острой, как в начале разговора.

Маттео едва заметно улыбнулся. В уголках его губ появилась легкая улыбка, а в темных глазах снова мелькнули теплые смешинки, словно мой выпад его скорее забавлял, чем задевал.

— Возможно, — наконец негромко ответил он, слегка пожав плечами. Голос прозвучал так спокойно, будто он только что согласился с чем-то совершенно очевидным. — Но, знаешь... пока что ты оказалась самым интересным человеком, которого я встретил в этом университете.

Я недоверчиво посмотрела на него.

— За сорок минут? — спокойно спросила я, чуть приподняв бровь. В голосе все еще слышалась привычная колкость, но теперь она звучала скорее по инерции.

Маттео коротко кивнул.

— За сорок минут, — подтвердил он с той же легкой улыбкой. — Обычно мне хватает пяти, чтобы понять, каким будет разговор. С тобой не получилось.

И это тебя радует?

Он на секунду задумался.

— Скорее... любопытно, — честно признался Маттео, спокойно встречая мой взгляд. — Ты постоянно отвечаешь так, чтобы разговор закончился. А потом почему-то продолжаешь его сама.

Я уже открыла рот, собираясь возразить.

И неожиданно поняла, что он прав.

Это было настолько нелепо, что я сама не заметила, как уголок моих губ едва заметно дрогнул.

Совсем чуть-чуть. Почти незаметно. Не настоящая улыбка. Скорее ее тень.

Маттео замолчал на полуслове. Я увидела, как на мгновение изменилось выражение его лица. Будто он сам не ожидал этого.

Именно в этот момент с другого конца мастерской раздался слишком громкий голос.

— Ари! — во весь зал крикнул Лео, резко обернувшись в нашу сторону. В руках он держал стаканчик кофе и выглядел так, словно только что увидел настоящее чудо.

Я машинально повернула голову. Лео застыл. Потом широко распахнул глаза.

— Подождите... — почти шепотом произнес он, переводя растерянный взгляд с меня на Джейсона. Через секунду он уже говорил громче, не скрывая искреннего потрясения. — Она... она улыбается?!

В мастерской стало неожиданно тихо.

Разговоры оборвались почти одновременно.

Несколько студентов автоматически повернули головы в нашу сторону.

Даже профессор Харрис отвлекся от разговора с ассистентом.

Я почувствовала на себе десятки взглядов.

И в ту же секунду улыбка исчезла.

Будто ее никогда и не было.

Я медленно отвернулась, снова взяла в руки карандаш и опустила взгляд на холст. Лицо вновь стало таким же спокойным и непроницаемым, каким было всего минуту назад.

— Показалось, — ровно произнесла я, не поднимая головы. Голос звучал абсолютно безэмоционально, словно ничего особенного только что не произошло.

— Нет! — возмутился Лео, быстрым шагом подходя ближе. Он размахивал свободной рукой так эмоционально, что едва не расплескал кофе. — Джейсон, скажи ей! Ты тоже видел!

Джейсон негромко рассмеялся.

— Видел, — с улыбкой подтвердил он, переводя взгляд с меня на Маттео.

— Я же говорил! — торжествуя воскликнул Лео, победно ткнув пальцем в мою сторону. — Господи... я ждал этого почти два года!

Я тяжело выдохнула.

— Лео.

— Что?

— Замолчи.

— Не могу, — с самым серьезным видом ответил он, прижав ладонь к груди. — Это исторический момент. Его нужно задокументировать.

По мастерской снова прокатился смех. Только один человек не смеялся.

Маттео.

Он спокойно смотрел на меня и неожиданно понял одну простую вещь.

Лео не преувеличивал. Я действительно улыбалась настолько редко, что для людей вокруг это становилось событием.

Лео еще несколько секунд продолжал сокрушаться по поводу того, что ему так и не удалось насладиться историческим моментом, после чего картинно покачал головой и с обреченным видом отпил кофе.

— Нет, — трагично произнес он, обращаясь скорее к самому себе, чем к кому-либо еще. Голос его звучал так, будто рушился весь привычный порядок вещей. — Так нельзя. Если даже Ледышка начала улыбаться, значит, мир окончательно сошел с ума.

— Лео, — устало произнесла я, даже не поднимая головы от палитры. Голос прозвучал спокойно, но достаточно выразительно, чтобы он понял: еще одно слово — и в него полетит кисть.

— Что? — искренне удивился он, театрально разведя руками. — Я же любя.

— Попробуй любить молча.

— Это противоречит моей природе.

По мастерской снова прокатился тихий смех. Лео только довольно пожал плечами, словно именно такой реакции и добивался, после чего вместе с Джейсоном направился к столу с одноразовыми стаканчиками, продолжая что-то оживленно обсуждать.

Шум постепенно снова заполнил мастерскую. Кто-то спорил о композиции. Кто-то показывал преподавателю наброски. Кто-то уже возвращался к работе. Маттео не сдвинулся с места. Он проводил взглядом удаляющегося Лео, потом спокойно посмотрел на меня. В его глазах снова появилась та самая внимательность, к которой я уже начинала привыкать.

— Можно спросить еще кое-что? — негромко произнес он, слегка склонив голову набок. Голос звучал спокойно, без привычной для многих неловкости.

Я медленно подняла взгляд.

— Ты ведь все равно спросишь, — ровно ответила я.

На этот раз он действительно улыбнулся. Совсем немного. Не широкой улыбкой. Лишь уголками губ.

А в глазах снова мелькнули теплые смешинки.

— Похоже, ты уже начала меня понимать, — спокойно сказал Маттео.

— Не обольщайся.

— Даже не собирался.

Он выдержал короткую паузу, после чего наконец задал вопрос:

— Почему тебя называют Ледышкой? — спокойно спросил он, не сводя с меня взгляда.

В его голосе не было насмешки или праздного любопытства. Скорее желание понять то, чего не понимали остальные.

Я молча смотрела на него несколько секунд.

Потом снова перевела взгляд на палитру. Ответ пришел сам собой. Слишком привычный. Слишком давно заученный.

— Потому что людям проще придумать человеку прозвище, чем попытаться его понять, — спокойно произнесла я, аккуратно смешивая краски на палитре. Голос звучал ровно, словно речь шла вовсе не обо мне.

Маттео не ответил сразу. Он несколько секунд наблюдал за тем, как кисть медленно размешивает серую краску с белилами, будто обдумывал услышанное.

Потом негромко спросил:

— А настоящее объяснение? — Голос его стал тише прежнего. Не настойчивее. Наоборот. Будто он заранее понимал, что может не получить ответа.

Я медленно подняла голову. Наши взгляды встретились. В мастерской снова стало удивительно тихо. Наверное, потому что в этот момент для меня перестали существовать и Лео, и Джейсон, и профессор Харрис, обсуждавший что-то с ассистентом. Несколько секунд я просто смотрела ему в глаза.

Потом спокойно ответила:

— Это и было настоящее объяснение.

Он не отвел взгляд. Не стал спорить. Не сказал, что "не верит". Лишь едва заметно кивнул, словно принял мои слова такими, какими они были.

— Хорошо, — тихо произнес Маттео. Голос его прозвучал удивительно мягко. — Тогда я придумаю тебе другое прозвище.

Я нахмурилась.

— Зачем?

На его лице снова появилась едва заметная улыбка.

— Потому что это... несправедливое.

И почему-то именно после этих слов мне впервые за долгое время стало страшно. Не потому, что он задал слишком много вопросов. А потому, что, кажется, впервые кто-то решил узнать меня раньше, чем придумать.

Профессор Харрис еще раз медленно прошелся между мольбертами, останавливаясь возле нескольких работ. Он внимательно рассматривал наброски, иногда делал короткие заме-

чания, что-то советовал, где-то просил смелее работать со светом. Несколько студентов тут же начинали что-то исправлять, хотя занятие уже подходило к концу.

Наконец профессор посмотрел на часы.

— На сегодня достаточно, — спокойно произнес Харрис, привычно сцепив руки за спиной. Голос его легко перекрыл шум мастерской. — Для первого сеанса результат более чем достойный. Не перегружайте себя. Через неделю продолжим с того места, на котором остановились. А сейчас можете быть свободны.

По аудитории сразу прокатился привычный гул. Кто-то облегченно выдохнул. Кто-то принялся фотографировать свои наброски. Студенты начали складывать карандаши, закрывать коробки с красками и снимать листы с мольбертов. Хоккеисты тоже постепенно поднимались со своих мест. Джейсон уже что-то громко рассказывал Лео, размахивая руками так эмоционально, что тот смеялся почти без остановки. Николас спокойно помогал одному из игроков переставить стул к стене, а остальные неторопливо двигались к выходу. Я молча собирала кисти. Аккуратно вытирала каждую салфеткой. Закрывала баночки с краской. Работа всегда заканчивалась одинаково. И это нравилось мне гораздо больше разговоров. Краем глаза я заметила движение.

Маттео поднялся со стула и несколько секунд просто стоял на месте, будто собирался уйти вслед за остальными хоккеистами. Потом неожиданно изменил направление и неторопливо направился ко мне. Шел так же спокойно, как разговаривал весь сегодняшний день: без лишней уверенности, без попытки сократить расстояние быстрее, чем это было необходимо. Между нами оставалось всего несколько шагов, когда я машинально почувствовала, как внутри все снова напряглось. Это произошло раньше, чем я успела подумать. Плечи стали жестче. Пальцы крепче сжали кисть. Я едва заметно отступила назад. Совсем немного. Буквально на полшага. Настолько мало, что большинство людей этого даже не заметили бы.

Маттео заметил. Я увидела это сразу. Он слегка прищурился, будто только что сложил в голове еще один кусочек какой-то незнакомой ему мозаики. Его взгляд на мгновение задержался на моем лице, потом опустился чуть ниже, словно он пытался понять, что именно заставило меня инстинктивно увеличить расстояние между нами.

Но вместо того чтобы сделать еще один шаг... Он остановился. И сам спокойно отступил назад. Ровно настолько, чтобы между нами снова осталось то же расстояние, что было во время всего разговора. Ни слова. Ни единого вопроса. Будто он хотел показать, что заметил мою реакцию... и принимает ее без объяснений.

Почему-то именно это окончательно сбило меня с толку. Любой другой человек наверняка спросил бы, что случилось. Или, наоборот, сделал бы вид, что ничего не произошло. Он не сделал ни того, ни другого. Просто молча вернул мне ощущение безопасности. Я впервые за сегодняшний день не знала, куда смотреть. Подняла взгляд. Он уже спокойно улыбался. Совсем чуть-чуть.

Так, словно предыдущих нескольких секунд вообще не было. В темных глазах снова появились едва заметные смешинки, но теперь в них читалось что-то еще. Понимание. Не объяснение. Именно понимание.

— До следующей недели... Янтарь, — негромко произнес Маттео, спокойно глядя мне в глаза. Голос его прозвучал так естественно, будто это прозвище существовало уже давно.

Я замерла. Несколько секунд просто смотрела на него.

— Что? — тихо спросила я, впервые за весь день действительно растерявшись.

Маттео слегка склонил голову набок, будто только сейчас понял, что сказал это вслух. На его лице появилась едва заметная улыбка.

— "Янтарь", — спокойно повторил он. — Решил, что тебе подходит.

Я окончательно перестала понимать происходящее.

— Почему... Янтарь? — спросила я уже тише. Вопрос вырвался сам собой раньше, чем я успела его остановить.

Маттео выдержал короткую паузу. Потом посмотрел мне прямо в глаза. Так внимательно, будто видел их впервые.

— Потому что все замечают только голубой цвет, — спокойно ответил он. Голос звучал негромко, но уверенно. — А я почему-то сначала увидел янтарные крапинки вокруг зрачка.

Я невольно замерла. За всю жизнь никто ни разу не говорил мне этого.

Все называли мои глаза голубыми. Иногда серыми. Иногда слишком светлыми. Но никто никогда не замечал того, что скрывалось внутри этого цвета. Он заметил.

Маттео едва заметно кивнул.

— До следующей недели, — уже тише повторил он и, не дожидаясь ответа, спокойно развернулся и пошел к выходу.

Я еще несколько секунд стояла неподвижно, продолжая смотреть ему вслед.

Потом опустила взгляд на банку с мутной водой, в которой медленно покачивалась забытая кисть.

— До свидания... — почти машинально произнесла я ему вслед, слишком тихо, чтобы он мог услышать.

И только когда дверь мастерской закрылась, я вдруг поймала себя на одной странной мысли.

Он оказался первым человеком, который посмотрел мне в глаза... и увидел не их цвет.

Я молча закрыла коробку с карандашами, аккуратно вытерла кисти и одну за другой убрала их в пенал. В мастерской постепенно становилось пусто. Студенты расходились небольшими компаниями, кто-то обсуждал работы, кто-то уже строил планы на вечер, а из коридора доносились голоса хоккеистов, которые медленно спускались к выходу.

Я уже собиралась застегнуть сумку, когда рядом, как всегда совершенно бесшумно, появился Лео.

Он несколько секунд внимательно смотрел на меня, потом театрально сложил руки на груди и многозначительно прищурился.

— Ну? — с подозрительным спокойствием спросил Лео, внимательно наблюдая за моим лицом. Казалось, он уже заранее придумал продолжение разговора.

Я даже не подняла головы.

Продолжила складывать кисти так же неторопливо, как делала это последние несколько минут.

— Что? — спокойно ответила я, закрывая пенал.

Лео тяжело вздохнул.

— Признавайся, — произнес он уже настойчивее, слегка наклоняясь ко мне через стол. Любопытство буквально читалось на его лице.

Я наконец посмотрела на него.

— В чем? — ровно спросила я, хотя прекрасно понимала, к чему он ведет.

Лео закатил глаза.

— Ари... — протянул он с таким выражением лица, будто разговаривал с самым безнадежным человеком на свете. — Не заставляй меня произносить это вслух.

— Уже заставил.

Он обреченно покачал головой.

— Ладно, — театрально выдохнул Лео, поднимая руки в знак капитуляции. — Он красивый?

Я несколько секунд спокойно смотрела на него. Потом совершенно искренне пожала плечами.

— Не знаю, — ответила я так же ровно, словно речь шла о погоде.

Лео застыл. Несколько раз моргнул. Потом медленно потер переносицу.

— Ари...

— Что? — так же спокойно спросила я, продолжая собирать вещи.

— Ты сорок минут рисовала его лицо, — с неподдельным отчаянием произнес Лео, широко разведя руками. — Сорок. Минут. Лицо. Неужели за это время нельзя было понять, красивый человек или нет?

Я закрыла пенал, убрала его в сумку и только после этого подняла взгляд.

— Я рисовала человека, — спокойно ответила я. Голос прозвучал тихо, но уверенно. — Не лицо.

Лео медленно закрыл глаза. Постоял так несколько секунд. Потом обреченно запрокинул голову к потолку.

— Господи... — с тяжелым вздохом произнес он, качая головой. — Когда-нибудь ты все-таки сведешь меня с ума.

Я ничего не ответила. Просто закинула сумку на плечо и направилась к выходу из мастерской.

Я ничего не ответила. Просто закинула сумку на плечо, попрощалась с профессором и неторопливо вышла из мастерской.

На улице уже начинало темнеть. Теплый вечерний ветер лениво гонял по университетским дорожкам первые пожелтевшие листья, где-то неподалеку шумела дорога, а кампус постепенно пустел. Студенты расходились небольшими компаниями, смеялись, обсуждали занятия, спорили о предстоящих экзаменах. Кто-то торопился на свидание, кто-то — в общежитие, кто-то — на очередную вечеринку.

Я привычно шла одна. Домой идти было еще рано. Сначала нужно было забрать Луку.

Когда мои пары заканчивались поздно, он никогда не оставался один. После детского сада его обычно забирала миссис Миллер — пожилая соседка, жившая через два дома. Ее внук, Оливер, был ровесником Луки, поэтому большую часть вечера они проводили вместе: строили крепости из диванных подушек, рисовали фломастерами на огромных листах бумаги или с таким азартом собирали конструктор, будто от этого зависела судьба мира.

Миссис Пэрри всегда говорила одно и то же: "Пусть побудет у нас подольше. Детям веселее вместе."

Наверное, это был один из немногих людей, рядом с которыми мне не приходилось постоянно быть настороже.

Я свернула на знакомую улицу и машинально посмотрела на часы. Еще успеваю. Наверняка сейчас Лука снова проигрывает Оливеру в какую-нибудь настольную игру и доказывает, что правила придуманы неправильно.

От этой мысли уголки губ едва заметно дрогнули. Совсем немного. Но улыбка исчезла почти сразу.

Потому что вместе с ней в памяти неожиданно всплыл совсем другой момент. Темные глаза. Спокойный голос. И один-единственный вопрос.

«Почему ты рисуешь?»

Такой простой. И почему-то невозможный. Я всегда считала, что знаю себя достаточно хорошо. Знала, какие краски люблю больше других. Какие кисти выбираю. Какие художники меня вдохновляют. Знала, сколько часов могу просидеть за мольбертом, забыв обо всем вокруг.

Но сейчас неожиданно поняла одну очень неприятную вещь. Я совершенно не знала ответа. И впервые за долгое время это пугало меня гораздо сильнее, чем любой вопрос о моем прошлом. Потому что впервые кто-то спросил не о том, что я делаю. А о том...

почему.

Глава 6

Арианна

К дому миссис Пэрри я подошла почти в половине шестого.

За последние два года этот небольшой белый коттедж с аккуратным палисадником стал для меня почти таким же привычным местом, как университет или квартира, в которой мы жили с Лукой. Здесь всегда было одинаково спокойно. Неважно, шел ли за окном дождь, валил снег или плавился июльский асфальт — стоило открыть калитку, как становилось легче дышать.

Во дворе цвели гортензии, аккуратно подстриженные кусты лаванды тянулись вдоль дорожки к крыльцу, а на деревянных качелях лениво покачивался клетчатый плед, который миссис Пэрри почему-то никогда не убирала в дом. Даже сейчас, когда день уже клонился к вечеру, вокруг было удивительно тихо. Только из приоткрытого окна кухни доносился детский смех и сладкий запах свежей выпечки.

Я поднялась по ступенькам и нажала на звонок.

Дверь открылась почти сразу.

— Арианна! — тепло произнесла миссис Пэрри, широко улыбнувшись. Она, как всегда, была в светлом фартуке, испачканном мукой, а ее каштановые волосы были небрежно собраны в низкий пучок. От женщины пахло ванилью, корицей и чем-то таким домашним, что рядом с ней невольно хотелось перестать быть взрослой хотя бы на несколько минут. — Проходи скорее. Мальчики как раз доедают печенье. Боюсь, если ты задержишься еще минут на пять, они уничтожат всю мою выпечку.

Я едва заметно улыбнулась уголками губ.

— Тогда мне действительно лучше поторопиться, — спокойно ответила я, снимая обувь.

Стоило войти в кухню, как меня окутало приятное тепло.

На большом деревянном столе стояла еще теплая форма с овсяным печеньем, рядом остывал яблочный пирог, а на плите тихо посвистывал чайник. Солнечный свет мягко ложился на светлые стены, отражаясь от старого сервиза, который, казалось, существовал в этом доме всегда.

За столом сидели Лука и Оливер. Оба были перепачканы мукой. На щеках Луки красовалось белое пятно, будто он зачем-то решил попробовать тесто не ложкой, а лицом. Перед ними лежали карандаши, несколько раскрасок и недостроенный замок из цветных кубиков, который явно успел пережить не одно сражение.

Лука заметил меня первым.

— Ари! — радостно вскрикнул он, мгновенно соскочив со стула. Голос его звенел таким неподдельным счастьем, что сердце привычно сжалось.

Через секунду он уже бежал ко мне. Я едва успела поставить сумку на пол, как он крепко обнял меня за талию, уткнувшись носом в куртку.

— Привет, — тихо сказала я, осторожно погладив его по волосам.

— Привет! — весело ответил Лука, подняв голову. Его карие глаза буквально светились. — Ты сегодня рисовала?

Я кивнула.

— Да, — спокойно ответила я, поправляя выбившуюся прядь его волос.

Лука сразу оживился еще сильнее.

— Красиво получилось? — с искренним любопытством спросил он, заглядывая мне в лицо так внимательно, будто ответ был невероятно важен.

Я невольно задумалась. Перед глазами неожиданно всплыл белый холст. Темные глаза Маттео. И снова его вопрос.

"Почему ты рисуешь?"

Я почти сразу прогнала эту мысль.

— Наверное, — тихо ответила я и впервые за весь день по-настоящему улыбнулась. Совсем немного. Но для Луки этого всегда было достаточно.

Он довольно закивал.

— Я знал.

— Конечно, знал, — рассмеялась миссис Пэрри, ставя на стол еще одну чашку. Голос женщины звучал мягко и спокойно, словно в этом доме вообще невозможно было разговаривать громко. — Потому что твоя сестра очень талантливая.

Я только покачала головой.

— Не перехваливайте меня.

— Это не похвала, — с улыбкой ответила миссис Пэрри, наливая чай. — Это факт.

Она поставила передо мной кружку и неожиданно задержала взгляд на моей руке. Всего на секунду. Потом ее добрые глаза стали чуть серьезнее.

— Арианна... — негромко произнесла миссис Пэрри, осторожно коснувшись моего запястья кончиками пальцев. Голос ее оставался таким же мягким, но теперь в нем отчетливо слышалось беспокойство. — Что у тебя с рукой?

Я машинально посмотрела вниз. Рукав куртки чуть задрался.

На внутренней стороне запястья темнел небольшой синяк от пальцев. Почти автоматически натянула рукав обратно.

— На работе ударились, — спокойно ответила я, слишком быстро. Настолько быстро, что сама услышала, как заученно прозвучали эти слова.

Миссис Пэрри молчала. Она не стала спорить. Не сказала, что не верит. Не начала задавать новые вопросы. Просто посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом. Таким взглядом, после которого становилось особенно трудно продолжать врать.

Но она лишь едва заметно улыбнулась.

— Береги себя, хорошо? — тихо произнесла миссис Пэрри, мягко сжав мою ладонь. В ее голосе не было ни жалости, ни любопытства. Только искренняя забота.

Я коротко кивнула.

— Хорошо.

И именно это было самым страшным. Потому что, кажется... Она все поняла. И все равно решила сделать вид, что поверила.

Стоило нам выйти за калитку дома миссис Пэрри, как Лука тут же поймал меня за руку. Не потому, что боялся потеряться. Просто это давно стало привычкой. Маленькая теплая ладонь уверенно устроилась в моей, и мы медленно пошли по знакомой улице, где старые клены уже начинали понемногу желтеть, а вечернее солнце окрашивало кирпичные дома в мягкий медовый цвет.

Лука никогда не умел долго молчать. Наверное, именно поэтому рядом с ним тишина никогда не казалась тяжелой.

— Представляешь, — с невероятной серьезностью начал он, старательно обходя каждую трещину на тротуаре, будто это была опасная пропасть. Голос его звучал так торжественно, словно он собирался рассказать государственную тайну. — Сегодня Дилан подрался с Беном.

Я посмотрела на него.

— Правда? — спокойно спросила я, подстраиваясь под его шаг. — И из-за чего?

Лука тяжело вздохнул.

— Из-за динозавров, — объяснил он так, будто причина была совершенно очевидной. — Дилан сказал, что тираннозавр сильнее спинозавра. А Бен сказал, что нет.

Я несколько секунд молчала.

— Очень серьезный повод, — наконец произнесла я с совершенно невозмутимым лицом.

Лука энергично закивал.

— Вот и я так сказал.

— И чем закончилось?

— Их поставили в разные углы.

Я задумчиво кивнула.

— Наверное, справедливо.

— А я не подрался, — с гордостью сообщил Лука, широко улыбаясь. Он явно ждал именно этого момента разговора.

Я посмотрела на него.

— Молодец.

Он довольно расправил плечи.

— Потому что мисс Эванс сказала, что умные люди сначала разговаривают.

— Очень хорошая мысль.

— Я тоже так думаю.

Несколько секунд он шел молча, сосредоточенно пиная перед собой маленький каштан, случайно оказавшийся на дороге.

Но ненадолго.

Несколько минут мы шли молча. Лука то перепрыгивал через трещины в асфальте, будто это были широкие реки, то старательно наступал только на светлые плитки тротуара, сам для себя придумывая какие-то правила. Я давно перестала спрашивать, почему именно так. У детей всегда существовал свой собственный мир, в котором подобные вещи были совершенно логичными. Наверное, именно поэтому рядом с ним становилось легче. Пока он рассказывал о своих маленьких открытиях, проблемах и победах, мои собственные мысли ненадолго переставали быть такими громкими.

— А еще... — неожиданно оживился Лука, снова поднимая на меня глаза. Голос его стал громче, в нем появилась привычная детская восторженность, будто он только сейчас вспомнил что-то очень важное. — Мне папа...

Он осекся. Так резко, словно сам испугался произнесенного слова. Я почувствовала, как его маленькие пальцы, до этого спокойно лежавшие в моей ладони, вдруг сжались чуть сильнее. Совсем немного. Почти незаметно. Но этого оказалось достаточно, чтобы понять: он тоже понял свою ошибку.

Лука поспешно отвел взгляд.

— То есть... воспитательница, — быстро исправился он, старательно делая вид, будто именно это слово собирался сказать с самого начала. Голос его прозвучал чуть тише прежнего. — Воспитательница сказала, что у меня сегодня лучше всех получилась машина.

Я сделала вид, что ничего не заметила. Иногда самое большое проявление любви — не заставлять человека исправлять собственную боль.

— Правда? — спокойно спросила я, слегка улыбнувшись. Голос прозвучал мягко, так, словно меня действительно интересовал только его рисунок.

Лука мгновенно оживился.

— Правда! — с гордостью ответил он, энергично закивав. На его лице снова появилась широкая улыбка, будто неприятный момент остался где-то позади. — Она сказала, что у меня очень хорошо получаются колеса. Потому что они круглые. А у остальных были какие-то... овальные.

Я тихо кивнула.

— Это действительно очень важно, — совершенно серьезно согласилась я. — Если у машины квадратные колеса, далеко она не уедет.

Лука звонко рассмеялся.

— Вот именно! — с важным видом подтвердил он. — Я тоже так сказал.

Несколько секунд мы снова шли молча. Вечерний город постепенно успокаивался. Машин на дороге становилось меньше, прохожие торопились домой, а солнце медленно опускалось все ниже, окрашивая фасады домов теплым золотистым светом. Лука задумчиво пинал перед собой маленький каштан, стараясь не дать ему укатиться с тротуара, а потом неожиданно снова поднял на меня глаза.

— Ари... — негромко позвал он, и в этот раз в его голосе уже не было прежней беспечной веселости. Только осторожное любопытство.

— М-м? — тихо отозвалась я, переводя взгляд на брата.

Он немного помолчал, словно собирался с духом.

— А я тоже когда-нибудь смогу рисовать так красиво, как ты? — наконец спросил Лука, очень серьезно глядя мне в глаза. Он не улыбался. Не ждал похвалы. Ему действительно было важно услышать ответ.

Я невольно замедлила шаг. Каждый раз, когда он смотрел на меня вот так, внутри что-то болезненно сжималось. Он до сих пор верил, что я умею все. И мне отчаянно хотелось, чтобы эта вера жила как можно дольше. Я осторожно сжала его ладонь.

— Конечно сможешь, — спокойно ответила я, улыбнувшись уже чуть теплее. Голос прозвучал уверенно, без малейших сомнений. — Если будешь много рисовать. Очень много.

Лука расплылся в довольной улыбке.

— Тогда буду, — решительно заявил он, так серьезно кивнув, будто только что заключил самый важный договор в своей жизни.

Мы подошли к пешеходному переходу и остановились у светофора. Лука, как всегда, внимательно посмотрел сначала налево, потом направо, потом снова налево. Я когда-то научила его этому, и теперь он никогда не переходил дорогу иначе. Только когда загорелся зеленый свет, мы снова пошли вперед.

До дома оставалось не больше пяти минут. Лука по-прежнему что-то увлеченно рассказывал, то перепрыгивая с истории про детский сад на новую машинку, которую Оливер пообещал принести завтра, то снова возвращаясь к спору о динозаврах, который, судя по всему, казался ему главным событием дня. Я слушала его вполуха, иногда кивала, иногда отвечала короткими фразами, пока мы не свернули на нашу улицу. Именно тогда я увидела темно-синий пикап, припаркованный почти вплотную к подъезду. Старый. С облезшей краской на заднем бампере. С трещиной на правой фаре, которую он так и не удосужился заменить. Я бы узнала эту машину среди сотен других. И, наверное, Лука тоже. Потому что в ту же секунду его голос оборвался на полуслове. Он даже не договорил предложение. Просто замолчал, проследив за моим взглядом, и крепче сжал мою ладонь.

Нам не нужно было ничего говорить друг другу. За последний год мы слишком хорошо научились понимать такие вещи без слов. Если его машина стояла возле дома в это время, значит, он снова не вышел на работу. Если он не вышел на работу, значит, почти наверняка пил. А если пил... вечер уже был испорчен. Я почувствовала, как внутри все привычно сжалось в тугую, холодный узел. Это происходило каждый раз. Сначала ты замечаешь машину. Потом начинаешь прислушиваться к себе. Потом автоматически перебираешь в голове, сколько денег осталось в кошельке, не лежит ли где-нибудь на виду банковская карта, успел ли Лука убрать свои игрушки и достаточно ли тихо мы сможем зайти в квартиру. Страх давно перестал быть эмоцией. Он стал привычкой.

Чем ближе мы подходили к подъезду, тем отчетливее становились остальные признаки. Еще на улице из приоткрытого кухонного окна доносилась музыка — старая рок-группа, которую отчим всегда включал почти на полную громкость, когда пил. Бас глухо отдавался в стенах дома, смешиваясь с вечерним шумом машин, а стоило открыть тяжелую подъездную дверь, как в нос сразу ударил резкий запах дешевых сигарет. Такой густой, что казалось, он вьелся

даже в бетонные стены. Я машинально вдохнула чуть глубже и сразу же пожалела об этом. Этот запах я ненавидела больше всего. Он означал, что дома нас уже ждут.

Лука больше не говорил. Еще несколько минут назад он весело подпрыгивал на каждой второй плитке тротуара, а теперь шел тихо, почти вплотную ко мне, крепко держа меня за руку. Он больше не спрашивал про рисунки, не рассказывал про Оливера, не смеялся. Ребенок пяти лет не должен был уметь определять настроение взрослого по припаркованной машине, запаху сигарет и музыке за закрытой дверью. Но Лука умел. И каждый раз, замечая, как он меняется за считанные секунды, я понимала, что у него украли слишком большую часть детства.

Мы остановились перед дверью подъезда. Я медленно опустила перед Лукой на корточки, поправила молнию на его куртке, которая почему-то всегда немного съезжала набок, и убрала со лба непослушную темную прядь. Несколько секунд просто смотрела на него, пытаюсь запомнить это спокойное лицо до того, как мы переступим порог квартиры.

— Помнишь правила? — тихо спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно. Ни страха. Ни тревоги. Ни намека на то, что внутри у меня уже все сжималось.

Лука молча кивнул. Он не выглядел испуганным. Скорее... собранным. Так, будто мы не возвращались домой после обычного дня, а собирались выполнять давно знакомую работу.

— Если я скажу идти в комнату... — так же тихо продолжила я, не сводя с него взгляда.

— Я сразу пойду, — спокойно закончил Лука вместо меня. Голос его прозвучал совсем негромко, но уверенно. Он говорил без запинки, словно повторял правило, которое давно выучил наизусть.

Я медленно кивнула.

— И не выйдешь, пока я не приду.

— Даже если ты будешь кричать, — так же тихо произнес Лука, опуская глаза. Он сказал это без слез. Без дрожи. Слишком спокойно для пятилетнего ребенка.

На несколько секунд мне стало трудно дышать. Именно этой фразе я никогда не хотела его учить. Но однажды пришлось. Потому что тогда он выбежал из комнаты, пытаясь защитить меня. И с тех пор я каждый день молилась только об одном — чтобы ему больше никогда не пришлось этого делать.

Я осторожно коснулась его щеки.

— Молодец, — тихо произнесла я, заставляя себя улыбнуться. — Все будет хорошо.

Это была самая привычная ложь в моей жизни. И, судя по тому, как Лука на секунду отвел взгляд, он уже давно перестал в нее верить.

Я медленно повернула ключ в замке, заранее придерживая дверь рукой, чтобы она не хлопнула слишком громко. Старые петли давно требовали смазки, и обычно противно скрипели, но сегодня, словно сжалившись над нами, открылись почти бесшумно. Лука привычно спрятался за моей спиной. Я почувствовала, как его пальцы снова нашли край моего свитера и осторожно сжали ткань. Мы оба задержали дыхание еще до того, как переступили порог.

В квартире стоял тяжелый, спертый воздух. Смесь табачного дыма, дешевого алкоголя и чего-то кислого, что уже несколько дней никто не убирал. На журнальном столике теснились пустые бутылки, переполненная окурками пепельница и несколько смятых купюр. На полу возле дивана валялась разбитая кружка; рядом темнели засохшие разводы кофе, а под ногами тихо хрустели мелкие осколки. Казалось, здесь уже давно никто не жил. Только существовал.

Он лежал на диване.

Неестественно неподвижно.

Одна рука свисала вниз, пальцы почти касались пола, телевизор беззвучно мигал серыми кадрами какого-то старого фильма, а из колонок все еще доносилась музыка, слишком громкая для небольшой квартиры. Со стороны можно было подумать, что он спит.

Я слишком хорошо знала, что это ничего не значит.

Иногда он действительно отключался.

Иногда просто лежал с закрытыми глазами, прекрасно слыша каждый звук в квартире. Разницу никогда нельзя было определить заранее.

Именно поэтому самым безопасным вариантом всегда было считать, что он не спит. Я едва заметно повернула голову к Луке.

— Помнишь? — почти беззвучно спросила я, одними губами, стараясь, чтобы голос не нарушил тяжелую тишину квартиры.

Лука сразу кивнул. Он не выглядел растерянным или испуганным. Казалось, этот маленький молчаливый ритуал был отрепетирован уже десятки раз.

Я осторожно взяла его за плечо и легонько подтолкнула в сторону наших комнат. Мы двигались медленно, стараясь обходить скрипучие доски, не задевать мебель и не создавать лишнего шума. Лука даже рюкзак снял заранее, чтобы молния случайно не звякнула о дверную ручку.

Стоило переступить порог квартиры, как он словно становился старше на несколько лет. И именно это каждый раз причиняло боль сильнее всего.

Потому что ребенок не должен знать, какие половицы скрипят громче остальных. Не должен уметь открывать дверь без единого звука. Не должен понимать, когда лучше не дышать слишком громко.

Но Лука знал.

А значит... Когда-то этому научила его я.

Я уже почти закрыла дверь нашей комнаты, когда за спиной послышался знакомый звук. Сначала тяжелый, хриплый вдох. Потом негромкий скрип старого дивана. И только после этого — шаги.

Я на секунду закрыла глаза. Проснулся.

Лука тоже услышал.

Я почувствовала, как он сразу перестал расстегивать рюкзак и замер посреди комнаты, не сводя с меня встревоженного взгляда. За последний год он научился различать эти звуки не хуже меня. По тому, как скрипел диван, как отчим ставил ноги на пол, как открывал дверь комнаты, можно было почти безошибочно определить, в каком он сегодня состоянии.

Я заставила себя спокойно улыбнуться.

— Посиди здесь, — тихо сказала я, осторожно коснувшись плеча Луки. Голос звучал ровно, словно ничего необычного не происходило. — Я сейчас вернусь.

Он не стал спорить. Только коротко кивнул. Это было хуже всего.

Ребенок не должен понимать подобные просьбы с первого раза.

Я тихо прикрыла дверь и вышла в коридор. Он уже стоял там. Небритый. Помятый. В той же растянутой футболке, в которой был утром.

Глаза покраснели, волосы торчали в разные стороны, а от него за несколько шагов пахло смесью сигарет, алкоголя и чего-то химического, сладковатого и тяжелого. Он несколько секунд молча смотрел на меня, будто пытался вспомнить, кто перед ним стоит, потом криво усмехнулся.

— Явилась, — хрипло произнес он, почесав щетинистый подбородок. Голос звучал грубо и раздраженно, словно мое появление уже само по себе было поводом для недовольства. — Где шлялась?

— На учебе, — спокойно ответила я, стараясь не повышать голос. — Потом забрала Луку. Он фыркнул.

— Учеба... — протянул он с явным презрением, медленно подходя ближе. — Художница, значит.

Я промолчала. Это тоже было частью давно выученных правил. Иногда молчание заканчивало разговор быстрее любых слов. Но сегодня не закончилось. Он остановился почти вплотную.

Несколько секунд внимательно смотрел мне в лицо, потом его взгляд медленно опустился к сумке, висевшей на моем плече.

— Деньги где? — резко спросил он, протягивая руку к сумке. Голос стал жестче. Исчезла даже показная ленивость первых секунд.

Я машинально перехватила ремень.

— Нет денег, — спокойно ответила я, не отводя взгляда.

Он недоверчиво усмехнулся.

— Не ври, — процедил отчим, качнув головой. — Я знаю, что ты опять работала.

Я молчала.

— В кафе своем работаешь, — продолжил он уже громче, сверля меня тяжелым взглядом. — Картины продаешь. Думаешь, я не знаю? Думаешь, ты меня проведешь?

— Почти все ушло за квартиру, — так же спокойно ответила я. — Остальное — на продукты и садик.

Он будто не услышал. Или не захотел услышать.

— Ты всегда что-то прячешь, — раздраженно бросил он, делая еще один шаг вперед. — Всегда оставляешь себе. Где деньги?

Я медленно покачала головой.

— Их нет.

Несколько секунд он просто смотрел на меня. В квартире стало так тихо, что я слышала, как на кухне негромко капает вода из плохо закрытого крана. За дверью нашей комнаты не доносилось ни звука. Лука сидел тихо. Слишком тихо. Наверняка прислушивался к каждому слову.

Я очень надеялась, что он ничего не слышит. Но понимала... Он слышит все. Потому что стены в этой квартире были слишком тонкими. И потому что подобные разговоры давно стали частью нашей жизни.

Следующее произошло настолько быстро, что я не успела даже вдохнуть.

Он резко толкнул меня в плечо. Не сильно. Но неожиданно.

Я сделала шаг назад, пытаюсь удержать равновесие, и боком задела стену. Еще до того, как успела выпрямиться, в левый бок пришелся новый удар.

Не в лицо.

Он прекрасно знал, какие следы можно спрятать под одеждой, а какие слишком легко заметят посторонние.

Воздух на мгновение выбило из легких. Я машинально прижала руку к ребрам, но почти сразу опустила ее. Нельзя было показывать, насколько больно. Он всегда замечал подобные вещи.

За спиной громко хлопнула дверь комнаты.

— Не надо! — закричал Лука, выбегая в коридор. Голос его сорвался на высокой ноте, а в глазах застыл неподдельный страх. Он бросился ко мне так быстро, что я едва успела повернуть голову. — Не трогай ее!

Он встал передо мной, широко расставив руки, словно всерьез собирался закрыть меня собой.

Сердце болезненно сжалось. Этого нельзя было допустить.

Я сразу же осторожно взяла Луку за плечи и одним движением отодвинула его себе за спину.

— Лука, — тихо произнесла я, не отрывая взгляда от отчима. Несмотря на напряжение, голос прозвучал удивительно спокойно. — Иди в комнату.

— Нет! — почти выкрикнул он, отчаянно мотая головой. По щекам уже текли слезы, но он упрямо оставался на месте. — Я не уйду!

Я почувствовала, как его пальцы вцепились в ткань моего свитера.

И именно в этот момент поняла, что сейчас страшно уже не за себя.
За него.

Все произошло за считанные секунды.

Отчим резко перевел взгляд с меня на Луку. Его лицо исказилось раздражением, будто плач ребенка раздражал его гораздо сильнее, чем собственный крик несколькими мгновениями раньше. Он сделал короткий шаг вперед, и этого движения оказалось достаточно, чтобы я поняла, куда он собирается идти.

— Ах ты мелкий говнюк! — рявкнул он, глядя уже не на меня, а на Луку. Голос прозвучал громко, хрипло и зло, заставив мальчика вздрогнуть всем телом.

Лука не отступил.

По щекам уже текли слезы, губы дрожали, но он по-прежнему стоял на месте, крепко сжимая кулаки. Я видела, как ему страшно. Видела, как он изо всех сил пытается не сделать ни шага назад. Он был еще слишком маленьким, чтобы кого-то защитить. И слишком большим, чтобы больше не прятаться.

Я оказалась между ними раньше, чем успела подумать. Это произошло само собой. Так же естественно, как вдохнуть воздух.

Я просто сделала шаг вперед и полностью закрыла собой Луку. Одной рукой машинально отвела его себе за спину, чувствуя, как он сразу вцепился пальцами в ткань моего свитера. Даже сейчас он не отпускал меня.

Отчим раздраженно усмехнулся.

— Отойди, — процедил он сквозь зубы, глядя поверх моего плеча. Голос его звучал уже тише, но именно такая интонация всегда означала самое опасное. — Я не с тобой разговариваю.

Я не сдвинулась с места.

— Он ребенок, — спокойно произнесла я, не повышая голоса. Каждый звук давался удивительно легко, словно внутри уже не осталось места страху. — Оставь его в покое.

Он сделал еще один шаг. Попытался обойти меня справа. Я сразу же сместилась следом, снова перекрывая ему дорогу. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Я прекрасно понимала, чем это закончится. Но отойти не могла. Не после того, как увидела испуганные глаза Луки. Не после того, как почувствовала его дрожащую руку у себя за спиной.

Отчим медленно выдохнул через нос.

— Ты начинаешь меня раздражать, шавка, — негромко произнес он. Голос звучал почти спокойно, и именно это спокойствие заставляло сердце биться чаще.

Я выдержала его взгляд и грубые слова. Потом так же спокойно ответила:

— Если тебе так хочется сорвать злость...

Я сделала короткую паузу. Не потому, что боялась. Потому что хотела, чтобы он услышал каждое слово.

— ...выбирай кого-нибудь ближе к своей весовой категории.

В квартире стало тихо. Даже музыка из гостиной будто на мгновение ушла куда-то очень далеко. Лука перестал всхлипывать. Кажется, он тоже замер.

Он больше не слышал ни меня, ни собственные слова. Осталась только злость, которой срочно нужно было найти выход.

Я даже не попыталась отступить.

Я только сильнее прижала Луку к себе, разворачивая его так, чтобы он полностью спрятал лицо у меня на плече. Одной ладонью закрыла ему затылок, другой крепко обняла за спину, чувствуя, как мелко дрожит все его тело. Он всхлипывал, отчаянно цепляясь пальцами за мой свитер, а я гладила его по волосам снова и снова, будто этим простым движением могла отгородить его от всего происходящего вокруг.

— Не открывай глаза, — почти беззвучно прошептала я, прижимаясь щекой к его макушке. Голос звучал удивительно ровно, хотя сердце колотилось так сильно, что, казалось, Лука должен был его услышать. — Слышишь меня? Только не открывай.

Я почувствовала, как за спиной что-то резко рассекло воздух.

Через мгновение жгучая боль полоснула поперек спины.

Настолько неожиданная, что воздух сам собой вырвался из легких.

Я крепче стиснула зубы.

Не вскрикнула.

Только сильнее прижала к себе Луку.

Еще один резкий удар обжег плечи и спину, заставив все тело инстинктивно напрячься. Пальцы сами собой впились в ткань его куртки, но я не позволила себе даже отстраниться. Если я сейчас сдвинусь хотя бы на несколько сантиметров, он окажется открытым.

Нет.

Только не он.

— Все хорошо... — тихо прошептала я, продолжая гладить его по волосам, хотя собственная ладонь уже заметно дрожала. Голос сорвался лишь на последнем слове, и я сразу же заставила себя говорить ровнее. — Я рядом. Все хорошо.

Это была ложь.

Но сейчас ему нужна была именно она.

Лука плакал уже не сдерживаясь. Я чувствовала, как его слезы пропитывают мой свитер, как он отчаянно жметя ко мне, пытаюсь стать еще меньше, еще незаметнее. Он ничего не видел. Только слышал мое дыхание и чувствовал, как я продолжаю его обнимать.

И пока он был у меня на руках...

Я могла выдержать все остальное.

В квартире наконец стало тихо.

Музыка давно стихла. Телевизор продолжал беззвучно мерцать синим светом, освещая полутемную гостиную, а из-за приоткрытой двери доносился тяжелый, неровный храп отчима. Запах алкоголя все еще висел в воздухе, смешиваясь с дымом давно потухших сигарет. Я просидела в своей комнате почти два часа, прислушиваясь к каждому шороху за стеной, пока окончательно не убедилась, что сегодня он уже не поднимется.

Только после этого я осторожно открыла дверь.

Только сейчас, когда напряжение понемногу отпускало, тело наконец позволило почувствовать боль. Спина горела так, будто к коже приложили раскаленный металл. Каждое движение отзывалось резкой тянущей болью под лопатками, и мне приходилось двигаться медленнее обычного, чтобы не выдать себя случайным вздохом. Под тонкой тканью футболки что-то неприятно липло к коже. Я и без зеркала понимала, что несколько полос снова открылись и понемногу кровоточат. Значит, утром на их месте появится еще один шрам. Еще одна тонкая светлая линия среди десятков других, которые давно перестали удивлять меня.

Каждый шаг был привычно тихим, но давался с трудом. Половицы возле кухни снова предательски скрипнули, и я автоматически остановилась, задержав дыхание. Несколько секунд прислушивалась. Из гостиной по-прежнему доносился только тяжелый храп. Я медленно выдохнула и пошла дальше.

Первым делом — не в ванную. Не к аптечке. Не к себе. К Луке.

Я очень медленно приоткрыла дверь его комнаты, стараясь не впустить внутрь лишний свет из коридора. Маленький ночник в форме луны едва освещал кровать, книжную полку и разбросанные на полу машинки, которые он так и не убрал вечером. Лука лежал под одеялом, свернувшись клубочком. Со стороны можно было подумать, что он уже спит.

Но стоило мне сделать несколько шагов ближе, как он тихо заговорил:

— Ари... — почти шепотом позвал Лука, не открывая глаз. Голос его прозвучал сонно, но я сразу поняла: он не спал. Просто ждал.

Я осторожно присела на край кровати и привычным движением убрала темную прядь с его лба.

— Не спишь? — так же тихо спросила я, стараясь улыбнуться так, будто сегодняшний вечер ничем не отличался от остальных.

Лука медленно открыл глаза. Они были красными после слез. Он несколько секунд молча смотрел на меня, словно собираясь с духом, а потом очень тихо спросил:

— Он тебя сильно ударил? — голос мальчика дрогнул на последнем слове. Он произнес вопрос так осторожно, будто заранее боялся услышать ответ.

Я почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось. Улыбнулась. Совсем немного. Так, чтобы улыбка выглядела настоящей.

— Нет, — спокойно соврала я, мягко погладив его по волосам. Голос прозвучал ровно, почти буднично. — Уже почти не болит.

Лука продолжал смотреть мне в глаза еще несколько долгих секунд. Потом едва заметно покачал головой.

— Врешь, — тихо произнес он, и в его голосе не было ни обиды, ни упрека. Только печальная уверенность человека, который слишком рано научился отличать правду от лжи.

Я ничего не ответила сразу. Лишь осторожно накрыла его маленькую ладонь своей. Потом снова улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Так, как улыбалась только ему.

— Спи, маргышка моя — ласково сказала я, поправляя одеяло. Голос стал мягче обычного. — Завтра тебе рано вставать.

Лука еще несколько секунд не закрывал глаза. Потом придвинулся ближе и крепко обнял меня за талию. Совсем как в детстве.

Я едва заметно вздрогнула.

Не от неожиданности.

От боли.

Но почти сразу крепко обняла его в ответ, не позволяя ему почувствовать, что даже это простое движение сейчас причиняет мне боль.

— Я тебя люблю, — почти неслышно прошептал он, уткнувшись лицом мне в бок.

Я осторожно прижалась губами к его макушке.

— Я тебя тоже, малыш, — так же тихо ответила я, медленно перебирая его волосы. — Больше всех на свете.

Через несколько минут его дыхание стало ровнее. Пальцы постепенно разжались. Лука наконец уснул. А я еще долго сидела рядом, продолжая гладить его по голове, хотя спина болела все сильнее, а под футболкой медленно остывала кровь.

Завтра станет на один шрам больше.

Главное, что сегодня ни одного нового шрама не появилось у Луки.

Преодолевая боль в спине, я медленно поднялась с кровати Луки и еще несколько секунд просто смотрела на него. Во сне он снова выглядел обычным семилетним мальчишкой. Темные ресницы чуть подрагивали, одна ладонь лежала поверх одеяла, а на полу возле кровати по-прежнему валялась маленькая красная машинка, которую он так и не убрал перед сном. Я осторожно поправила сползшее одеяло, провела ладонью по его волосам и только после этого бесшумно вышла из комнаты. Дверь закрывала так медленно, словно даже щелчок замка мог нарушить этот хрупкий покой, который мне с таким трудом удалось ему вернуть.

Прежде чем закрыться в комнате, я все-таки зашла в ванную. Свет включать не стала. Тусклой лампы над зеркалом оказалось достаточно, чтобы увидеть собственное отражение. Волосы растрепались, на щеке темнела размазанная полоска пыли, а футболка на спине местами прилипла к коже.

Я медленно стянула ее через голову, стараясь не задевать спину. Ткань отлипала тяжело, и каждый сантиметр отзывался жгучей болью. На лопатках и чуть ниже тянулись длинные красные полосы. Некоторые уже начали темнеть, другие еще кровили тонкими нитями, оставляя на коже влажные дорожки. Я знала, чем все закончится. Через несколько дней края ран затянутся, потом появятся корочки, а еще через несколько недель на их месте останутся новые тонкие белесые шрамы. Они давно перестали помещаться в памяти. Иногда мне казалось, что легче вспомнить участки кожи, где их нет.

Я намочила ватный диск антисептиком и осторожно провела по одной из ссадин. Кожу сразу обожгло, пальцы сами собой сильнее впились в край раковины, но я лишь медленно выдохнула. Потом второй раз. Третий. Движения были настолько привычными, словно я выполняла обычную вечернюю процедуру. Закончив, я достала из шкафчика чистую футболку, аккуратно надела ее, стараясь не касаться спиной ткани лишней раз, выключила свет и только после этого вернулась в свою комнату.

Когда я закрывала дверь, из темной гостиной донесся его сонный, невнятный голос. Он что-то пробормотал, растягивая слова, потом негромко рассмеялся сам себе. Смысл фраз терялся в алкогольном бреде, но мне этого хватило, чтобы по спине пробежал холод. Я не стала прислушиваться.

Я повернула ключ в замке и услышала негромкий металлический щелчок. Когда-то этого звука было достаточно, чтобы почувствовать себя в безопасности. Теперь — нет. Я молча подошла к письменному столу, взялась за спинку старого деревянного стула и поставила его под дверную ручку. Несколько секунд смотрела на него, прекрасно понимая, что это всего лишь тонкий кусок дерева, который вряд ли сможет кого-то остановить. Потом перевела взгляд на тяжелый комод, стоявший у противоположной стены. Даже не раздумывая, подошла к нему, уперлась ладонями в холодное дерево и начала медленно двигать к двери. Спина сразу отозвалась такой резкой болью, что перед глазами на мгновение потемнело, но я только сильнее стиснула зубы. Комод тяжело скрипнул по полу, оставляя на старом паркете новые царапины, и наконец глухо уперся в дверь. Только после этого я позволила себе остановиться.

Я медленно опустилась на пол, прислонилась спиной к кровати и закрыла глаза. За последние полгода я почти забыла, что значит просто лечь спать. Сон перестал быть чем-то естественным. Теперь каждая ночь превращалась в ожидание. Я ложилась, закрывала глаза и начинала слушать. Скрип половиц в коридоре. Шорох одежды за стеной. Тяжелые шаги, которые могли пройти мимо... а могли остановиться возле моей двери. Иногда ничего не происходило до самого утра. Иногда я слышала, как кто-то долго стоит по ту сторону, не двигаясь и не произнося ни слова. Иногда слышала двусмысленные фразы. Иногда дверная ручка очень медленно опускалась вниз, словно человек снаружи хотел проверить, действительно ли дверь заперта. А иногда раздавался тихий смешок. Такой негромкий, почти ленивый, что от него по коже пробегал холод гораздо сильнее, чем от любого крика.

Сегодня тоже.

Я не успела даже полностью расслабиться, как в квартире снова стало слишком тихо. Настолько тихо, что собственное дыхание показалось оглушительно громким. Я открыла глаза и уставилась на дверь. Прошла минута. Или две. Потом металлическая ручка едва заметно дернулась вниз. Очень медленно. Почти осторожно. Я перестала дышать, чувствуя, как сердце начинает стучать где-то в горле. Через несколько секунд ручка снова опустилась. Уже чуть сильнее. Потом еще раз. Каждый новый щелчок отдавался внутри громче предыдущего, а я продолжала сидеть неподвижно, крепко обхватив руками колени и боясь пошевелиться даже на сантиметр.

Следом раздался первый глухой толчок в дверь. Стул тихо скрипнул. Комод едва заметно дрогнул, но остался на месте. Через несколько секунд последовал второй удар — сильнее предыдущего. Потом наступила тишина. Такая долгая, что на мгновение мне показалось, будто

все закончилось. Я уже почти позволила себе сделать вдох, когда по ту сторону двери кто-то негромко усмехнулся. Медленно. Лениво. Так, словно происходящее доставляло ему удовольствие.

— Думаешь, эта дверь тебя спасет? — голос звучал невнятно, слова растягивались, но каждое из них я разбирала слишком хорошо. — Все равно не будешь сидеть там вечно...

Я зажмурилась. За дверью снова стало тихо. Потом послышался еще один глухой толчок.

— Прячься... — пробормотал он почти шепотом, снова тихо усмехнувшись. — Все равно однажды выйдешь и я наконец попробую свою малышку.

Затем снова послышались шаги. Они начали удаляться по коридору, становились все тише, пока окончательно не растворились в ночной тишине квартиры.

Я не двинулась с места.

Не подошла к двери.

Не убрала стул.

Не отодвинула комод.

И даже не позволила себе облегченно выдохнуть.

Потому что за последние полгода я выучила еще одно правило.

Самое важное.

Иногда он действительно уходил.

А иногда...

Возвращался снова.

Полгода назад он никогда не подходил к моей двери по ночам.

Полгода назад он вообще никогда не смотрел на меня так.

Все началось после того, как алкоголь перестал быть для него достаточным. Когда появились наркотики, вместе с ними появился другой человек. Чужой. Непредсказуемый. Человек, которого я больше не узнавала и который с каждым днем становился все опаснее.

С тех пор каждую ночь я подпирала дверь стулом.

Каждую ночь двигала к ней тяжелый комод.

И каждую ночь засыпала только под утро, прислушиваясь к каждому шороху в коридоре.

Потому что за последние полгода я выучила еще одно правило.

Самое важное.

Если за дверью стало тихо...

Это еще не значит, что опасность закончилась.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.